

Серафим Васильевич Теньков

Воспоминания
МОЕЙ
жизни

Москва 2022

**На смерть моего отца 27.01.1996
Тенькова Серафима Васильевича
от сына Саломатина Владимира Серафимовича.**

*Не убивал ты и не грабил
Простым разнорабочим был,
Но десять лет отбыл в ГУЛАГЕ
Баланду ел, гранит рубил
То строил БАМ ты на Востоке,
То с Воркуты железку гнал,
Чтоб уголек с Печерских копий
В Москве нам душу согревал.
Босым ходил ты по этапам
Сорок шестым была нога и вместо обуви
Носил ты от телогреек рукава.
Ты потерял жену и сына, ты потерял
свой отчий дом. За что страдал - непостижимо
за что сидел не знаешь сам.*

Предисловие

Воспоминания являются автобиографическими историями жизни моего деда, Тенькова Серафима Васильевича, и его большой семьи. Записи были сделаны в период с 1972 по 1992 годы в обычных ученических тетрадях 48 листов. Всего дед оставил четыре рукописные тетради. Тетради 1 и 2 включают временной интервал с 1905 по 1992 годы, почти 90 лет. В тетрадях 3 и 4 повторяются события предыдущих тетрадей, но с новыми деталями и фактами. Текст изложен в своеобразном разговорном стиле. Если не удавалось разобрать почерк, то Я заменял непонятные слова многоточием. Текст требует внимательного прочтения из-за особенностей речевых оборотов того времени. Я стремился оставить в записках изначальные «разговорные» обороты и написания слов с целью быть ближе к оригинальному изложению автора.

В Приложении к тетрадям я добавил сканы фотографий, сканы оригинальных документов и генеалогическое древо, которое составил мой папа, Саломатин Владимир Серафимович. Для наглядности изложения вставлены географические карты тех мест, которые упоминаются в записках.

Уверен, что воспоминания не оставят Вас равнодушными и будут примером стойкости и жизненной мудрости. Обязательно прочтите все тетради!

Саломатин Алексей Владимирович

Оглавление

Тетрадь 1	9
Тетрадь 2	77
Тетрадь 3	93
Тетрадь 4	121
Приложение:	
Генеалогическое древо.....	133
Фотографии	134
Документы.....	155
Места на карте.....	169
Послесловие	187

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

Воспоминания

1900

У Матвея Воробья...
родился в 1914 году...
в 1915 году...

Но как мне известно...
у меня ли в поселке...
Менделеева...

Всего в поселке...
там в паше...
двух...
двух...

Кто же...
кто же...
кто же...

Тетрадь

16.12.72 г. гор. Тамбов. 11.20

Воспоминания моей жизни

Дорогие читатели:

Извините за ошибки, за неграмотный почерк, ведь я всего окончил два с половиной класса, лет 50 тому назад.

*С уважением,
11.02.1973*

Я, Теньков Серафим Васильевич, родился в 1914 году 23-го декабря, по новому стилю в 1915 года 5-го января, в селе Копыл, ныне Эртильского р-на, Воронежской области.

Но как мне известно, то есть как я помню, жили мы в поселке. Поселок назывался Теньковым, Курлакский сельский совет Щучинского района, Воронежской области.

Всего в поселке было девять дворов. Мы называли внутри хуторами. В верхнем хутор, дедушка у нас жил Тимофей Николов Теньков, было пять домов. В Нижнем, был дедушка Егор Николов Теньков. Дедушки были братья. Там было четыре дома. *(имя Никола – это один из вариантов произношения имени Николай. Но в России имя Никола стало производным и независимым именем. До раскола церкви на Руси в середине XVII века имя Никола стало канонической формой имени Николай в Русской церкви (Николаями именовались только еретики и современные иноземцы), а после раскола имя Никола сохраняется у старообрядцев)*

Как мне потом было известно, что эти два дедушки из села Копыл поселились на этой земле. Земли раньше назывались Столыпинскими отрубями. Вот здесь прошло мое детство.

(Отруб — в России в начале XX века земельный участок, выделенный из общинной земли (в результате столыпинской аграрной реформы 1906 года) в единоличную крестьянскую собственность. Позволяет оптимизировать крестьянское хозяйство, в частности, за счёт ликвидации чересполосицы.)

Знал я дедушкиных двух братьев и сестру: Кузьма Николов, Захар Николов, Акулина Николовна Тенькова. Отец дедушкин - Николай Васильевич Теньков. У дедушки как я узнал было шесть сыновей и две дочери.

Теньков Василь Тимофеевич это мой отец. Петр, Федор, Антон, два Алексея, Евгения, Матрена – братья и сестры отца. Но я только знал, то есть захватил дядю Федю, тетю Евгению, тетю Мотю.

Кто же жил на верхнем хуторе: мы, дядя Федя, сын дяди Федеи – Ваня и сын дяди Алексея, сирота Володя, сирота тетя Люба, дяди Петина жена с четырьмя детьми: Коля, Петя, Рая, Митя.

Сейчас жива тетя Люба и сын их Петя. Они живут в городе Лыткарино, Московской области. У дяди Федеи жена – тетя Аксюша. Сыновья: Ваня, Паша, Петя, дочери – Маруся, Валя, Вера. На сегодня Паши, Пети в живых нет и родителей нет. У Вани 2 дочери – Нина, Тая, жена Александра Георгиевна. У Володи жена Таня, дочери Маруся, Валя и сын Миша. Но сегодня Володи и Марии нет в живых. У Пети и Любы, сын Коля и Митя, и дочь Рая умерли. Сейчас она живет с сыном Петей.

Нас у родителей было двенадцать человек: Ваня, Зина, Тая, Шура. Этих я не помню, они умерли до моего рождения или когда я был совсем маленьким. Катя, Я, Коля, Боря, Саша, Люба, Маруся, Анатолий, мать - Мария Коновна, отец - Василий Тимофеевич. От такой большой семьи на сегодня нас осталось только трое: Катя, Я, Коля. Какой год остался мне в памяти, т.е. что мог запомнить. Первое мне запомнилось - банда. 1921-22 года – в эти годы голод, ели лебеду и просыную мякину. Из крапивы мать варила щи. Ходить было не в чем, так и обувь нечего. На ногах и руках цыпки. Так как каждый был чем-то занят, то есть за чем-то смотрел. Я, например, как старший, выполнял разную работу - основном нянчил меньших, помогал отцу ухаживать за скотиной, позже помогал в поле снимать шкуры с зайцев. А это было зимой

каждый день 3-5 штук. Во время болезни матери приходилось топить печь, варить пищу себе и скотине, печь блины и даже хлеб. Меньшие тоже не были без делов. Кто стерег свинью, кто гусей, кто смотрел за младшими, а сестра училась у дедушки в Русаново, у маминого отца. Где мы жили место было очень хорошее, рядом пруд, с километр огибал Курлак с заливными лугами, множеством цветов, множество было дикой птицы и зверей, зайца, лис и волков. Сеяли хлеб почти рядом с домом, иногда не ближними копнами, а прямо носили на ток снопы.

Жили между собой дружно, да ведь были родные - двоюродные и троюродные братья. На лето к нам приезжали два брата двоюродных по маме из Русанова, Витя и Ваня. Но они были немножко постарше меня. Пойдем с Витей вытресать вентеря (*верша из ивовых прутьев*) в Курлаке, в озере и я ему завидовал, что он большой может купаться в озере. Витя работал на тамбовском мясокомбинате главным бухгалтером, умер в 1934 году. О Ване я не знаю. Сейчас жил он в Москве, работал инженером водопроводной сети. У нас часто, почти всегда, жила сирота от дяди Антона – дочь. Она многих крестила, а кого и не крестила все равно ее звали крестной (это Лена), умерла в 1932 году. Мне она двоюродная сестра. Дедушка жил рядом, с сиротами. Но в основном помогал всем сиротам папа. В особенности, когда умер дедушка восьмидесяти трех лет в 1926 году, а в 1925 году умерла моя сестра Люба, я их хоронил и не хотел без них ехать с кладбища.

После голодовки нам не повезло, пала лошадь, пахали на коровах. Позже и коровы заболели, столько детворы и были без молока, но все было пережито, правда немногим удалось. Все равно в остальном о детстве только радостно на душе. Что вроде оно обратно вернулось, но это только одно мгновение, вспомнишь как бегали по лужайке. За тети Любиным домом сразу начинается луг, лощина нижнего пруда и соединяется с Курлаком, который огибал нашу землю. К нему близко не пахали, поэтому луга, озеро и глубокие протоки соединяющие озера, ничем не засоряли, даже скот пасли только после уборки хлебов. Бывало, лежишь на одном бугре Курлака в траве, а на втором можно видеть зайца

или несколько, лису или волка, или несколько. Не говоря о диких птиц, уток, журавлей, ..., перепелов, которыми кишело. В Курлаке было много и всякой рыбы.

Молодежи было очень много. Весной играли в разные игры, я имею в виду в праздники. Селений было очень много не далеко от наших нижних. Мы их так звали, жили Чернышovy, ..., Голощановы, ..., Арсюхабортовы и множество поселков. Я часто задумываюсь: или это было хорошо на самом деле, или это только детство. Но второе видимо верней, потому что хорошего не могло быть. До 13 лет я ходил без штанов и не имел обуви, жили тесно. С нами, я имею ввиду детвору, вместе находились овцы с ягнятами, телок и даже свинья с поросятами. Но и питание особенно не отличалось, все чаще употребляли кулеш, да больше не было возможность сготовить. Печь топили один раз, нужно на такую семью сготовить на день, и скотине тоже картошку и кулеш варили. Помню, как хорошо праздновали десятилетие Октябрьской Революции в 1927 году. Трактор было украшен и колесил целый день по отрубам и поселкам. Мы вернулись только вечером поздно, день был очень теплый. Зимы были холодные, метели по три дня были, потом станет тихо, все везде занесено, скотину поили и кормили через крышу, потому дверей сразу не открыть. Но и лето было теплым, мы все время спали на улице под одним одеялом (или верней дерюгой).

Школ не было, я два года учился дома. Собирались несколько и нанимали учителя (учил Михаил Платонович). В 1927-м меня устроили в школу у дедушки в Русаново, в 3-й класс. Школа была далеко (около 40 км от села Копыл) и наняли человека готовить за четвертый класс. Но мне пришлось проучиться до зимних каникул. Дедушка меня привез домой, и я больше не учился. Кто-то говорил, что я сам не пожелал больше учиться, но слышал из уст отца, он говорил: «Я прожил неграмотным, проживет и он. Пусть помогает по хозяйству». И так я прожил жизнь имея образование два с половиной года. Конечно, мне не легко было с таким образованием занимать инженерные должности, и я, можно сказать, справлялся не плохо - предприятие было передовым

и имел почет и уважение начальствующего состава. Но я забежал несколько вперед. Но что в детстве было хорошим, сразу стало плохое в 30-х годах. Все отрубца и поселки решили убрать с этой земли и землю передали совхозу. Кто не успел переехать жил как на острове, кругом опахано. Мне пришлось лето работать в этом Совхозе. Был я объездчиком, нас было четверо человек. День мы объезжали поля чтобы не травили кто не переехал, а ночью когда начался обмолот, охраняли амбары с хлебом на отдельных дворах, которые были отобраны у кулаков. И вот однажды, сижу я на пороге амбара в тишине, рядом пустой дом и, наверное, задремал. Лошадь была спутана, ходила в овраге и когда я сидел на порог не обратил внимания, что в двери в верхней части было отверстие для лаза кошкам. И когда я, видимо, задремал причем я ничего не подозревал, мне прыгнула кошка на воротник тулупа. Я не знаю с какой быстротой кубарем скатился к коню, распутал и вдарился галопом до знакомого отца. Но я ему стал стучать так, что он испугался и долго не открывал дверь. Но когда открыл, я ему рассказал, что получилось. Он сразу сказал, что это кошка, я у него пробыл до рассвета. А утром пошел туда и увидел отверстие в двери, видимо это действительно прыгнула кошка.

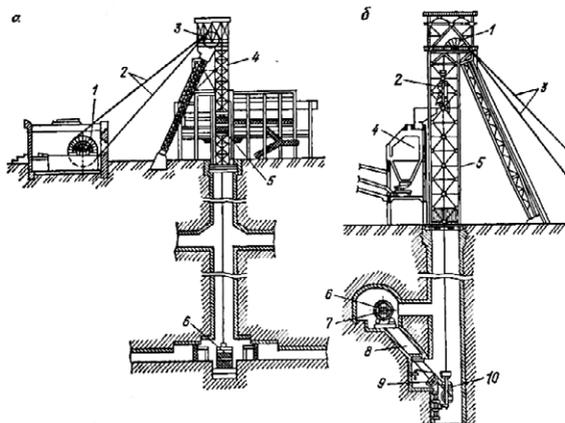
По части молодежи, которая была старше меня, к этому времени почти вся разъехалась в города, а кто повыходили замуж. В нашей же семье было один одного мельче. Да когда я работал в совхозе объездчиком еще помогал стоговать омет (*Сложенная большой кучей солома*) при молотье. Однажды старший мой куда - то ушел, я остался один, ... Таскали пара лошадей фургон. Несколько вязанок развязалось где-то внизу, потом следующая вязанка ими заклинило и лошади не брали. Тогда, который правил лошадьми, всыпал им кнута, они рванули в сторону, я стоял на той стороне куда бросилась лошадь, тогда ... срывается, вдарил мне в грудь, поднял и бросил на землю, я был без памяти. Очнулся когда был в больнице на Гусевом поселке. После рассказывали мне, что не думали, что буду жив. Это первое мое крещение еще в детстве. Вот поэтому у меня сохранилась до старости совесть, познал я цену хлебу, разбирал что хорошо, что плохо, что можно

делать, что нельзя и любил работать, видимо послужило этому всему пережитое в детстве, цыпки на ногах и руках, нечего было одеть недоедания и труд - вот это все и сделало из меня человека. Вот сейчас, смотришь на некоторых подростков (которые безобразно себя ведут) до слез делается обидно, как они живут, одеты, обуты, как кушают, выпивают, до 25 лет палец о палец не ударят, а вести себя не умеют. Они в детстве того не испытали, а научить видимо некому было, вот это их и привело к этому, а честным от них нет жизни, запираются чуть не с обеда.

В 1931 году поехал я и Митя, тети Любин сын в Донбасс. Там уже работал Петя, т. Любин сын, Митин брат родной. Поехали мы в феврале, уже было холодно и много было снега, но мы и одеты были по сезону, в шубах, валенках и халаты захватили, а кто их называл зипуны из грубого сукна. Приехали мы на станцию Кипучее, она тогда была полустанком, вышли из вагона. Снегу нет, грязь, ноги не вытащить, а мы в валенках и идти нам до шахты №10 Артемовского рудника 3 километра. Но делать было нечего, кроме как идти, на нас смотрели как на первобытных, а оказывается там зимы не бывает, если снег в ночь выпадет, то к обеду его уже нет.

Приходим мы где Петя стоял на квартире, а он стоял у своей двоюродной сестры по матери у Насти Медведевой, а муж ее работал десятником по движению, Медведев Василий Иванович. Настя нас встретила, она и меня знала, так как она бывала у т. Любы до замужества. Василий Иванович и Петя были на работе. Когда они пришли, мы уже переодевшись обсушились, закусили и легли отдохнуть. В 5-ть часов, слышали музыку, мы тогда не знали, что это музыка похоронная, а когда узнали, оказывается там редко когда в 5-ть не играет музыка, это хоронят шахтеров, которых постигло несчастье.

Меня оформили на эстакаде стволовым, а остальные все были девчата на откатке и подкатке. И паек давали поверхностный. Проработал я немного, решил ствольным в шахту перейти, там тоже были девчата, но паек уже подземный получал, а паек подземный гораздо лучше поверхностного.

Ствол шахты

а – для клетового подъема (1 – подъемная машина; 2 – подъемные канаты; 3 – направляющий шкив; 4 – копер; 5, 6 – клетки); 6 – для скипового подъема (1 – направляющий шкив; 2, 10 – скипы; 3 – подъемные канаты; 4 – приемный бункер; 5 – копер; 6 – опрокидыватель; 7 – вагонетка; 8 – загрузочный бункер; 9 – дозатор

Девчата, работающие на шахте, наверху и под землей были очень боевые, причем очень ругались, а для меня это было страшно, но со временем я стал привыкать и мне стало стыдно среди женщин работать одному. Я решил перейти на участок движения коногном, там работал Петя, он был уже ударником.

Коногон

Переход мой быстро осуществился, но только и смены не проработал как меня прибило. Мне дали коня по кличке «Сорока», она была настолько худа, что не имела почти шерсти на коже, а закон коногона таков, когда гонишь партию вагонов, нельзя давать чтобы они под уклон стали стучать друг об друга, значит коню нужно давать кнута, чтобы вагоны были в растяжку, так и было. Я вез последнюю партию, спешил, чтобы поспеть на выход своей смены. Не доезжая до ствола 200-250 метров, Сорока моя спотыкнулась, так как там был путь выбит, а шпалы лежали высоко, вагоны еще толкнулись и стали валиться к стене и меня прихватили. Я оказался между стеной и вагоном. Хорошо, что на заднем вагоне ехали 2 человека, хотя этого не разрешали, но видимо быть тому, они быстро меня вытащили из-под вагона, остановили коногона, который двигался за мной и не они, задний коногон нарвался бы на меня и там вообще бы была бы каша. Потом прибежали от ствола, был сам Василь Иванович Медведев, у кого мы стояли на квартире. Моей Сороке сломало переднюю ногу, ее погнали на 3-х ногах, а партию мою забрал задний коногон, я хотел идти после этого всего, но оказывается это все было в горячке. А когда все ушли, тем более конец смены, шла лампоноска новой смены и меня увидела, я лежал около стены без сознания (как я потом узнал). Она бросила у меня лампы, быстро на ствол сообщила в шахте. У ствола и наверху дежурят медики, меня на носилках выдали на гора. А выдают убитых или раненных очень медленно с шахты, подают такой сигнал, а наверху его передают в машинное отделение и подъем клетки идет очень медленно, а глубина шахты была 254 метра. На эстакаде всегда собирается очень много народа, каждый думать может, родной или знакомый и вдруг выдали, увидели вчерашнего стволорова. На горах дежурит тройка лошадей, забирает меня и в больницу, она была от шахты в 3 километрах. Когда Василий Иванович приходит домой и говорит Пете и жене Насте: «Сегодня чуть Серафима не убило». Потом ждут меня обедать, а меня все нет, позвонили в скорую на шахту, там сообщили: «Его выдали из шахты без памяти и отправили ...»

Татарка-лампоноска. Донбасс. 1934

Бумага, уголь. 62,4x44

Собрание Фонда Марджани (Москва)

В больницу Петя, Настя и В.И. приходили ко мне, но я был без движения и пришел в память только утром на следующий день. Ужасная была боль в голове, в груди и правое бедро. В больнице я пролежал месяц и месяц бюллетенил дома, вот это было 2-е мое крещение, но чудом остался жив. Если бы не было со мной людей на заднем вагоне, то о жизни и речи не могло бы быть.

Питались мы трое, Петя, Митя и я, поек вроде был не плохой, да еще доставали и хлеба и в столовой кушали, но все равно ощущали голод. В то время окрестные села были пусты, хлеб убирали ..., а какой был урожай хороший.

У Медведевых было 3 дочери, бывало, придешь с ночной, они отдохнуть не дадут. Те ребята их разгонят, они с родителями двое родные, а я чужой приходится молчать. И Настя упокойница бывало все ко мне обращалась, то сходить за молоком, то за хлебом, то пойти с мужем вроде телохранителя, он был маленький задирчивый и всегда пьяный. Как идет в балку играть в карты, так Настя просит - «Сим сходи с ним», приходится идти. Они компанией играют, я сижу часто рядом, а то уйдет, день-два нет его,

она тоже ночью посылает: «Ты знаешь, где они играют, сходи». Но куда я ночь пойду, выйду к магазину, их квартира была за магазином, постою со сторожем и вернусь. Скажу так и так был, нет его. Смотришь на заре стучит пьяный, дверь откроешь он хлопнется на пороге и замертво уснет. Вот мы его тащим до постели. Ко мне приехал Коля, брат. За дорогу все с себя спустил. На кусок хлеба была т. Люба. Но мы последнее время как лошадь убьют Василий Иванович отдает ее татарам, они обделают ее, он берет заднюю часть, и мы ее отварили, потом с маслом обжарили и тут почувствовали себе сытней. После 2-х месячной болезни я пошел работать крепильщиком. Но обратно, не долго пришлось мне на этом участке поработать. Однажды я прихожу в нарядную (*место где закрывают наряды*), мне десятник говорит: «После работы зайди к заместителю начальника шахты». Я работал с утра в 14 часов я поднялся на гора, помылся и пошел в нарядную, там был кабинет зам. шахты. Захожу к нему отрекомендовался он мне и говорит: «Я знаю, что ты коногон, а работаешь крепильщиком и брат твой Петр ударник. Мы – говорит – движения ликвидируем, а коногонов передаем участкам пластов и там – говорит – не хватает коногонов». Я руками и ногами замахал, что нет-нет, он спрашивает причину, но сказать, что боюсь, вроде стыдно, так я сказал, что спецовка на мне плохая, он отрывает листок от блокнота и пишет в кладовую, все мне выдают с иголки, вот я обратно стал коногоном. Но участок попал очень хороший «Атаман Запад», просторный, угля всегда хватает, так что на другие участки из-за неимения угля не приходилось ездить.

Конь у меня был Архимандрит, кличку имел, хотя он был косой, но очень сильный и бывалый. Еще верный, очень умный. Но ... с этого участка тоже долго не пришлось, он загорелся в лаве и его закрыли. Меня перебросили на «Великан восток» (название шахты). Пласт был очень мокрый, нам дали резиновые куртки вместе со шлемом, но и здесь долго работать не пришлось. Открыли подземное озеро и участок затопило. Также пришлось класть перемычку и закрывать этот участок. Меня переводят на «Атаман восток», самый был плохой участок, узкий и большие уклоны. Но

ничего не поделаешь, и я к этому времени уже имел немалый опыт, проработал я до 4-го февраля 1934-го года. Сделал завал, но себя и коня спас, верней отделался большим испугом, я 4 дня пробыл в больнице, а потом больше в шахту не пошел, как меня не уговаривали. Но я настаивал на своем мотивируя тем, что дважды был подвергнут опасностям. Когда я собирался оттудова уезжать, очень хотелось ехать со мной Мите, ведь мы туда с ним приехали, но брат Петя его не отпустил, так как он должен был уйти в армию, а после мол уедешь. В армию он не прошел. Митю вскоре убило, он тоже работал коногоном. У меня был план поехать в Москву, по дороге я заехал к брату Коле в Новое Русаново, возле Жердевки. И так 3 года я проработал на шахте №10 Артемовского рудника (в Донбассе).

Но что можно о шахте сказать, народ большинство был молодой, дружный, но жили большинство одним днем, многие пили, играли, гуляли. Может потому-что часто в то время прибывало или совсем убивало в шахте, так как штреки и пласты были совсем не закреплены или плохо закреплены, а чтобы это сделать т.е. обезопасить было уже невозможно. Особенно было работать коногоном плохо, летишь как сумасшедший, а иначе нельзя и на таком ходу соскакивает вагон с рельсов и в крепления выбивает несколько пар, вот тебе и завал. Успел спастись и спасти коня, то хорошо, а бывает спастись невозможно, то засыплет породой. Но все равно хотя только мокрые шахтеры, а все равно достанут товарищи.

Вот я проработал 3 года и каждый раз спускаясь в шахту не мог заверить себя в том, что выйду на гора живым, и так же каждый, кто работал на шахте видимо такой там закон.

Для гуляния там хорошие балочные места. Но частые шахты и высокие терриконы, вечно летает угольная пыль, так что белую сорочку не надевай, а наденешь, то не на долго.

В общем все время, которое я работал на шахте, смотрел смерти в лицо, а дважды чудом остался жив и когда я сел в вагон, то до самой пересадки мне все мерещилось, что могут меня кто-то вернуть обратно на шахту, но когда в Луганске пересел на

другой поезд, тогда только успокоился. К Коле я заехал дня на два и поехал в Москву, остановился у двоюродного брата, у Ивана Павловича Ворошилова. Он жил в Бауманском р-не, Гавриков переулочек, на 5-м этаже. Но их, то есть брата и жену Серафиму, я видел только в выходной день. А в рабочее время они приходили, я спал и уходили, я спал, так как они оба работали и вечером учились, ... Я стал ходить по Москве искать работу, но работу я мог только найти черную, т.к. неграмотный и не имел никакой специальности. Но и на эту работу меня не брали, т.к. паспортизацию я прошел на шахте в 1932-м году и в Москве в то время не прописывали с донбасским паспортом и с ленинградским. Как я не старался все без результата. Брат жил на совместной кухне, я что-то стал разогревать, а газом не умел хорошо пользоваться, хотя брат и показывал, и у меня получился хлопок, остальные жильцы заявили участковому, он брата оштрафовал, а меня чтобы за 24 часа от него выехал, что я и сделал.

Поехал я на станцию Перхушково по Балтийско-Белорецкой ж. д., от Москвы 30 км, там жила т. Люба с Колей и Раей. Но там в то время все было переполнено. Но меня хотели одни прописать, я проехал в Звенигород, это 112 километров от Москвы и там мне отказали.

Тогда еще одно место было на ст. Мытищи по Ярославской ж. д. На 17-м километре от Москвы. Там набирали во вновь организованной 4-й филиал 1-го строй участка Ярославской ж. д. для строительства вторых путей, Мытищи-Болшево. Но здесь хотя с большим трудом, но мне удалось прописаться временно. На работу меня оформили старшим рабочим над женской бригадой. Вышли мы на рытье котлована Блок поста, северной стороны ст. Мытищи. Когда проезжал мимо этого здания меня радует, что здесь и мой труд есть, и невольно представляется мгновенно 1934-й год. Не успел я привыкнуть к бригаде и работе, 9-го мая вызывает меня прораб тов. Евлантьев, и говорит мне: «Что там с женщинами будишь возиться, мы – говорит – туда подберем старичка, а тебя передадим в снабжение, агентом по снабжению». Раньше я этой работы не знал, но, когда мне предложили я стал

спрашивать, что буду делать, мне рассказали и я согласился. 10 мая я вышел на новую работу. Нужные материалы стал доставать в Москве и доставлять их в Мытищи. С работой я сразу ознакомился, и она мне пришлась по душе. Рабочих летом работало до 1000 человек и много было ... с семьями, так что работа как говорить кипела. А на зиму оставались только штатные и кадровые рабочие. Тогда в Москве была карточная система, а выходные шестидневка. Я жил тогда в общежитии Шараповское поле барак №3 (*сейчас Шараповский проезд, рядом с ж/д станцией Мытищи*), на 2-м этаже, а напротив была контора 4-го филиала. Я был хорошим общественником, имел много товарищей. Мы несколько человек собрались, поехали в Москву на 2-ю Мещанскую. Договорились поступить учиться на счетоводов, тогда и я мог со своим образованием учиться, занятия должны были начинаться с 15 марта 1935 года. 12-го марта я пошел в баню, в город, зашел на базар, ко мне привязалась молоденькая цыганка, я им не верил, но эта привязалась, что не отбиться от нее. Но она идет за мной и говорит, ты уезжай, тебя ожидает казенный дом. Ну я ей дал 50 копеек, чтобы она отвязалась, а 13-го марта я зашел в контору сдать авансовый отчет на подотчетные деньги, заходит боец с винтовкой и говорит: «Ты арестован, забирай вещи и поедем в Москву». Я подымаюсь наверх, собираю все вещи и поехали в Москву. Он меня сдал на Северном вокзале и меня посадили в полуподвал при вокзале в одиночку, кормили хорошо, носили мне с ресторана лично. Меня не допрашивают, я объявил голодовку, приходит ко мне прокурор и пообещал перевести меня в тюрьму только чтобы стал я принимать пищу. 19 марта меня переводят в Таганскую тюрьму, ныне ее нет, в 460-ю камеру, вещи и облигации я там сдал по квитанции. В Таганке меня стали вызывать в отдельную комнату для ведения следствия. Статью мне предъявили 169-ю, якобы я паспорт подделал. Но я на эту статью особенно не обращал внимание, просто думал какая-то ошибка или с кем-то меня спутали, ведь я паспорт получил в 1932 году и подделкой никакой не занимался. 27-го марта 1935 года, вызывают меня из камеры, предупредили чтобы я взял с собой вещи, но

вещей со мной не было никаких, и меня работник милиции повез в троллейбусе до Северного вокзала, я так был рад что вместе с народом нахожусь, а то за 2 недели стал дикарем. На северном вокзале сели в электропоезд и доехали до ст. Мытищи, откуда меня взяли. И в этот же день стали судить, на суд пригласили 4-ый филиал, где я работал. Рабочих было больше молодежи вроде-бы. Суд должен быть показательным. На суде сразу объявили, что я крупный помещик, имел несколько гектар и скота много. Но что я мог оправдаться, когда сплошная ложь и все мои оправдания не взяты во внимание. Тогда я стал смеяться и слышу сзади народ говорит, что он сошел с ума, смеется, но мне нечего было делать, потому что мои объяснения суд не брал во внимание, и осудил на 2 года. На ночлег меня посадили при милиции, многие приходили меня проводить, приносили передачу, деньги. Но мне ничего не нужно было, т.к. деньги все равно найдут и отберут при первой бани работники бани, а из еды много тоже не разрешалось, т.к. можно сделать побег с харчами. На следующий день меня также конвоируют, только не в Таганскую тюрьму, а в Лефортовскую. Но там я находился 3-4 дня, потом в одном пассажирском вагоне нас несколько человек повезли в Шатуру, там Центральный поселок №14 был штаб этого лагеря. В то время народ был с разными сроками, даже с 10-ю годами. Но весной этого года оставили не выше 3-х лет, а с большими отправили в другие места.

Начальство лагеря и охрана была почти из заключенных, условия были нелегкие, хотя это место, 126 километров от Москвы. На работу и с работы водили пешком, работали в 3 смены, точки были до 5-8 километров от места нахождения лагеря, заключенные только занимались погрузкой торфа, питание было плохое, обмундирование вообще, мне кажется, не давали. Кто в чем был, в том и ходил, денег не платили, плана не выполняли. Мне в то время казалось настоящим адом и жаловаться было некому, а пожалуются так этот человек куда-то исчезал, может его на другой поселок переводили. Но в общем народ постарше, они об этом говорили, если пожаловаться значит исчезнут. Я в то время

несколько раз собирался бежать с таким расчетом, чтобы увидел конвой и убили. Но что-то мне все мешало, то есть меня пугало, а вдруг я убегу и меня не увидят и не убьют, а куда тогда я тогда денусь. Хотя меня и осудили за подделку документов, но я не мог даже представить как это можно сделать. Потом стали расконвоировать, т.е. круговая порука, друг за другом стали смотреть, это уже стало легче, стали поселять на поселки ближе к объекту. Потом я пошел ... носил рельсы и клали путь под новые штабеля. Хотя работа тяжелая, но дороже. Хлеба давали больше и было время свободного больше. Стали кое-что доставать на вольном поселке из питания, но в целом положение не менялось, люди как тень ходили и план не выполнялся. Местное начальство принимали жестокие меры, они приказывали конвою, кто не работал, чтобы их оставлять другой смене, но конвой это делал, а что пользы, если человек отощал и не работал в свою смену, то и в других сменах, тем больше совсем не евши и ждать было нечего. Сама охрана, были случаи, издевалась, таскали по снегу брали ослабших за ноги, но этому долго не пришлось длиться. Наша бригада, в которой я был ... стояла на поселке Долгуше. Числа 20-го января 1936 года, мы работали с утра, вдруг подходит Калужанка (дрезина) за ней другая, а они по ширине шире паровозика и крышей зацепили. Наш вагончик, который стоял возле дороги, в нем был телефон для заказа паровоза по готовности погрузки состава, паровоз ставил порожняк и уходил. Мы и четверо ... выскочили из вагона и спихнули его с рельс. Смотрим, выходят из каждой Калужанки человек по десять и сразу пошли к погрузке, угощая людей папиросами. Стали расспрашивать в чем дело, почему плохо идет погрузка. Но причину этому каждый боялся сказать, потому что думали за это начальство местное. Подходит к вагону, у нас спрашивают, мы им сказали, что они думают, что вы из местных, начальства, тогда они обратно вернулись и сказали, что мы приехали из Москвы, т.к. Шатура в то время снабжала, как они сказали 33 % *(электричество при сжигании торфа)*, но накануне остановили из-за неуспеваемости погрузки. Тогда народ решил рассказать обо всем произволе, который творился со стороны

начальства и охраны. Эти Калужанки за день проехали все точки, видимо везде видели, как они говорили до этого, похоже на чертей только хвостов нет, а говорят все хорошо. Эти же люди, многих осудили из начальства, охрану заменили вольнонаемными и сами стали во главе начальства и остальные стали выезжать на точки с бригадами. Сразу все изменилось:

1. стали на работу и с работы возить,
2. хлеба стали давать при 100% выработки плана кило и на 85 копеек, в буфете. При выработки на 150% 1 ½ кило и 1,50 копеек в буфете, в столовой стали кормить.

Ложка стонет если с утра работаешь, то приедешь с работы, можешь брать обед и ужин. Брали одно что-нибудь, потому два не съесть, стали денег платить за 100% месячный выработки 75 рублей. Новое все выдали обмундирование, газеты, журналы появились в столовой цветы, столы накрыли скатертью играл баян во время приема пищи.

Народ сразу окреп и стал работать как зверь. Меня в это время поставили бригадиром, а пути перебрасывать стали бригадами, т.к. когда мы 4 человека носили это стало долго, а бригады сразу возьмут и путь на месте. Которых прикрепили с бригадами, они при выезде объявляли какая бригада больше на вагон погрузит, получит 350 рублей, бригады были по 35 человек., значит по 10 рублей на человека и длилось это до ихнего отъезда, каждый день, а были они до 10-го апреля 36 года.

До этого не заставишь грузить, а потом стало не удержать. Поезд идет еще, не остановился, а смена соскакивает, бежит, захватывать оставшиеся незагруженные вагоны. В буфете стало на точке что угодно и было за что брать. Если вчера кто выполнил на 100%, он может взять на 85 коп., а кто на 150% он возьмет по списку в буфете на полтора рубля.

Которые представители были из Москвы из ЦИКа (*Центральный Исполнительный Комитет*), они все интересовались кто за что сидит. Но сидели за разные преступления, теперь он обращается ко мне, говорит: «Я в твоей бригаде почти у всех спрашивал за что сидят, только – говорит – не знаю за что сидит бригадир». Я ему

ответил, мне как-то стыдно говорить, он тогда больше заинтересовался. Я ему рассказал, он не поверил, тогда я ему говорю справьтесь во второй части на колонне. Мы дежурили в ночь до восьми утра, побежали к колонне, идем в колонну и он идет, они жили на вольном поселке и зовет меня во вторую часть, я с ним захожу, попросил № своего дела (я знал номер дела). Товарищ стал спрашивать «для чего?». Он говорит – «это мне нужно», а их, после кто остался не смещен, боялись до смерти. Он почитал и говорит: «И ты сидишь?». Я ему отвечаю, а что можно доказать, пиши ВЦИК *(Всероссийский центральный исполнительный комитет. Высший, наряду со Всероссийским съездом Советов, законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики и РСФСР до 1938 года. Председатель М.И. Калинин)*. Но мне как что-то подтолкнуло, я взял характеристику, копию приговора и послал письмом с почты вольного поселка Долгуши. Послал я его в 1-х числах апреля 36 года и про письмо забыл. Потом пошли слухи, что колонию должны закрыть и будут большие льготы, а грузить будут вольнонаемные. Они же и заготавливать. Перед 1-м маем, 30 апреля было торжественное собрание, нам приказали обеспечить явку всего списочного состава, правда в конце зачитали список. Кто 3-го поедет, на 14-й поселок оформлять освобождение, в этом списке был и я. Отсидел 13 ½ месяцев. 3-го мая приезжаем на 14-й поселок, народу было очень много, освобождали по алфавиту и моей букве подошел черед 5-го мая. При выдаче документов давали расписываться, что в каких городах я не имел право жить. Расписался, а когда получил справку, то читаю «заседания В.Ц.И.К от 20-го апреля 1936 года, протокол №40, освободить из-под стражи со снятием судимости», я тогда говорю: «Я дал подписку, что я не по льготам, а по решению В.Ц.И.К.». Он убедился в этом и отдал мне мою подписку, и ее порвал. А 6-го мая 36 года я был в Мытищах откуда был взят. Многие даже удивились, видимо думали я такой преступник и вдруг пришел раньше срока.

В Шатуре очень много было комаров и слепней, зорями нечем было дышать от комаров, а как солнце пригреет, комар прячется,

а слепни принимаются за работу, еще хуже, чем комары, мы носили расчески и если на лицо сел этот овод, то кладешь рельсы наземь и спугиваешь этого слепня, а как укусит, то после не остановить кровь.

Вот так я стал мошенником, может с кем меня спутали, а это нетрудно. Я помню в селе Копыл в основном три фамилии Теньковы, Немцовы и Поповы. Может мой дед или прадед имел землю ведь по рассказам тогда жили большими семьями. Мама рассказывала - она вышла замуж жили одной семьей, 6 братьев и одна сестра. У братьев были дети, маме ровесники, в общем как она говорила человек было 50. Но какое я имел к этому отношение, стал жертвой, а может это было кому-то на руку, во всяком случае можно было бы точно узнать подделывал я паспорт или нет. Но теперь это все позади.

Остановился я в Мытищах у Кочкина Василия, он из Вятки, работал на стройке возчиком. 6-го как раз был выходной день я с ним поехал в Таганскую тюрьму за вещами. Я предъявил квитанцию кладовщику, он стал мне собирать вещи. Я проверил, не было сорочки одной и 2-х полотенец, я стал ему предъявлять претензии, он мне ответил, что сушили видимо с кем-то смешали. Стал проверять облигации, одной облигации нет и как раз в апреле она выиграла 500 рублей. Тогда я пошел в контору, нашел коменданта, он как раз за все главный. Предъявил свою справку, и сказал если кладовщик не вернет вещи и облигацию, а она выиграла, буду жаловаться. Тогда комендант пошел в кладовую, долго что-то шумел, потом открывается форточка, подает кладовщик вещи и облигацию. После выходного, т.е. 7-го числа я увидел коменданта тов. Мельникова и сказал ему шутя: «Пропиши меня, так как я не собирался там оставаться». Он руками и ногами замахал, что тебя здесь не пропишут, был показательный суд и т.д. Меня это задело, я обратился к прорабу тов. Евлантьеву, есть ли для меня работа, он мне предложил должность зав. склада. 8-го мая я пошел в отделение милиции гор. Мытищи Московской области, предъявил справку из Ц.И.К. и сказал, что комендант не хочет меня прописывать, хотя и имеется работа.

С отделения позвонили Мельникову, чтобы он явился с книгой по прописке и меня прописали постоянно по этому адресу: Шарповское поле, дом №5 в комнату, где раньше был инструмент от клуба, до ареста я и клубом заведовал на общественных началах. Работал я зав. складом в 1937 году, 31-го августа женился, приехала к нам мама моя, все вроде шло своим чередом. В сентябре месяце старого прораба Евлантьева переводят в Лось, т.е. в Северянин, а Вирц (*новый прораб*) принял наш 4-й филиал и с собой он прихватил несколько видимо дружков что ли и мне предлагает, чтобы я перешел в общежитие, а своих поселил в мою комнату. Я это сделать не согласился, тогда он дает приказ уволить за 24 часа. Но сдать склад быстро не удалось, но сдавали день и ночь прихватили.

Склад сдал, расчет получил и тут же устроился в Лосиноостровской в контору погрузок и разгрузок Ярославской ж.д., а живу в Мытищах. Тогда он собирает членов месткома, коменданта и сам. Приходят меня выселять, но что-то ему не удалось, т.к. вышел закон из ведомственных помещений можно выселить, если он нигде месяц не работает и выселить только через суд, а я сразу поступил на работу в железнодорожную организацию.

Но после, я сам обратился к прокурору по линии на Красносельского 10, он написал на моем заявлении: «Никто не имеет права выселить т. Тенькова!». Я эту резолюцию показал тов. Вирцу, тогда он мне сказал: «Другим путем выселю!»

Мне 19-го ноября вручают повестку чтобы я 16-го ноября явился в поселковый совет Ростокинского р-на, Б. Колхозная 15, гор. Москва в качестве свидетеля. Но поскольку я получил 19-го, я не поехал. 26-го ноября жена должна была поехать на лекцию, она училась в техникуме медицинском и только она вышла, я ее проводил, а сам пошел в ларек. Встречается мне пожилой мужчина, спрашивает дом №5, я ему показал, тогда он спрашивает не знаю ли я Тенькова, я ему отвечаю: «Я Теньков». Он меня приглашает в квартиру, я пошел с ним, открыл комнату, вошли, он мне предъявляет ордер на арест. Посмотрел в комнате и говорит, поедем сейчас в Ростокинский поселковый совет. Ни документов не взял

у меня, только сказал, чтобы я их забрал. Подходим на платформу, меня увидела жена, я ей сказал, что ведут меня туда-то, она поехала с нами. На Северной площади 8 их посадил на троллейбус Букашку (*Б*) (*жарг. «Букашка»*) — *круглосуточный маршрут общественного транспорта по Садовому кольцу Москвы*), а сам висел 2 остановки, не мог войти в вагон. Если бы был бы виновный, разве я бы висел, тем более документы все со мной были. Приехали в отделение, он взял у меня документы и положил в кабинете на стол и сам ушел, а жена была в коридоре, я долго сидел, никого нет, потом вспомнил прописку, вышел к ней, долго сидел с ней в коридоре. Потом прошли 2 милиционера, видимо только пришли и вскоре вызвали меня, я простился с женой, как видно навсегда. Прожили 2-а года с ней. С 31-го августа по 26-е ноября 1937 года. По-знакомились мы почти сразу после моего возвращения из Шатуры. Долго дружили, об этом не знали ее родные. В начале 37 года 7 января были у меня в гостях, Нюра с мужем и брат Саша. Нюра с Федей только поженились, вот тут узнали все ее сестра и отец. А 7-го ноября 1937 года я крестил у них дочь Люсю.

Маме моя женитьба не понравилась, но уже было поздно что-то изменить, да и братья писали, что мне нужно учиться, а не жениться, хотя мы жили вместе и 3-х месяцев нет. Но супругами считали друг друга до 5/XI- 48 года, хотя жена официально жила с другим с 1945-го года. Но это отступление.

Когда я зашел в кабинет у меня один спрашивает следователь: «Судим?». Я отвечаю, что был осужден, но меня Ц.И.К. освободил со снятием судимости. Но они вроде бы не поверили, я говорю, позвоните в Мытищи, они вам ответят, но звонить никто не стал, один показал на стол в ящике, все известно. Больше ничего не спрашивали. Потом женщину завели и нас с ней посадили в машину и где-то долго возили. Они говорят между собой, что ее (женщину) берут, а его нет, и меня привезли в Таганскую тюрьму, я двор тюрьмы сразу узнал. Но только двор был полон народом, меня высадили посередине двора, это время было около полуночи 26-го ноября. Рядом были помещения, где обрабатывали и оформляли формуляры. Но поскольку моя буква «Т» по

алфавиту ближе к заду, то очередь дошла до меня 29/XI вечером и все это время находился на территории двора. Ни еды, ни сна не было, да и не хотелось правда последнее время. Сон валил с ног, я еще зашел в помещение, где оформляли, не разбирая лег к одному прям на постриженный волос, слышу мне шумят, но проснуться не могу.

Потом подняли меня, оформили и обратно попадаю в камеру №460, но народу в этот раз было гораздо больше. Спали кто как знает. Если кого вызывают в час или два ночи, то идет он прямо по людям. Но меня и в камере не допрашивали. В камере мне немного пришлось находиться, я только успел отоспаться. 4-го декабря утром вызывают с вещами в баню. Старики уже знают, раз с вещами, значит сюда не вернешься. Но предполагают все по-разному. Пустили слух, что в Лианозове на Кирпичной завод и там будет вестись следствие, а получилось совсем по-другому, помыли нас банщики ... образно потрудились. Кто каким то способом пронес деньги от охраны при обыске, то в бане все было найдено. После бани посадили в автобус и на какую-то окружную железнодорожную станцию. Я попал в полувагон, где нас было 139 человек. 5-го декабря 37 года (в день конституции) в 8 часов утра наш эшелон проезжал ст. Шатура. Это 126 километров от Москвы, а потом город за городом, Казань, Омск, Томск, Новосибирск, Свердловск, Чита. После Читы охрана стала делать переключку, и мы почти все знали кому сколько лет предстоит отбыть. Они вынимали на каждого карточку из конверта, а на конверте, красным карандашом было помечено 5-8-10. Но это те, которые шли по суду, а которые шли по тройкам тем 8-10 лет. В дороге я был с 4 декабря 1937 года до 20 января 1938 года.

Когда стали подъезжать почти к месту, мой вагон сошел с рельс и совсем был на бровке, а насыпь была метров пять. Нас рассадили в передние вагоны, а этот вагон отцепили, т.к. путь только строили. Где это было я до сих пор не знаю, помню, как разгрузили, мороз был 43 градуса. Кто был раздевши, выдали одежду, но все равно после такого этапа, вдохнешь воздух в пятках делается холодно.

До колонии было недалеко, на ней находились безконвойные, они нас стали обслуживать. В бараке было тесно, ночью поворачивались по команде, весь ряд нар, а какой встанет, потом уже не втиснешься. На этой колонии мы должны отбыть карантин. С первых дней наш этап безконвойные стали обрабатывать, у кого купят из одежды, а у кого снимут, в общем кто не продал у того забрали при 1-й бане. Собрали все вроде морить, а сами погрузили на лошадь и увезли, а в морилку набросали несколько старья и подожгли в общем всех сразу одели и обули, правда им тоже не повезло, как потом зачитывали приказ за это расстреляли 20 человек вместе с начальником колонии, лагеря.

И вот в бане мы все узнали это. Самое страшное было, когда узнали, что я осужден тройкой по Московской области от 5-го декабря 1937 года по статье 58-10 сроком на 10 лет. Осудили, когда я был в дороге, а конверты догнали нас за Читой. Вот так я стал врагом народа. Продолжаю отбывать карантин. Вещи я продал, денег у меня было 85 рублей. Но мне нужно найти товарищей чтобы не отобрали деньги, или купленный хлеб. Нашел 2-х соседей по нарам, стали вместе кушать. За 5-ть руб. было можно там достать 2 булки хлеба по 5-ть кило и 2 горбуши по кило или больше, вот так мы стали отбывать карантин. К пайку добавляли и было сытно. Но и тут получилась неудача. Кто-то доказал охране, что мы трое собираемся бежать, охрана приходит, обнаружила 1 ½ булки хлеба и рыбу, забирают это все и нас сажают в изолятор, отбирают оставшиеся у меня деньги. Когда стали вести следствие оказывается, один из моих напарников 3 раза сидел и несколько раз бежал, у него на ногах только 2 пальца, а остальных нет, отморозил. Но я рассказал следователю как это получилось и почему я стал с ними дружить. Он меня внимательно выслушал и меня отпустил, а ведь действительно откуда мне знать его прошлое, я его взял для того чтобы меня никто не обижал и в случае выйдет из барака чтобы кто-то оставался в бараке на нарах (или верней сторожил бы).

Карантин кончался и почему-то каждый стремился скорей попасть на производственную колонию, но тут не трудно было

догадаться почему. Потому что на колонии это кончится этап, кочующая жизнь и больше уверенность в том, чтобы списаться с родными и сообщить им свой адрес, а до этого было невозможно, да не знал каждый своего адреса, т.к. на пересыльной колонии это все временное.

Дождались время отправления на колонии, мне и тут не повезло, не взял конвой т.к. был обут в холодной обуви, а мороз 45 градусов был. Отправляли каждый день, и я каждый раз становился в строй и каждый раз меня вытаскивали из строя. Народу оставалось на пересылке мало, я боялся, что отстану от своих за 3 месяца этапа, вроде бы свыклись и считали друг друга однокашниками. Я стал принимать меры и мне сшили из 4-х валенок одну пару, но так плохо, что сразу было видно далеко в этих валенках не уйдешь. Я захватил в сумку и ботинки с собой. Становлюсь в строй, конвой меня уже признал, вывели из строя, осмотрели внимательно и решили взять, тем более это последних забирали с нашего этапа. Даже приболевших захватили, усадили на сани. Прошел я до 1-го привала и мои валенки развалились, нитки перетерлись и швы разошлись. Я обул ботинки, а валенки положил на сани, т.к. они за мной числились, даже 2 пары. Раз это в пути получилось, конвой не протестовал. Привели нас на колонию, где стояли палатки. Люди раньше были приведены уже считали себя ... выскочили встречать нас. Меня увидел Лачкин Иван Естафеевич, схватил за руку и потащил к себе в палатку, как родного, вот как подружились за эти 3 месяца. В дороге мы лежали на задних нарах рядом, а в бараке в дни карантина он лежал внизу, а я над ним вверху. Но сидели всегда вместе, т.к. внизу было очень холодно, и он сидел всегда наверху в ногах даже когда я спал. На утро меня назначают звеньевым штабелевать лес. Я в то время выглядел неплохо, потому что деньги были все время, добавлял к пайку и быстро окреп. После 1 ½ месяца этапа, там было добавлять нечего. Съедали только что давали и если на стоянке кто передает из окна в окно кусок хлеба и заметит конвой, то сразу появится в вагоне и сразу отберут. Конвой был очень жесток, который сопровождал эшелон, но другим он и не

должен быть ведь они сопровождали врагов народа. Откуда им знать, что враги были липовые.

Тогда я стал ходить на работу в этих валенках, подшитых рукавами телогрейки. Я до биржи не дойду, рукав порвется и целый день с голыми подошвами хожу по снегу. А когда идем обратно по дороге, вода и я с голыми ногами шагаю 4-5 километров. Валенки у меня как краги на ногах и несколько раз приходилось мне быть босым по снегу, но я этого почти не замечал. Силенка была и рост был больше всех. Товарищи, которые работали со мной и мне, пришлось работать за себя и товарищей, так все товарищи были отощавши и меньше ростом и когда катали штабеля до 9-10 рядов, то все мои товарищи не доставали до бревна руками, а поэтому вся тяжесть ложилась на меня.

Когда приезжали к нам начальник биржи, бригадир, они меня ни раз подзывали и говорили, что я так работаю быстро, говорили подорвешься работой как и все, но мне это не удавалось. Я несколько раз хотел это сделать, но мне невидимая сила сзади кричит, что я филоню, что не полную отдачу отдаю и больше я этого не делал до настоящего времени.

1973-й год 1 января 8.30 час

Новый год ступил на нашу Землю, и мы все на год постарели, а два дня назад 30 декабря 1972 г. встречали юбилей золотой 50 лет СССР. С этим юбилеем рос и я, мне было 7 лет, я это время хорошо помню.

На биржу я ходил до весны месяца. Это от Тынды было на северо-запад, речка Геткан, она впадает в реку Тынду. Реки на Дальнем Востоке очень быстрые, если где-то выше пройдет дождик, по речке сразу зашумит вода, быстро прибывает даже для глаза заметно. От ст. Тында там и поселок Тында, мы были в 15-17 километрах и сообщение было только по речке на лодке вверх. Лодку нужно тянуть веревкой, вниз с веслами можно сбить паром из сухого леса.

Когда лесные работы кончились, нас перевели на северо-восток от Тынды. Колония наша была № 54, километров 5-ть от

поселка. Мы переезжали на парамах вниз по течению, и я уезжал со всем звеном, последним мы забрали хоз. обиход и продукты. Пока грузились и больше полпути проехали, погода была ясная и вдруг нас догоняет волна мутная. Это значит в горах где-то прошел дождик, и речка сразу вышла из берегов. У поселка Тында, через речку были натянуты троса для задержания плавучих бревен, чтобы не получилось затора у деревянного моста, который был построен через речку Тында на алданские прииски, и когда вода прибыла, то трос был под водой, и мы с такой быстротой паромом налетели на него и наш паром стал ребром, мы и продукты пошли в воду. Ниже был еще трос, по которому ходил паром для перевоза на другой берег, мы вцепились за него, нас подобрал паром и вывез на берег, а продукты и хоз. обиход все уплыло дальше, т.к. Тында впадает в Гилую и Зею, а Зeya в Охотское море, вроде так говорили старожилы.

Приходим мы на колонию № 54 пешком без ничего. Но хоз. обиход необходимый выдали с отделения, а колонию стали строить постоянную, хотя и В.Г.С. но с баней и пекарней, столовой. А на лесозаготовках там не было этого, стояли палатки, готовили на соловецкой печи, это большая чугунная печь, все на ней готовили и пышки пекли, этим жили, тем более там более всего было консервированных и овощи сушеные. На новом месте часть людей строили колонию, а остальные строили автодорогу. Соединили поселок Тынду с другими, я сейчас не помню, там был колхоз, занимались оленеводством и сеяли овес, ячмень, не знаю выспевал он или для травы.

Мы на новое место прибыли в мае месяце 1938-го года, за это время адреса домой все отослали, многие даже отослали небольшие письма с конвоем, который нас этапировали, хотя они в дороге были строгие. Когда сдали нас конвоем лагерному совсем изменились, даже некоторым помогли с быстрой доставкой писем, в том числе и я записку, треугольник отправил, указал только область Амурская, лагерь Бамлага. Сын Володя родился 25-го мая 1938 года, жена Тамара адрес мой знала послала телеграмму, как назвать сына. Но ответа моего не дождалась, назвали Володей,

а телеграмму я получил где-то числа 15-го июля, да пока от меня бы письмо дошло был бы ноябрь месяц.

Когда меня арестовали, жена долго меня разыскивала, нигде не могла добиться, где я нахожусь, многие пугали: «Не ищи, а то и ты туда угадишь». И только добился Саша, брат жены, что я тройкой осужден сроком на 10 лет, как потом я узнал.

В июле мы дорогу построили. Нам отвели участок километров 5-ть строить железную дорогу, как там говорили эта дорога рассчитана на 10 лет строительства и 10 тысяч километров. Она должна выйти к Охотскому морю. На нашем участке огромный объем скальных работ, много искусственных сооружений, мостов, труб и фильтрующих насыпей, в том числе железобетонный мост через реку Тынду на 8-ми устоях, 6-ть речных и 2 береговых. Когда колония, в которой я был перешла на новое место, мы стали кушать 6-ть человек вместе, вроде бы было лучше. К тому времени стали получать посылки и все между собой делили. Двое были из армии - Краснояров и Молов, оба капитана. И четверо из Москвы – я, Кислов Алексей, Дурнов Николай, Жуков Жора. Но когда нам отвели участок как нам говорили и кормить нас начали на убой. Теперь за счет дороги там был представитель от МПС, который принимал работу и очень внимательно, но особенно искусственные сооружение, если, где даже миллиметр отступления сразу браковал. Я должен заметить то, что люди были в основном молодежь и неглупые, и когда стали кормить хорошо, то сразу народ окреп и работали как звери, в том числе и моя компания - шестерка вся почти одной стати и одного срока. Каждый ждал какой-то отмены, считая все это какой-то ошибкой. Но время шло, настал 1939-й год, народ работал как никогда, в работе старался забыть, что ты враг народа, а это больше напоминало, когда вне работы. В январе из моей компании освободили Молова и Красноярова, нас осталось 4-ро, но нам стало чего-то не хватать, и мы приняли Адроникина Дмитрия из Егорьевска. Нас стало пятеро, за обедом ходили по очереди по денно и вроде стали приноравливаться к жизни, и все что-то ждали. Но в начале февраля 39-го года меня, Кислова и Дурнова вызвали во

2-ю часть, нам там сказали, чтобы мы из общего барака переходили в АТ.П., нас назначают всех троих десятниками. За время работы на общих работах мы как потом стало известно, показали своим трудом уважение что нас взяли десятниками. Но мы совсем не из-за этого, а просто работали чтобы меньше было свободного времени и не вспоминать о произошедшем. Мы все трое попали на строительство моста через реку Тынду, там был организована 3-х сменная работа. Сразу стали вымораживать речку (*Вымораживание или выморозка — это способ обнажения подводной части речки зимой путем вырубания ямы во льду, не доходящей до воды. Под ямой намерзает новый слой льда, после чего яму углубляют дальше*), потом рыть котлован, строить тепляки и бетонировать котлованы чтобы до весны эти работы были сделаны. Меня сразу назначили старшим десятником или как там звали контрольным десятником, для отопления тепляков (*Тепляк — временное строительное сооружение (шатёр), для производства сварочных и бетонных работ, устройству гидроизоляции в зимний период*). Был собран паровой котел (шушевский). Во время смены давался гудок, работа день и ночь кипела на мосту. Другие бригады работали на выемке на других мостах, гуж-бригада подвозила инженерный материал, там машин не было, к весне работы были выполнены все, а летом уложили фермы и проложили путь до поселка и станции Тында. Наша колония стала соединена с отделениями железной дорогой и дальше работы подходили к концу. Через несколько времени нам бы пришлось насиженное место бросать и переезжать на новое. В 38-м году нас несколько хотели направить на озеро Хасан, собрали на штабную колонию, мы там побыли с полмесяца и нас обратно по своим местам развели. Только я прибыл на свою колонию, пошел дождик и весь штабелеванный лес у берегов речки был водой смыт и получился затор у моста. Несколько конок было туда смыто. Были мы 12 дней и все время шел дождик как из ведра. На нас одежда вся была с плесенью, питались консервами бобовыми и грелись кипятком. Когда отдыхали сидели под корой дерева, кору обдирали и делали крышу. Но мост удержали, хотя и были жертвы. В январе 20-го числа 40 года, колонну поставили на карантин.

С 20/1 по 10/II ничего не делали, ребята стали заниматься картежной игрой и пить одеколон. Нас работников А.Т.П. (административно-технический персонал) не устраивал такой отдых. Да когда я был на общих работах на вечерней поверке, когда выстраивалась вся колонна были желания чтобы кто-то поборолся, кто будет побежден его бригада платит победителю 250 % выработки и победитель остается в лагере, вот я и был на этой колонне победителем, часто оставался дома. На Лесной колонне в 38-м году однажды мы валили лес с большой сопки. По покатым по середине сопки нужно было поправить дерево, я пошел это сделать, не успел уйти, смотрю летит дерево, убежать я не мог, тогда я ложусь вниз лицом и дерево проскочило через меня, все думали, что я убит. Но я перевел дыхание поднялся и меня довели в барак, это было рядом с колонной, долго было больно грудь, но обошлось благополучно.

Какие особенности там. Очень много комаров, зима морозная, осадков очень мало, почти всегда солнце, весна в апреле, зима с 1-го октября, много рыбы, дичи, растет малина, лиственница необхватная, сосна тоже, много бурундуков и белок, глухарей.

11-го февраля приехало начальство из отделения и конвой, стали нас оформлять в этап. Мы сразу узнали, что в другой лагерь, какой-то лагерь где-то между Архангельском и Котласом. Но в пути переадресовали нас где-то в Череповце, мы там стояли 3 дня. Нас даже занесло снегом, но это потом опишу, когда нас оформили и по своей дороге вывезли.

На ст. Тында, там еще две колонны присоединили к нам. На ст. Тында мы стояли дня два, пока все оформили и снабдили питанием. Вот там мы за все время увидели женщин и в окна бросились чтобы посмотреть, как на что-то необыкновенное. А.Т.П. 3-х колонн были помещены в один полувагон и каждые свою колонию кормили. Кормежка была очень хорошая, хлеба по кило и 3 раза горячая пища. Ехали на правах военного эшелона. Как только остановится, мы каждый своим быстро подадим в вагоны, а бочки потом забирали, когда давали следующий раз. В Череповце нас поставили в тупик, нас замело снегом, мы пошли,

там какая-то артель находилась в бывшем монастыре, попросили лопаты чтобы эшелон очистит от снега, нам дали лопаты, а когда пошли лопаты сдавать, то им захватили несколько рыбнокеты и горбуши, так как у нас эту рыбу совсем не ели, она у нас стояла у каптерки, открытые бочки, а они с радостью гостиницы приняли и нам предложили капусты и помидор. Соленые и свежие, картошку, а этот продукт нас заинтересовал, т.к. у нас этого нет и не было, а было все в сушеном виде, мы вернулись к эшелону, сказали начальнику эшелона, он пошел на это, мы им несколько бочек рыбы, а они капусты, огурцов, помидор и свежей картошки. Повара сразу стали готовить винегрет. На следующее утро нас с тупика вытащили и маршрут взяли на Волхово. Пошел разговор, что маршрут изменен, а куда неизвестно, но ясно стало что в ... лагерь не попадем. Позже узнали, что состав идет по Мурманской железной дороге. Кто был постарше, решили, что едем в тыл фронта с финнами, это показал тщательный отбор при погрузке. Были отсеяны больные, пожилые и жуликоватые. Но предположение было не ошибочное еще и потому было заметно, что эшелон шел по зеленой нитке, только и стоял в Череповце 2-е суток и на кормежку. Подъезжаем на ст. Ручьи (*железнодорожная станция Мурманского отделения Октябрьской железной дороги в муниципальном районе Кандалакша Мурманской области. Входит в городское поселение Кандалакша.*), нас ставят на запасной путь. Стояло много автомашин, где шоферы сидели военные, потом вскоре стали открывать двери, вызывают по формуляру сажают в открытую машину, т.е. в кузов, и сразу увозят без охраны. Нам это стало новое, т.к. мы привыкли к строгости со стороны конвоя, а тут без конвоя идет машина за машиной. Это было 5 марта 1940 года, мы прибыли на Ручьи в 13 часов, к вечеру все было разгружено и перевезено. Мы, которые обслуживали, поехали последними с хоз. обиходом. Наша колонна и колонна №45, должна была на 45-м собираться, но, когда мы приехали узнали, что не все машины этот километр нашли, а разгружали какие доехали, а какие не доехали пришлось на второй день поутру собирать свой списочный состав. Но что было можно сразу сделать. Расчистили снег,

а его в то время было там очень много. Стали готовить дрова, разожгли костры и на сучьях желающие могли отдыхать и даже спать.

На утро 6-го марта прибыл человек, он отрекомендовался уполномоченным отделения, а отделение было у Ням озера, объяснил обстановку, строить будем железную дорогу на Алакуртти и Кутуярви (*Кутуярви — пресноводное озеро на территории сельского поселения Алакуртти Кандалакшского района Мурманской области Мурманской области*), а вам готовят паспорта. Война говорит закончится сам буду вручать вам паспорта.

Народ был как на подбор, молодой, упитанный, за время дороги отдохнули, о работе поскучали, да к тому же без конвоя, даже было как-то совсем дико, такой был строгий конвой. Как там говорили, закон тайга и вдруг никого нет, только вечером строил нас пом. по труду и просчитывал, а сам обязал бригадиров, и чтобы они смотрели и случай чего докладывал. Народ работал как никогда, без Аммонáла (*Аммонáл — разновидность промышленных взрывчатых веществ (ВВ). По советской классификации представляет собой смесь аммиачной селитры и тротила (ТНТ) с добавлением порошкообразного алюминия* $\{ \text{NH}_{4}\text{NO}_{3} + \text{TNT} + \text{Al} \}$ $\{ \text{NH}_{4}\text{NO}_{3} + \text{TNT} + \text{Al} \}$). Смесь аммиачной селитры, тротила, порошкообразного алюминия и гексогена называется скальным аммоналом) разбивали скалу кувалдами. Я работал там прорабом. На работу выходили без звонка, как вольнонаемные.

Не проработал я 5-ти дней, приходит пом.(помощник) по труду приносит на меня наряд на авто-колонну №7 прорабом. Колонна эта сборная, а раз сборная, то значит «сливки от заду». Я было стал сопротивляться, что от людей отстану, к которым привык за 3 года, но он мне пообещал где-бы не был все равно тебя верну, а идти нужно, иначе будут неприятности. Пришлось пойти, вещи какие были, личные все оставил на старой колонне, взял только котелок и ложку.

Прихожу на колонну, она была от нашей километров в 5-ти, из Ат.п. не было никого. Начальник колонны был, но он жил где-то в другом месте, значит я должен выполнять за нормировщика и экономиста. Их не было, вечер, собирались с пом. по труду

и десятниками, кой что я узнал от них. Разрядку на завтра подписал, а утром все уточнилось. Эта колонна к одному мосту отсыпала насыпь, шофера и которые разрабатывали выемку неплохие были люди. Но что мне было обидно в первую ночь у меня вытащили котелок и ложку, разрезали палатку и вытащили и сразу я не заметил, потому в палатке так было холодно, что не почувствовал разрез палатки, а когда пошел за заваркой котелка не нашел, стал смотреть, обнаружил разрезанную палатку. К 15-му марта участок был завершен и проложена ж. д. линия. Колонну слили с другой, а я этим временем прибыл на свою колонну. Сколько было радостей при встрече, да к тому еще война 16-го кончилась с финнами.

20 час. 6.1.73 года.

Вчера мне исполнилось 58 лет отроду, пролетели эти годы как сон, хотя они для меня были нелегкими. Мне хочется в эту ночь вспомнить годы от 20-х до 30-х. Когда жил за родителями, не зная заботы, почему я это вспомнил, потому что завтра Рождество, в то время был большой праздник и что меня всегда радовало, это всегда к нему готовятся, всего напекут, хотя из черной муки и множество наварят из мясного. А в основном мы, малыши, готовили салазки, лепили ледянки в мороз, ... от телеги в пруде и катались. На ось надевали колесо, к нему привязывали длинную жердь, а к жерди прикрепляли ледянку или салазки. Колесо крутили человека 2, а салазки носились вихрем, так и катались допоздна.

На рождество отец корм давал скотине хороший, в общем все было празднично. Помню святки 1929-го года. Когда я в вечерках принимал участие и уже умел кое-что танцевать. Хорошо помню 22 марта 1930 года, праздник назывался Сороки, в этот день пекут жаворонок или верней птичий. День был хороший, мы ехали по шляху или верней по большаку, как сейчас называют до ст. Мордова. Особенно было хорошо, когда ходил Христа славить по своему поселку, а к нижним редко ходил, у них злые были собаки. Папа и дядя Федя приедут от церкви, верней от ... и дома начнут

петь Рождество. Голоса были хорошие, особенно у дяди Феди. Да, но это хорошая сторона в эти годы, больше было плохого о нем нет настроения вспоминать.

16-го марта 1940-го года была заключена договоренность остановить войну с финнами. Меня особенно радовало вдвойне, что конец войны и ждал освобождения, но последнее не осуществилось. Я на своей колонне стал работать пом. прораба, стали проводить земельное полотно в порядок, что было не сделано сразу, потому спешили пропустить первый поезд. Но вскоре нас с 45-го километра перебросили на 3-й километр станция Кирки, там колонну поместили в дом, где было второе отделения строительства № 105 М.В.Д. для АТП (административно-технический персонал). В конце дома было подготовлено несколько ... для АТП, ХЛО и кухня.

Колонна вся работала на станции. Разработка скалы под станционные пути и строительство вокзала, и служебных помещений. Поскольку объем работ был большой, а фронт работ малый, то было организована 3-х сменная работа. Тем более ночи были летом видные, это 30 километров не доезжая Кандалакши, раньше он был районного значения, ныне город. Но мне вначале и здесь не повезло, обратно наряд с 3-го отделения, где работал начальником отделения Рубин Иосиф, он был на Дальнем Востоке начальником в Тынде и почему-то я ему приглянулся на должность начальника колонны №11. Эта колонна была гужевая, 150 лошадей рабочих и 200 человек, которые работали на них и обслуживали их. Мое сопротивление и здесь не увенчалось успехом, пришлось пойти. Колонна эта была тоже в Кирках, но только по другую сторону.

Когда я стал еще принимать списочный состав, то мне стало страшно, куда я попал, лошади все работали на базах и складах. Когда возвратились в колонну, то каждый вез ящик масла сливочного, мешок или муки, или риса или ящик папирос, махорки и т.д., в общем там и спирт сухой, вот я думаю, попал куда, сразу хотел говорить, потом передумал, по-моему, не будет, обзлю, они могут меня пристукнуть и вывезут на свалку с конским

отходом. Акта о приемке не подписывал. Прихожу на свою колонну к пом. по труду, Гашак Павлик, хороший был парень, он меня звал вор, он пошел к командиру, поговорил, как меня взять обратно, а командир тоже меня уважал, и решил меня положить в мед. пункт, якобы я больной и принять колонну не могу, тем и отбился я от гуж. колонны.

Колонна была наша неплохая, работали хорошо, места там очень хорошие, много лесов, ягоды и рыбы. В конце августа нам пришлось перейти ближе к Ручьям, там стояла автоколонна, она свернулась, и мы перешли в ихнюю зону чтобы было ближе к работе, стали от Киров до Ручьев рыть нагорные канавы и кюветы мостить, а на ст. Ручьи, через речушку Ручей делали железобетонные трубы через оба пути, т.к. там были шпальная клетка, потом мощение кюветов, в общем там работали тоже в 3 смены. Уже стало темнеть, при электроосвещении, а на ст. Курках только работали плотники на строительстве вокзала. На ст. Ручьи на строительстве трубы я работал в ночную, т.к. я не плохо эти работы знал, а днем присутствовал прораб Кирилов Василь. Правда я вроде себя все хвалю, но так на самом деле было.

Мне жена, Тамара, как-то присылает письмо, в нем пишет, что хочет приехать ко мне, я ответил, что пусть приезжает. Работа на данном строительстве подходила уже к концу, некоторые колонны отправляли куда-то, потом собирали «сливки от заду» и отправляли на другие лагеря, стали отправлять в Печеру. Печеру в то время представляли это вроде кто туда попадет тот пропал. На нашей колонне были еще месяца 2 работы, а ведь я могу и с другой попасть колонной один, не выдержанный момент с охраной и можешь угодить на штрафную колонну, а там свидания нет, но я все время старался находить общий язык с охраной, хотя они часто не хотели считаться с производственными необходимостями, но тут приходилось подстраиваться под них, потому что обострения с охраной верх будет их. И я написал Тамаре: «Если приезжать, то приезжай скорей», но я не помню точно, когда она приехала, но знаю, что в октябре, ягода была в полном разгаре, я ей сказал как найти, сходить на ст. Ручьи и пойти

назад, там работы будут под путями, это мой участок. Я дежурил до 8 утра, пришел, лег спать, путем не уснул как прибегает с трубы лаборант и говорит, что твоя жена приехала, рассказал какая. Я быстро собрался и бегом туда, там работала конвойная бригада, я зашел в будку на трубе, послал инструментальщика, чтобы взяли чемодан и сказал, чтобы она пришла в будку. Но как тонко не делали, охрана сразу узнала, она была в инструменталке, ее охрана выгнала, она пошла на ст. Кирки, в 15 часов должен идти наш поезд до Алакуртти там наше управление строит. №105 до поезда я с ней укрылся на строящимся вокзале. Когда поезд отошел, я вышел, меня сразу охрана схватила и в зону, приписывая мне самовольное свидание. Но мне пришлось, убедить, что я не с женой был, а в том отряде ожидал результатов контрольного замера за месяц. Жена вернулась на 3-и сутки утром с разрешением на 3-е суток от начальника строительства. Охрана хотела не дать, но потом согласилась, и жена пробыла 3 дня со мной в отдельно отведенной комнате при колонне. Когда я ее проводил, видя, что поезд скрылся и она села в вагон, но все равно этому не верил, я дважды бегал на станцию, пытался ее увидеть, в общем какой-то самообман.

Тридцатого декабря колонна № 15, в которой я работал пом. прораба покинула строительство № 105 и отделение находилось в Ням озере, переехали за Кандалакшу, ст. Пинозеро, Кировского р-на, Мурманской области.

Колонну перевозили в необорудованных вагонах, когда разгрузили, повели пешком, а на подводах везли имущество, дошли на 23-й километр от ст. разгрузки, свернули в сторону, рядом было озеро, вот говорят ваша будет колония. Сразу расставили запретную зону, за которую переход смертелен, стрелять имеет право охрана без предупреждения и стали рубить, валить лес. Пока очистили делянку для колонны полностью хватило леса для строительства барачков и необходимых служб. На следующий день, часть осталась строить бараки, а часть пошла чистить снег, где торф, для строительства железной дороги. Это строительство было № 106 М.В.Д. При очистке трассы от леса и пней, чтобы не

пропадало, готовили скипидар, смолу, чистый деготь, древесный уголь.

На следующий день осмотрели свой участок, познакомились с объемом работ чтобы для составления плана была ясная картина, там было очень много поверху валунов, которые не вошли в инструментальный замер, пришлось их защищать на плановой комиссии в отделении, а это самое главное при составлении плана, чтобы все учесть, тогда и план станет выполним. Я на этой колонне хотел от пом. прораба избавиться, очень колготная работа, перешел был обратно контрольным десятником. Но отдохнуть мне немного пришлось, ехал по трассе начальник работ, я был в телефонной будке, он зашел туда, спросил: «Кто с 23-й колонны?». Я ответил: «Я». Он говорит: «Проводи по своему участку». Я пошел с ним по трассе, а подвода его шла по дороге, трассой он меня расспросил: «Кем я работаю?». Проводил его по своему участку и вернулся, через два дня приказ обратно перевести пом. прораба, а начальнику колонны все говорил, но тут видимо и прораб подсолил, когда я перешел, ему пришлось самому везде быть, а при мне он только подписывал документы, а по производству все было на мне. Сколько было неприятностей при разнарядке, вечером охрана полностью не выделит конвой на все точки, вот за ночь нужно несколько бригад ставить вместе, для этого перевезти тачки, трапы, чтобы утром было все на месте. Вот с возчиком всю ночь перевозили, а днем не отдохнешь, а если с охраной поскандалил или верней станешь возражать то и тебя под конвой заберут или дадут конвой и ходишь с конвоем по бригадам. Участок не очень был трудным, быстро его сделали, часть колонны перебросили, а нашей колонне дали большой участок, стали заниматься укладкой пути и балластировкой *(Балластировка железнодорожного полотна - укладка балластного слоя на земляное полотно. На вновь сооружаемых линиях Балластировка производится двумя способами: а) балласт, привезенный поездами по соседнему пути, разравнивается по земляному полотну слоями толщиной 10—15 см и укатывается катками. После доведения балластного слоя до проектной толщины путеукладчиком укладываются звенья пути или раскладываются отдельно шпалы, к ним пришиваются*

рельсы, путь окончательно выправляется и рихтуется, шпальные ящики заполняются балластом и трамбуются с доведением балластной призмы до полного поперечного профиля; б) балласт вывозится по балластируемому пути и балластировка производится последовательной подвёмкой пути на балласт балластировочной машиной, моторными или ручными домкратами с подбивкой шпал пневматическими или ручными подбойками.)

Балластировка ж/д пути

Т.к. колонна имела в этом навык. Рядом было большое озеро, рыбы в нем кипело. Колонны периодически стали отправлять в Печеру, т.к. земляные работы подходили к концу.

Когда объявили войну 22 июня 41 года, в этот день колонну нашу погрузили в вагоны, а штаб 25 человек перевели на штабную колонну отделения, она от нас была в 3-х километрах. На штабной колонне часть работала в отделении, несколько строительных бригад и песчаный карьер, где грузили женщины, а жили тоже на штабной. Но для виду перегорожена. Нашему коллективу не приходилось работать с женщинами, а когда пришлось они имеют некоторые особенности. Десятник был прикреплен ... они его и знать не хотят. Лопаты воткнули, повесили телогрейки, сделали холодок и лежат спокойно. Пришлось к ним идти, вагоны простаивают. Когда подошел, стал говорить, что стоят вагоны

и т.д., они и в ус не дуют, тогда я им говорю: «Если вы не встанете и не начнете грузить, то сейчас сниму бригаду плотников барак ваш отгорожу от мужского, так что в мужскую зону вы больше не попадете». Смотрю, некоторые поднялись, берут лопаты и давай подымать всех и как потом работали дружно, правда немного пришлось работать. 29 июня колонну погрузили в вагоны, только состав вывели на станцию вдруг два самолета немецких крышу водокачки всю изрешетили. Сели на озеро, посидели немного и полетели на Петрозаводск, мы поехали по своей ветке на ст. Пинозеро, Мурманской магистрали. На станции нас передали военному конвою. У прораба документов не оказалось и его от нас взяли. Меня в эшелоне назначили прорабом. И так наш состав пошел с «немыми» сигналами. Стали подъезжать к Петрозаводску, сирена, воздушная тревога, все побежали в бомбоубежище. Состав остановился, смотрели за самолетами, их было три, а мы сидим под замком в вагонах. Но бомбить они не бомбили, полетели к нам вглубь. Ночью стали сигналы подавать паровозы, где-то у Котласа, доехали мы до ст. Кожва, там нас выгрузили поместили в бараки, стали принимать людей (13 июля 1941 г.) и вещь. довольствия, т.к. лагеря разные. Нам сообщили, что на этой пересылке организована шайка, по ночам ходят забирает у новичков вольную одежду. У меня две бригады украинцев, я им сказал, что они говорят – «пусть приходят» унесут они ноги или нет. Первую ночь они не были, а на вторую появились. Как им подсыпали, они видимо и другим заказали, после не были с неделю и не слышно было, видимо сразу отучили. Потом стали грузить нас на баржи и буксир потащил по реке Уса. Нас выгрузили, недалеко стояла зона, колонна №97, туда нас поместили. Колонну нашу в Печере половину отсеяли по старости и болезни. Легкий труд, направляли на сенокос и сельско-хозяйственные работы, так что эта колонна собралась из нескольких колонн, поэтому там надлежащего порядка не было.

Слышу кто-то спрашивает, кто путейцы, я подхожу к нему, узнаю, что нужно путейцам от причала до ст. Сивая Маска проложить ветку, чтобы потом по ней возить рельсы, шпалы на

главный путь Печера – Воркута, я эту работу сделал и 15-го августа перешел на 40 колонну на ст. Сивая Маска. Стали мох снимать и класть линию прямо на грунт и по этой линии продвигались дальше, дошли до Козиурского моста за станцию 3 километра, стали мост делать, а дальше работала 11-я колонна. Осень была дождливая, одежда не высыхала, в сентябре месяце этапы шли вереницей на Воркуту. И я встретил Кирилова Василия Алексеевича, своего прораба, проработав с ним на 3-х стройках. Он авиационный полковник, имел ст. 58-10, 10 лет. Мы не ушли с этого моста, как его обратно ведут или верней сопровождают до железной дороги, одет в военную одежду, а позже я узнал, что он преподавал в академии им. Жуковского. Наши товарищи были у них, но мне больше не пришлось встретиться с ним. После строительства моста меня перебросили на станцию строить колодец для снабжения водой паровоза, кто-то построил и не досмотрел, его завалило плавуном, мне пришлось выбирать старую опалубку и крепить в новь. 25-го декабря Воркута-Печера прошел 1-й эшелон с углем.

13.1.73 года. 8,30

Я пришел дежурить в гараж областного Тамбовского Совета.

Сегодня в ночь выпал снег, а утро тихое и обратно напоминает детство. Каток на пруде, катания с горки, почти от тети Любиного дома и вниз, где раньше был средний пруд, а после, как сорвало плотину, там папа насажал ветлу и часть было вспахано под бахчи. На дне бывшего пруда хорошо росли огурцы и капуста, частенько туда забегали зайцы, даже несколько ветел обгрызли. Но папа с ними быстро справился.

После пропуска первого эшелона 25-го декабря 1941 года с углем, пошло регулярно. Шли эшелонами до 1-го июля, т.к. снег в Печере начинает таять с 25-го мая и к 1-му июня оттаивает грунт.

В зимнее время по возможности вели балластировку, но малый был эффект, т.к. частые снегопады, метели. Больше уходило на чистку снега, чем на балластировку. Весной при оттаивании

грунта движение почти было приостановлено, т.к. пути почти везде были уложены на глину и при оттаивании все ушло в глину. В основном летом 1942-го года на путях работала вертушка с балластом. Когда пошли поезда в 41-м году, то части рабсилы перебросили в лес на заготовку дров для лагеря, а лес плохой был в Сивой Маске, заготовка была не легкая, к этому времени резко питание ухудшилось, хлеба не стало. Стали давать пареной пшеницы, хлеб и крупу. Пшеница приходила в цистернах и пахла бензином и керосином. Ее старались мять, но ничего не получалось и давали прямо распаренной, потом стали молотить вручную, а позже построили мельницу и снабжали несколько колонн, а их было очень много.

В виду плохого питания, эту зиму нас встретила цинга, забиты были лазареты и стали открывать на колониях новые лазареты. Вместе с цингой начала свирепствовать дизентерия, в том числе попадаю я в лазарет, меня всего перекосило, что трудно было узнать, да потом такая была на мне одежда, в которой я никогда не ходил, а тут на меня надели видимо 40-й. Которых людей отправляют в лазарет, то хорошие одежды снимают, а плохое одевают, вот меня и нарядили. Пригнали или верней привели нас несколько человек в лазарет и прямым сообщением в баню, там проверяют формуляры. Это наш основной документ был на все 10 лет. Бывали случаи, человек есть, а формуляра нет, или наоборот формуляр есть, а человека нет, то что целая история сразу врачебный осмотр там же в бане. Когда вызвал меня врач, там мы их звали липкомом (*искаженное название от лекпом, лекаря помощник*) и смотрит на меня, но фамилию узнает, а в действительности внешне нет. Но я его сразу узнал. Это был мой липком, на 3-х стройках он был липкомом на моей колонне, а когда пошли этапы на Печеру он был назначен с чужим эшелонном и с ним был взят Новичков Миша - повар и Ануфриев – банщик и все они трое работали в лазарете. Когда он убедился, что это я, обнялись с ним, расцеловались, он быстро сообщил тем ребятам, они сразу прибежали и я как будто попал на курорт, окруженный заботой товарищей. Я тогда курил, а они все не курили, принесли мне

своей паек махорки, хлеба, рыбы зубатки, витаминов и я сразу как на дрожжах поднялся, зубы сразу окрепли, а то я их мог вытащить все без боли. Пробыл я в лазарете месяца 3, быстро поправился, окреп, там заседает комиссия каждый месяц, и кто окреп, выписывают в оздоровительную колонну, где используют на легких работах, и я попадаю на колонну у Казиурского моста, который в 41-м году я строил. На колонне была часть – легкий труд, а часть – шпана, которая не работает, пожирает то, кто заработал, а кто заработал остается голодным. Причем начальство не найти, кому чтобы было пожаловаться и часто поедут за хлебом на другую колонну, проезжают мимо штрафной колонны №11 работающих на выемке, они налетят и хлеб весь заберут. В общем часто были без хлеба, проезжать где-то стороной было невозможно, только можно было проехать трассой с трассы редко удавалось привезти хлеб.

В общем, я вижу, что здесь не минуем Загиб-петрович, мы там так это звали. На колонне была бригада путейцев, знакомых никого не было. Я прихожу к бригадиру, передал записку чтобы он передал мастеру, а мастер передал нарядчику Синицину, чтобы он любыми путями меня взял. На следующий день он приходит и говорит, ничего не могу сделать, легкий труд в путевую бригаду не берут, ты говоришь настояи, чтобы тебе дали 3-ю группу, тогда я принесу наряды тебе, заберу на Сивую Маску. А там был такой порядок, отправляли из лагеря на новую колонну, и специально были вроде бы оздоровительные колонны. Приходит комиссия и я им говорю, дайте мне 3-ю группу, они удивились, почему я сам прошу, я им объяснил, что хочу пойти в путевую колонну, они мне это сделали и на следующий день я был обратно на своей колонне № 40 ст. Сивая Маска время было конец июня, ремонт путей шел круглые сутки в 2 смены, я ходил с колонскими бригадами, приходилось потому что все было брошено на ремонт путей, даже приходилось работать день и ночь.

Мне дали отдельный конвой, я тогда был еще конвойный, пойду расставлю бригаду, приду часа 2-3 отдохну и обратно, а питание все оставалось неважное, но в июле пошла морошка ягода,

потом грибы, черника, голубика, вроде бы стало легче. Открылась дизентерия, народ отправляют пачками в лазарет, я зимой насмотрелся в лазарете на покойников. Как их каждое утро наложат мертвых на сани поперек, привяжут бирки и как дрова на кладбище в братскую могилу.

К концу июля движения открыли с малой скоростью, стали поезда с углем проходить. Я заболел дизентерией. С колонскими бригадами не годился идти, а жил и числился в путейском околотке, липком нас обслуживал колонский. Он меня не освободил, т.к. я отказался пойти в лазарет. Тогда мне дорожный мастер Кулицкий сказал, чтобы я выходил на пути с путейцами, как раз рихтовали линию, ломами, самая тяжелая работа. Я нажимать на лом не мог, т.к. сильные боли в животе. Мастер Кулицкий со злостью на меня: «Завтра ложись в санчасть или в лазарет». А до этого на участке дорожного мастера была авария поезда, руководство решило, что по вине мастера и этот вечер приходит и Кулицкого забирают в Абезь, там было управление данной дороги. На следующий день, в обед зашел человек в землянку, я его узнал по Дальнему Востоку – Куроченко Дмитрий. Он уроженец с Дальнего Востока, ст. Сквородино, как он говорил, а я его узнал, мы вместе были в А.т.п. (*административно-технический персонал*) На колонне № 54 в Тынде, я в 1939 году летом работал в Корсуре, заготавливал лес. У меня была бригада беглецы и рецидивисты 80 человек и его пригнали откуда-то, худой, еле стоял на ногах. Я его подзвал к себе, расспросил, вроде человек здравомыслящий. Поставил его кипятить кипяток, т.к. он больше не мог ничего делать, а когда он окреп я порекомендовал взять его десятником и этом я не ошибся. А когда колонна наша грузилась, то их несколько человек оставили, причина нам не известна была, и вот его оттуда привезли прямо в Печору, минуя 105-106-е стройки. И когда он зашел в землянку, я у него спросил, куда следует, он, ответил, что до Воркуты, передают с колонны на колонну, т.к. прямого конвоя не было. Я ему говорю, оставайся у нас, дорожного мастера у нас нет, от ответил это бы хорошо, но как это сделать. Я пошел в другую землянку, там помещались штабные работники отделения,

нарядчики. Сказал, он пришел ко мне, поговорил с ним и пошел в отделение просить наряд с назначением его дор. мастеров, возле меня было свободное место, он рядом расположился. Утром он пошел принимать участок, а меня чуть не силой хотел отправить в лазарет, я стал ходить кровью, но в лазарет решил не ходить, тем более часть моих товарищей, однокашники Дурново Николай и Жуков Жора, Румянцев Паша собрались на Уральский хребет тесать камни для мостов. Я им не советовал, но они пошли, думали, что там им будет легче и оттуда не вернулись. Сообщили, вернулась часть людей, которые уцелели. Но и я был на грани смерти. Вечером приходит Куроченко, я ему говорю: «Был ликпом и говорит, что завтра положат на подводу и отвезут в лазарет. Я бы хотел помереть здесь, но не в лазарете». Но видимо он вспомнил мою помощь к нему, когда он пришел, падая от ветра и я ему помог окрепнуть, взял его в А.т.п. Он говорит: «До обхода я завтра буду в бараке и скажу ему», а обход бывает после развода. Обходит бараки пом. по труду, ликпом и дежурный. Я лежу, сил нет, заходит ликпом, говорит начальнику колонны, чтобы выделил лошадь, чтобы отвезти Тенькова в лазарет, т.к. он ходить не может. Начальник стал его ругать, почему до того довели, что везти нужно. Тогда Дмитрий говорит: «Он никуда не поедет, если умрет похороним всей бригадой», или он звался околотком. и говорит: «С бюллетеня его сними, я буду его проводить по путевой колонне». Я лежу ни живой, ни мертвый, рад не за выздоровление, а только за то, что не попаду в лазарет. 9-ть паек у меня собралось не тронутые, часть уже заплесневели, я думаю, когда умру, ребята, которые будут рыть могилу помянут меня. С продуктами стало налаживаться, построили мельницу возле колонны и нашей колонне стало легче, пойдут разгружать, всегда поесть принесут. Стали мякину, шелуху овсяную месить, обжигать и варить кисель. Испражняться я уже не стал. Дневальный принес селедочки на обед бригаде и пророщенный горох с квасом, а сам ушел за пирожками на кухню. Я встаю, беру селедку, одну голову отрываю и целиком глотаю без хлеба, кружку квасу выпил и лег, чтобы дневальный не увидел, и уснул сразу. После

я почувствовал лучше, лучше и стал поправляться, липком долго все допытывался, чем я вылез, я потом всем рассказал. Тоже чудом выжил.

Когда стал поправляться я решил чем-то заняться, мне так надоело без делов, что я готов хоть чтобы делать только лишь бы не лежать, тогда дор. мастер мне предлагает дневальным, в землянке людей было 130-150 человек. Я согласился, потом вскоре взяли на этап повара, а кухня была вместе с колонской. Меня мастер посылает поваром, я было отказывался. Но меня уговорили, я решил пойти. Сварил завтрак, обед, а на ужин у меня продуктов ничего не осталось. Я тогда пропуска еще не имел, колонские повара крупу получали прямо с мельницы, думаю, дай я попробую, подхожу к вахте, говорю дежурному: «Пройду на мельницу». Он не спросил фактуры и пропустил меня, там зав. был Обрамов, раньше был он десятником вместе жили в бараке А.т.п. Я говорю ему, что просчитался, выручай, он говорит: «Возьми овсяной муки $\frac{1}{2}$ мешка». Я наваливаю его на плечо и на кухню. Наварил не суп как было обычно, а кашу, вот меня расхвалили, вот это повар, а потом выдали мне пропуск, как путевому специалисту, тут мне совсем стало хорошо, в любое время мог выйти за зону. Я полностью окреп, но цинга еще давала знать о себе, ноги были как ступы, из зубов сочилась кровь и они были неустойчивыми, но я ходил, рвал хвою, пил ее и ноги парил, несмотря что внешне был такой детина. И вот однажды комиссионно, это уже в 1943-м году проверяли всех, кто работает в лагере, стали давать работу по ремонту лагеря, в общем покоя не стало. Я говорю мастеру, я пойду в кузню, молотобойщиком, т.к. на путях я решил не работать, а молотобойщики кузни близко к мельнице, всегда кусок себе лишний достану, тем более с пропуском. Но мастер меня не стал задерживать, хотя им всем не хотелось меня отпускать из кухни. Но у меня было безвыходное положение, начальник колонны предупредил, если не будешь выполнять ремонт, угодишь на штрафную колонну №11. В то время это было ему сделать легко и вот видя это я пошел молотобойщиком, работа в кузне была не сложная,

только ремонт инструмента, я это быстро освоил и стал сам за кузнеца.

К концу 43-го года штаб дистанции со станции Хановая переезжает на 4-ю дистанцию, т.к. 4-я дистанция была из 5-ти на последнем месте. Но без заведующего технического хозяйства, а сокращенно завхоз 4-й дистанции. Был пожилой Кулонов Ник. Ив. и он как-то к этой работе был не приспособлен. Начальник дистанции Ерофеев Федор Феофанович по нации удмурт пришел в кузню и там была столярка и инструменталка, посмотрел и ушел, к вечеру заходит нарядчик и говорит мне, чтобы я вечером зашел к начальнику дистанции Сопрощенко (ПГ-4). Я прихожу, он мне предлагает зав. хозяйством, я руками и ногами, нет, нет не пойду, не пойду, я вспомнил как Кулонов, повезет, что на околодок и несколько дней нет. Бывалочке, мне скажет, ты суп и кашу собирай мою в какую-нибудь посуду. Это когда я был дневальным в мою обязанность входило питание хранить кого нет. Вот он приедет, а оно кипит, даже бурчит, все равно ставит на стол и ест. А когда я был поваром, я этого не делала, т.к. я его всегда мог накормить, и вот я ПГ и рассказал, он говорит: «Ты никуда не будешь ездить, к тебе будут ездить с околотков, а ты будешь как небольшой ЧТС (*часть технического снабжения*). Но я тогда согласился и проработал до освобождения – 1947 г. 3-го ноября. Работа мне была знакома, и я с ней хорошо справился в общем.

Ерофеев в выборе меня не ошибся, он видимо такого человека и искал, который разбирался в строительстве и эксплуатации железных дорог и хороший бы был хозяин. Сразу он мне выделил штаб дистанции для погрузки и разгрузки, шпалы на перегоне. На калужанку или как ее еще называют дрезина и разгрузки для строительства мастерских околотка, для жилья мне конторы и помещения, дал мне инструмента строгой отчетности, позже построили мастерские из шпалы для службы путей, где производили реновацию рельс и крестовин. Я с того момента жил за зоной в мастерских, мне провели телефон, потому что селекторное совещания строительство нам время выделяло очень поздно, и чтобы быть в дистанции при селекторном совещании

приходится быть допоздна и когда возвращаешься домой, то часто оперативная группа задерживает, особенно работники других подразделений и ведут на штабную колонну. Правда я дальше вахты не заходил. С вахты звоню Ерофееву, он комендатуре дивизиона, тот дает команду вахте проводить меня до места. Вот поэтому мне, где я жил провели телефон. Правда были такие товарищи, которые забирали и из моего жилья. Но это очень было редко и если это был из наших подразделений, то они очень тужили, что это допустили, но это было в первое время, а потом привыкли. На ст. Сивая Маска, и даже перегон С.-Маска – Воркута и С.-Маска-Печора оперативные группы так привыкли, что я сопровождаю товар с продуктами на ..., я имею в виду в Печору и когда проверяет опер. Группа вагоны, то спрашивают: «Это с тобой?». Я отвечаю: «Со мной.» А я часто сопровождал шоферов работающих на электро передвижных мастерских, работающих линия Кошва – Воркута и это товарищи получали на штабной колонне сухими пайками крупы и хлеб, и я порой часто забывал, что я заключенный, тем более по такой статье и если, когда это выплывало, то я старался чем-то отвлечься, чтобы быстрее забыть. В начале 1944-го года к нам пришло пополнение женщин, ими пополнили не хватающих на околотках и рабочих отделения. Отдельные околотки были из одних женщин, не считая мастера и бригадиров.

В то время условия стали улучшаться, стала по колоннам и дистанциям проверять комиссия, повели борьбу со вшивостью, с клопами. Несколько улучшилось питание, вначале войны мы несколько подавали заявления чтобы взяли на фронт, но нам в этом отказали. Когда у нас освобождали поляков мы им все завидовали. Но когда дожили до 9-го мая 1945 года, это небывалое было торжество. На каждой колонне и даже охрана, обнаруживши выпивших никаких мер не принимала. Но я должен сказать, где-бы я не был, а Печора 4-я стройка на колоннах всегда был порядок, если и попадали или вырастали жулики, мы так звали ворюшек, то они были тиши травы и нижи воды. Может с ними проводилась разъяснительная работа, а если какие не поддавались

этому, то работяги так им всыпят, что они обратно тиши воды и очень было редко, когда отправляли на штрафную колонию, они ее сами боялись как огня, потому что по ихнему законы там главой кто-то один, а остальные его рабы. Но это только так говорили, сам я не имел счастья быть там и вообще за весь срок я не имел взысканий со стороны администрации и охраны. Письма мне писали мама и от тещи из Инжавино Тамбовской области писала Дуся и Лена. Эти в то время были девочками, сестры Тамары (жены). Сама Тамара писала, но не регулярно. В 45-м году один освободился и оформился на снегоочиститель и поехал в отпуск в Москву. Я ему дал адрес жены, а через несколько времени присылает письмо, сообщает, что Тамарка вышла замуж. Я ее говорит искал 2 дня, хотел зарубить. Меня это очень огорчило, но я почему-то думал, что это все произошло ради сына. Я ей писал из Дальнего Востока, если будет трудно, то выходи замуж, а потом видно будет. Но она обиделась на такое письмо и не верила, что я мог это написать, думала, что кто-нибудь знал адрес и написал. Потом она, когда была у меня в 1940 году на 105-й стройке говорила, что замуж не выйдет, хоть 15 лет будет сидеть, а тут сразу такое сообщение. Потом мне ее сестры пишут, очень ее ругают, но, а позже мама написала, но я как-то этому особого значения не придавал, тем более еще 2 года с лишним отбывать. Но все равно было и обидно. Кончилась война, вроде бы только отдохнуть, а тут пожалуйста обратно камень на сердце. Мама мне часто присылала в посылке махорку, больше мне ничего не нужно было и часто письма посылала, также часто посылала мне и Дуся. Я им очень благодарен за ихнюю заботу, не было такого случая чтобы я при разборке писем не получил писем, я даже письма и посылки получал в Воркуте, там их отбирают по дистанциям и я попрошу мне там их выдадут, а в Воркуту я ездил 5-6-ть раз в месяц на своей калужанке, то по своим делам, то пом. по труду попросит отвезти освобождающихся девчат, а их много освобождалось. Они сидели по указу, а после войны их освободили многих, то есть амнистировали, многие вышли замуж и остались там. После от ее родных письма стали поступать все

Тормозной башмак

реже, оно и правильно, что же писать когда она с другим живет. Последние годы все тяжелей становилось, видимо они гораздо больше были, но время шло. Жил я после войны гораздо лучше и веселей, питание было хорошее, с работой справлялся хорошо, она мне была раньше знакома была, когда я ездил особенно на калужанке в Печору или в Воркуту. По приезду начальник дистанции всегда меня вызывает к себе или звонит по телефону спрашивает, что и где делается на других участках других дистанций, я ему точно даю полную расшифровку, какая дистанция, на каком километре – пикете, что делает и балластирует или зазоры разгоняет или кладет башмаки (*Тормозной башмак – это специализированное железнодорожное устройство для замедления и остановки поездов и вагонов*) и т.д. А я всегда все записывал, это уже у меня так было заведено. По своей дистанции, когда проезжаю дорожные мастера меня также боялись как самого начальника, потому, что все равно о допущенных нарушениях ПГ будет знать и на селекторном совещании будет известно. Мне еще поэтому провели телефон, когда я не бывал в отделении, то дорожные мастера ссылались на меня того не дал, того не отпустил инструмент, не заправлен, а когда провели телефон, только кто станет вину валить на меня, я в трубку: «Врет он! Не был». Или предлагал, а не взял тогда им деваться было некуда, но, а вообще, жили дружно, одной семьей,

а если дисциплина была, то это неплохо, при дисциплине работать гораздо легче. В начале 46-го года начальника дистанции перевели в Печору, 4-я дистанция стала первой по дороге, Печерская была последняя. Его перевели чтобы восстановить 1-ю дистанцию, а к нам назначили Михетько Петр. Сразу был серьезным, но потом обмялся, даже стал мошенником. В 46-м годы собирали слет как получили 1-е место на это отпустили 18 тысяч рублей для поощрения околотных и рабочих отделения, а он на это истратил 7 тысяч, а 11 тыс. присвоил. Но с района приехали сразу, это вскрылось, подделку, он эти деньги вроде раздал, когда стали проверять ведомости, а денег никто не получал, ему и начальнику колонны Середе присудили по 10 лет, они были в ... Жена Михетько поехала в Москву, закрыла магазин, она в нем торговала и с Москвы привозит копию: «Михетько освободить и восстановить в партии». А Середа отсидел 10 лет, хотя он ничем не попользовался и кредитом распоряжался начальник дистанции. После Михетько поработал очень мало, запил, потом открылась экзема и он уехал в Харьков, где-то работал на подъездных путях, потом сообщили что он помер.

14.I. 73 г. 21.00

Час идет снег по городу, в прошлую зиму этого не было, возможно потому и была засуха 72 года. Морозы небольшие, ночью до 10-15, а днем 3-5, вспоминается детство, как катались на ледянках-салазках, святками. Но как бы не было хорошо, 46-47 год, а воли нет и последние годы там тянулись как будто вечность, но, а в действительности день за днем шли своим чередом. Подходит конец срока, но он обратно не радуется, куда поедешь, где устроишься на работу с этой статьей. Когда подчас сам не пугаешься, а что подумают те, кто будет прописывать и оформлять на работу и обратно на душе не легче. Если первые переживания, была надежна на отбытие, а как будет потом неизвестно.

Причем семейная обстановка разрушилась, трудностей было много, надо было ожидать и после освобождения, сразу было некуда головы приклонить. Мать тоже угла не имела своего,

в общем последний год и месяцы все меньше радовали, к лагерной обстановке вроде бы привык, вспомнишь после освобождения куда, кому я нужен и с чего начинать если бы была грамотность, а то и этого нет. Время шло, подошел конец срока 1-го ноября 1947 года. Но поскольку я был материально ответственный нужно было передать ценности. Затратил на это 3 дня, только поехал 3-го в 3-й район город Воркута. При оформлении я указал город Рассказово Тамбовской области, т.к. мать жила там у родственников. Но ехать сразу туда не хотел. Мы с товарищем с Осиповым Александром, он работал на штабной колонне пом. по быту, собрались ехать на 501-ю стройку в Салехард, ст. Лабодянка, мне дали направление в Г.т.с. (*гидро технические сооружения*) с окладом в 2700 руб. Вдруг приходит начальник района Башлыков, в руках у него телеграмм от начальника дороги тов. Кузнецова, во чтобы то ни стало оставить Тенькова и оформить зав. мастерских передвижного электропоезда. Меня окружили, но я подумал, может действительно я так нужен и согласился пойти на 1000 руб. заведующим. Что меня еще помогло пойти жить, я стал на прежнем месте, где жил заключенным, а товарищ мой поехал на 501-ю стройку, потом мы встречались с ним, он получал 2500 рублей, работал инспектором Гтс, а я ради уважения получал 0 ½ года 1000 р. и был все время в разъезде. Потом, где я работал заключенным, там ввели должность ПГ мех, одна и та же должность, только по-разному называется, оклад был 1300 руб. Я принял все меры чтобы перейти в ПН Мех, мне это удалось, проработал я год, мне дают отпуск на месяц, потом без содержания 15 дней, всего на 45 дней.

1-го ноября я стал собираться в отпуск с билетами было очень плохо, но я ехал с проводниками в ихнем купе. Я готов был пешком идти. Числа 4-го я добрался до Москвы, где сын жил, ст. Подлипки, Ярославская ж.д., проезд Воровского в9 с материнскими сестрами, там жила Катя, Вера, Дуся, Лена, Костя и сын, а Тамара жила где-то с мужем Сашей Сабич. Я до сих пор не знаю где, но когда приехал я в дом на Воровского, то сразу появилась и Тамара, стала хвалится тряпками, доха (*Шуба с мехом внутрь и наружу*)

стоит 12500 р., костюм, туфли, мне ... то было куплено, а я глянул на сына, он в ее сапогах, они без подошвы и грязь виднеется у колен, мне стало обидно, ведь я почему-то думал ее выход или сожительство с другим послужила трудность жизнь с сыном, а получилось все наоборот, она имеет тряпки без которых бы жить можно, они лежали мертвым капиталом. Сама живет в свое удовольствие, а сын ходит полу разут и раздетый, живет с тетками и всегда на побегушках. Вот тут все во мне изменилось, она этого видимо не замечала, что происходит во мне, и говорит: «Я пойду принесу вещи, которые были с ней, так как остальные вещи находились у сестер». Мне пришлось сделать ей предупреждение, пока ничего не делать, ей это не понравилось, т.к. она сумела Сабичу об этом сказать, что она уйдет как я приеду. Но делать было нечего, пришлось идти к нему, нам с сыном постелили на полу, и мы легли с ним. Это сама счастливая была ночь, день, что я впервые увидел сына и обнялись, лежали на полу на 11-м году его жизни, тут были радость и волнения, которых невозможно описать и даже трудно выразить, но так было. Утром поднялись, я попросил Катю чтобы она пошла с нами по магазинам купить сыну одежду и обувь, она согласилась. Я ему купил костюм, вельветовый, пальто, валенки с галошами, ботинки с галошами, а для брюк, штанишек и рубашек взяли материю. Катя обещала ему сшить, чулочки тоже не забыли.

Когда я поехал в отпуск, денег у меня было 1500 руб., а когда поехал из Москвы у было 50 рублей и все. На вокзале истратил провожающим, их было много, но когда приехал, мы с Дусей с Тамариной сестрой, она ехала в Инжавино к родным вперед, и я хотел поехать, а потом мне рассоветовали, да и незачем мне туда ехать. Нас встретил Витя, двоюродный брат. Шел он с демонстрации это было 7 ноября 1948 г. и нам везли на тележке вещи от вокзала, мне нечем было ему заплатить, заплатил Витя. Царствие ему Небесное, он умер в 1954-м году. Хороший был как человек. Итак, я жил 1 ½ месяца на материны средства и брата Коли. Но не без этого и на Витины. Дусю пришлось отправить одну, она обиделась, но что я мог поделаться!

Когда при встрече с Тamarой я ей предложил поехать со мной, она от этого отказалась, хотя мое предложение было шутя, а потом я ей сказала по возвращении будет все ясно что и как. Но этого она видимо очень ждала, мы только из вагонов, она нас встречала я ехал с мамой.

При встрече с родными я очутился в центре внимания. Коля жил у Вити, мама у т. Марии в этом доме, а Катя лежала в госпитале Пионерская 11, в Тамбове. У Вити было много гостей. Гуси были целиком зажарены, пили спирт, восьмого тоже гуляли, Дусю проводил 9-го ноября, Катю я стал навещать в госпитале, она лежала и вот когда находиться там нельзя во время обхода или приема пищи, то я выходил и прохаживался по Пионерской улицы и когда ходила со мной Аня Степанова, она была ходячая. Числа 8-го ноября гуляли от хим. завода в этом же доме, где Витя, только другой ход, там жила Марь Даниловна, а у них стояла в отдельной комнате Скуратова Варвара Ивановна. Но на ней все хотела мама меня женить, а она работала глав. бухгалтером хим. завода и в ее комнате гуляли. Приходит Галина Григорьевна Капитонова, Варина подруга звать Колю, они с ним знакомились, он говорит: «Брат приехал». Но и меня приглашает, мы к ним пошли, вот тут и познакомились с женой Варей. Ноябрь 1948 год.

21.I. 73 года.

Сегодня дежурю с 8.00 до 20.00 часов, мороз – затиша солнце, снега очень мало, обратно видимо, обратно будет засуха летом.

Когда я был еще заключенным в 1946 году, встречался с Лукошкой Еленой, она была тоже заключенная, в то время я считал себя холостым, т.к. жена, знал, что она живет с другим. Первое время встречались украдкой, а потом об этом знали и руководство, и охрана и мы их не стыдились. Жил я за зоной и она жила со мной, ходила только на колонну отмечаться, а когда я освобожден в 1947-м году, а ей в 1948-м году освобождаться, то я ругался за ее и охрана мне доверяла. Но когда была мама зимой в 1948 году, то ей она не понравилась и всячески хотела, чтобы

я на ней не женился, но я сам это предвидел, т.к. у нее был ребенок и вообще было можно жениться на лучшей.

Когда она освободилась я отправил ее домой, т.к. дочь жила у сестер и ей сказали, что между нами с тобой должно все порвано быть, а когда мама возражала против нее, то она обещала найти мне невесту вроде ангела, она имела ввиду как раз Варю. Она жила с ними рядом, один был коридор, Струговой проезд, дом №12, в этом доме жил и брат двоюродный Витя в разных подъездах.

Когда я с братом пришел по приглашению Галины Григорьевны, там было несколько пар, работников хим. завода, он в то время находился не далеко от Советской улицы, в помещении, 2-х бараках, в то время там варили мыло, крем ... и кожевенный цех.

Числа 10-го ноября 48-го года заявляется к Вите Лукошенко Елена, она знала адрес его и знала, что я только у него могу быть, пробыла дня 2 или 3, еле ее проводил, хорошо, что Коля брат дал ей 100 руб., сразу она ссылаясь, что не на что ехать, но когда деньги получила пришлось ехать, Провожать я ходил, мать все переживала, что может что она сделает со мной, но все обошлось хорошо, только когда она приехала на место и было уже ясно, что все, совместная жизнь не состоится, то она перелезла через забор, перегородку в комнате забрала постель, хотя она была не ее. В Тамбове я пробыл до 5-го декабря 48-го г. Ездили с мамой в Рассказово, были у Ракитиной, у Богдановых, была жива бабушка, к ней приезжал сын Петр Захарович. Т. Сима была жива. Ныне ее уже нет в живых, до отъезда я с Варей дружил, отъезжал 5-го декабря, со мной и мама поехала. День был теплый, проводы делал Витя, много было гостей. Володин Борис решил переводить на коляске мотоцикла, но маму с кем-то повез и долго его не было, тогда я и провожающие стали срезать углы чтобы успеть до отхода поезда, но он нас у Пролетарской улицы встретил, развернулся и подбросил. С Варей было договорено, что я в мае месяце приеду и она поедет со мной.

6-го декабря прибыли с мамой в Москву, нас Тамара встречает, помогает нести маме вещи и все «Мама, мама». Я ей говорю:

«Она тебе уже не мама». Но ее это сразу убило и видимо она сразу вспомнила, что во всем она виновата, но все равно она нас проводила на поезд Москва – Воркута и вот тогда она почувствовала, что ломоть отрезанный. По приезду на место, ст. Сивая Маска, Коми АССР в Печоре я заходил в управление, оно из станции Абезь было переведено в Печеру, там мне вручили перевод обратно на передвижные мастерские Электро-... поезда и 30% разъездных к окладу.

Работа была всегда на колесах, но мама жила в Сивой Маске, т.к. контора была в Сивой Маске и я часто бывал там то с отчетом, то собрания и т.д., то проездом. Проработал я до 18-го мая и пошел в отпуск до 20 июля 49-го года. Мама поехала со мной. 20/V. 49 г. мы были в Москве у Коновалова, у сестры Тамары. Когда мы приехали, то Тамара передала мне повестку явиться к прокурору Калашниковой. Я явился, была там и Тамара. Работник прокурора хотела нас помирить. Но я ей только сказал, в каком состоянии был сын, жил у сестер или у теток: «И вот были бы вы на моем месте?», и она ничего больше не сказала, а Тамаре сказал: «В этом ты только виновата», и мы от нее вышли. Потом она подала на алименты и на этом все порвалось, стали жить как кто сможет.

Сестры и братья даже не представляли, чтобы я сошелся с ней. Только мама жаловалась из-за сына, говорила: «Сойдитесь, зачем лишать сына отца». Но я даже и слушать не хотел это, она мне отвратила, когда я в 1948-м году увидел и узнал, как жил сын и в чем ходил. Я после этого на эту тему и слушать не хотел, может потому, никто не заикнулся из ее родных, чтобы мы сошлись. Но а насчет сына, я так в то время решил, если взять его себе, я жил на Крайнем Севере, и неизвестно сколько придется жить и с мачехой жить, будет ли лучше для него. Так я решил оставить его с матерью, а вырастит он сам это поймет.

Пробыли в Москве два дня, а 23-го мая прибыли в Тамбов. Пробыл в Тамбове 2 месяца. 15-го июля забираю жену Вару, и мать обратно с нами поехала. Жена перед отъездом колебалась, ехать или нет, выставляла разные причины, а может ей жалко было

оставлять родных или близких. Родных было у нее 4-е сестры и ... от сестер были дети, ей они внучата. Но потом она решила поехать.

Приехали в Сивую Маску, жить на первый раз было где, поехали в Воркуту, где она оформилась бухгалтером 4-й дистанции пути. Вскоре мы перешли в 2-х этажный дом на 2-й этаж. При получении письма от брата, я узнал, что жена потомство иметь не может, что от меня скрыла, а брату сообщила ее подруга Галина Григорьевна, но видимо и еще кой что она ему передала, хотя брат сообщил, когда умер Павел Петрович, который видимо встречался с ней. Но второе меня не волновало, а вот первое меня убило. Если бы я знал раньше, ни за что не женился, а потом было поздно. Не хотел приносить травму маме, так как она меня женила на ней. Пришлось и с этим смириться.

Мама там пробыла недолго, уехала в Тамбов, я работал зав. передвижных электронаплавочных мастерских службы пути. Все время в разъездах, хотя я сам часто бывал на Сивой Маске, билет бесплатный. Я приезжал ночевать, тем более на квартире был телефон, это всегда помогало руководить и связаться с домом.

1-го декабря 1949 года умер начальник Ц.Р.М.М. службы пути Незговоров Борис Алексеевич. Мастерские находились на ст. Сивая Маска, я их строил, когда еще был заключенным. Передвижные мастерские, которыми я руководил подчинялись ему, а мой поезд стоял на ст. Джинтуй, перегон между Косею и Печорой, там была штрафная колония, мы там работали по наплавке крестовин. Мне с околотка передали чтобы я в ночь на 2-е декабря с пассажирским поездом ехал в Сивую Маску, мастерские я передал Скворцову, написал от руки распоряжение, я это всегда делал, когда отлучался. Вперед я думал, что вызывают с отчетом, а когда приехал, зашел в дистанцию пути, т.к. мне передали чтобы я зашел в 4-ю дистанцию пути. Когда зашел мне передали, что Незговоров умер и мне принимать Ц.Р.М.М. – центральные ремонтные механические мастерские. А на 3-е декабря должны хоронить его, с Воркуты там был 3-й район уже приехали представители и духовой оркестр.

Но жене его приснился сон, якобы Незговоров ей говорит: «Ты хотела меня хоронить на родине, а собираешься хоронить на Севере». Она прибежала в дистанцию пути, вызвали в Печеру службу пути, что она хоронить повезет его на родину. Он жил возле мастерских в маленьком домике. Служба пути сообщала в Москву в ..., чтобы разрешили вагон, я пришел в ЦРММ и на меня все оставлено с ней хоронить или вернет с отправкой. Упокойник лежал до 16-го декабря, пока пришло разрешение на вагон, все время дежурили возле люди, день и ночь. 15-ть дней, а 16-го его отправили.

Вот мое начало работать начальником Ц.Р.М.М.

25 января 1973-го года 14 часов.

Я узнал, что у сына народился сын 24.1. 1973 года в 18.50 часов, назовут Алешей, поздравили меня с внуком. Это для меня долгожданная радость, я не думал, что дождусь внука. Теперь можно и помирать, потомство есть, а может и внучку дождусь, Бог знает как оно все будет.

30 января 1973-го года, 22 часа.

Зав. мастерскими назначили другого Скворцова, который подчинялся Ц.Р.М.М. В 1950-м году в августе месяце, дорогу сдали. Моя жена туда перешла с У.Ж.Д.Л., а оборудование и меня строительство не предает и меня переводят на ст. Инту 8-е строй отделение и не начальником, а заведующим с окладом 1500 руб., 100 руб. срезали. Жена перешла в МПС, старшим бухгалтером с переводом. Когда дорогу сдали, я стал просить отпуск, мне разрешили. Жене тоже был положен отпуск, и мы были в Тамбове. Мама с тетей купили домик на ул. Чичканова 93. Коля в 1949 году тоже женился, хотя он до этого говорил, что: «Я женюсь, чтобы было все правильно».

После отпуска приехали в Сивую Маску, стали делать демонтаж оборудования и 7-го января 1951-го года мы с женой прибыли в Инту, нас поселили Лесная 4, кв. 2, где прожили до 16 июня 1955го года.

Варю приняли в отделение старшим бухгалтером с окладом 1500 рублей и паек стоил 300 руб. Кроме заработка я январь и февраль месяц ничего не делал, а потом вызывает начальник работ Глухов Алексей Мартынович и говорит, что на реновацию рельс нам план не дали, т.к. будут рельсы новые поступать и предложил мне должность зав лесобиржей с окладом 1100 рублей, еще 400 рублей сняли, а ведь меня оставляли в МПС с прежним окладом и жена уже работала, все время я собой жертвую, но делать было нечего как соглашаться зав. лесобиржей. Работа для меня была незнакомая, но я быстро освоил все процессы, т.к. там кроме лесобиржи был строй. двор, пилили лес, готовили брус, тес, доску и дома, З.Д.С – завод домостроительный. Проработал я до июля месяца 1952-го года, в июле месяце заболела Варя, жена, и ее нужно было сопровождать до Тамбова, т.к. она оттуда одна не доедет, частые сердечные приступы. Я стал просить очередной отпуск, в котором я не был 2 года, мне отказали. Я подал на Р.К.К., там поставили, не позже 1-го августа дать отпуск мне, а начальник Г.Т.С. Гаврилов Л.Н. полез в пузырь и мою должность упразднили, а меня увольняют по сокращению штата, за то, что я сказал: «Могла бы меня подменить его жена». Числилась зав. складом, а склада не имела, лишь всего числилось 9-ть электромоторов сгоревших, которые хранились в чужом складе.

Но я получил расчет 3-го августа, выехал с женой в Тамбов, с месяц побыл и поехал обратно, чтобы не потерять стаж, а то пропадет % надбавка, а Варя через 3 месяца приехала, т.к. у нее тоже за 2 года был отпуск. По дороге я встречаю Глухова А.М., он уже был начальник работ 6-го отделения в Печере, я ему рассказал, что со мной сделали, он говорит: «Приезжай ко мне, я тебя устрою десятником или прорабом». Я так и сделал, приехал в Печеру, он меня оформил десятником на 2-й лаг. пункт, а прораба Головно отпустил в отпуск на 4 месяца. Я фактически выполнял функции прораба, колонна была смешанная, земляная и ..., т.е. строительная, строили подъездные пути к депо Печора и 3-х угольные магазины, водоемы, выторфовку (*Выторфовка грунта – работы, при проведении которых полностью удаляют верхний слой почвы*

до нужного уровня с целью замены на более подходящий под строительство) под новостроящиеся дома. Но когда пришел прораб из отпуска, я обратно вернулся в Инту, т.к. там была квартира и жена работала и меня оформили на прежнюю работу со стройматериалами, с окладом 900 рублей. 53-й год я проработал, а на 54-й год меня оформили кладовщиком, а работа та же, что выполнял зав. лесобиржей, а оклад 800 рублей. Встречаю начальника 19-й дистанции пути, которая находилась на ст. Кочемас, тов. Лысоченко, рассказал ему, он меня взял к себе механиком снегоуборочной машины с окладом 900 руб.

19/V-1954-го года я перешел в ПГ-19. Летом занимался ремонтом, зиму работал, на ней было 7 вагонов. А из КГБ Инты приносят мне документ, что судимость снята со всеми ограничениями, хотя я их не имел, но я уже мог в любом городе жить. К концу апреля меня посылают в командировку в Тулу, за новой головной частью. В 1953 году мы оба были в Кисловодске и заезжали в Тамбов, а поскольку судимость сняли. При том что Варе плохо было с сердцем на Севере, то мы решили в отпуск в 55-м году не ехать, а в 56-м выехать совсем. К нам ее сестра два раза приезжала. Жила больше года. Катя, Зина с Валею были с полмесяца и поскольку мы решили не брать отпуск, я когда поехал в Тулу заехал в Тамбов, повидался и отправил тещу в Инту, а Варе дал телеграмму, когда встречать ее. Сам поехал в Тулу, приехал, а там выходной день, не работают, я приехал в Москву к Коновалову. Вызвали мне сына Володю я с ним сутки побыл у Коноваловых, потом он меня проводил на Курский вокзал.

Машину я получил 29 апреля, а 30-го меня до Серпухова проводили слесаря, в Серпухове я отбил телеграмму Варе, поздравил с 1-м маем, вечером 30-го апреля 55 годы по окружной прибыл на ст. Лосиноостровская Сев. ж. д., а часов в 12 1-го мая прицепили в хвост составу идущему на Север и вечером я был уже в Вологде. Числа 5/V я прибыл на место ст. Инта Печорской ж. д., поехал с отчетом командировки в дистанцию, меня увидел отдел кадров и предлагает на лето переоформиться пом. механика на 700 р. Я отказался, тем более и жена стала то счетовод, то кассир

должность занимать, потому что строительство походило к концу и предприятиям было не выгодно держать старых работников, т.к. у них уже 100 % выслуга, а новых они возьму 2-3-х за одного старого, т.к. и ставки стали меньше, и мы решили выехать оттуда. 16 июля мы были уже в Тамбове, нам дали товарный вагон, мы все погрузили и сами в него. Вот наш отъезд был неожиданным, мы не могли накопить средств, собирали тысяч 12-13, верней расчет и компенсацию за отпуск. Но поскольку прощались с Севером, все же я к нему привык, много ягоды, черника, морошка, брусника, грибов, а больше всего куропатки, ели их от вольного, а весной многие пропадали. И вот сейчас 3-е февраля 1973 года, больше 18 лет, а я часто вспоминаю, а иногда хотел бы чтобы все вернулось бы, хотя были трудные моменты и морально очень действовало, но я почему-то верил, что когда-то просияет солнце и метели останутся позади, и я в этом не ошибся. В 1961-м году меня реабилитировали за неимением доказательств, Московский городской суд.

Но только утерянное здоровье никто не может вернуть, сейчас своих четыре зуба внизу, а наверху ни одного, но я все равно часто вспоминаю. Может потому что там прошла моя молодость и, хотя было иногда нелегко, но в молодости все перенесено и сейчас кажется хорошим. На Дальнем Востоке в Амурской области какие леса, сосны, лиственница, а также на 105-106-й стройке Мурманской области, сколько ягоды, рыбы и в Коми АССР. Места очень хорошие, ранней весной везде, где я был, ... кукушка, сразу вспоминалось детство, родной край и тут же невольно вспоминаешь, что происходит в действительности, но это скорее стараешься забыть.

Мне сейчас часто приходит такая мысль, все же почему я остался жив, ведь очень малый процент остался от 37-го года. Все же я пришел к такому выводу: 1. что я трудолюбив, имел силенку, справедлив, если что сказал, то во чтобы то не стало выполняю, что я не любил подхалимства и взяточничество, вот это и все что меня спасло и за это меня народ любил. Много было покушений с ножом со стороны жулья и каждый раз я их

опережал, но не наказывал, потому что привело бы к худшему. Этим я на них больше действовал и потом становился их уважаемый. Видимо счастье, кто родился в рубашке. У меня тогда и до самой пенсии воспитательная струнка была, я старался внушить хорошее и мне удавалось. И что главное, столько пробыл в заключении и с заключенными, я не мог испортиться, остался совсем здоровым, тогда как многие пробудут 1-2 года и себя считают настоящим вором, бандитом и т.д., или как мы их звали блатными.

На каких колониях я был за 18-19 лет в основном народ был здоровый, работающий и если попадали из жулья и к ним некоторые пристраивались, то почему-то у нас было принято сразу этим делом заниматься, т.е. воспитывать и нам это удавалось, нам это А.Т.П. (административный технический персонал), но возобновлялось часто, после каждого прибывающего пополнения и воспитательная работа сразу начиналась, но я когда этап идет дальше, то старался их не брать. Они сразу выделялись по одежде, по поведению и их каждый мог различить от рабочих тружеников.

Перед пенсией я работал начальником караула в пожарной части, мой караул был воспитательным, собирали с остальных 3-х караулов, которые подлежали к увольнению, передавали их мне, и я с коллективом добивался положительных результатов. Мы несколько товарищей восстановили к трудолюбию, а их уже считали пропащими. В Тамбов мы приехали с женой 16-го июля в 1955-м году, разгрузили все свои пожитки на улице Кирова 6. Там стояла на квартире ее мать с 2-мя дочерьми и внучкой Валей. И мы к ним влились, потом позже наша хозяйка этого двора Маняхина Екатерина Ильинична разрешила занять освободившийся верх, из 4-х комнат, правда они были проходные, долго мы их приводили в порядок. Прожили мы там до 11 августа 1971-го года, а потом переехали вниз, тоже 4 комнаты, а верх хозяева продали, плата за квартиру осталась прежняя – 20 рублей в месяц. Туалет, помойка, свет отдельно и топка своя, и все это время содержали внутри сами.

После приезда я стал искать работу. При управлении внутренних дел нужен было рамщик на пилу по распиловке леса, пила стояла в саду за Комсомольской площадью, я пошел туда, немного поработал, лес кончился, стали ждать, кто привезет из ..., я сразу уволился. Мама меня 9/IX-55 г. устроила на мясокомбинат плотником до ухода на пенсию мастера, а потом на его место мастером, там такой был Пучков. Но он на пенсию не пошел, плохо ему было там, он и сейчас жив здоров как бык. Тогда меня переводят на убой скота, там я проработал до 5/I.56г... , потом попал под сокращение, т.к. бой зимой меньше и оставили только кадровых, а новых везде уволили, я получал 260 руб. как ученик 3 месяца, а потом за месяц 550 р., правда меня послали в Архангельск на заготовку леса, но я отказался, взял расчет. Хотел в Тамбов строй в столярную мастерскую, сдал документы мастером, но мне рассоветовал Николай Александрович Сканви. Он работал там плановиком, а стоял на квартире у мамы, Чичканова 45, тогда была, он говорил, что зарплату не платят по 3 месяца. Работы, часто не бывает, то есть материала. Людей нужно проводить на чем-то на другом, и я отказался. Н.А. Сканви умер в 1964-м в августе месяце. Стал искать другую работу, тут Варя поступила Коммунальная 26 в Книготорг, не понравилось, перешла на Московскую в мясную промышленность счетовод-кассир на 450 руб. Осложнилось положение, на Чичканова (*улица в Тамбове*) остались Маша и тетя. Николай Александрович уехал в Москву, его реабилитировали. Но комнату -спальню он держал, т.к. она была заставлена стеллажами с книгами. Катя лежала в ... Рассказове, Коля устроился в Сочи, а старушкам нужна повседневная помощь, правда у них стояли свои Саша Ледов и Аллочка Богданова, но за ними тоже был уход, они помогали. Поэтому пришлось устроиться в пожарную часть №1 пожарным, сутки через 2 дежурил, а в свободное время помогал матери, себе и тещи. Вся тяжелая работа была на мне, а в особенности уголь, дрова и т.д. Платили мне 310 рублей, это только на квартиру с топкой, тогда я стал еще искать работу повременно в частном секторе и организациях. Работы в то время было хоть отбавляй. Печные, каменные, штукатурные,

плотничные, земляные, вот я и стал в свободное время работать в летние месяцы, а зимой только на основной. Потом Варя перешла на хим. завод, стала получать, 900 р. С пожарной работой я сразу справился, хотя подготовки к этой работе я не имел, и я никогда не думал, что буду пожарным. Но время показало и даже заставило поступить на эту работу. Катя лежала в санатории Круга рассказовского района. Коля отдыхал в Сочи и там устроился обучать детей. Мама и тетя остались одни, они нуждались в повседневной помощи, вот это мне и заставило пойти в пожарную часть, чтобы иметь свободное время для помощи старушкам.

Когда я поступил в пожарную часть, мне долго удивлялся парторг части Алпотской. Неужели ты будешь работать в пожарной части, видимо мой внешний вид его смущал, т.к. там большинство работали те, которые больше ничего не могли делать, но потом я ему объяснил, что мне нужно время чтобы помочь старушкам. Не прошло много времени после поступления в пожарную часть, мама заболела основательно, температура 40-к, 11 дней лежала дома, ничего почти не ела. Я пытался чтобы положить в больницу, но лечащий врач, Валентина Рудольфовна Эльтман почему-то этого не хотела, тогда я прихожу в поликлинику №1 к заведующей Шароновой, объяснил ей в чем дело и какая температура, она сажает меня в свою машину и мы приехали на квартиру мамы, она смерила температуру, было 40-к градусов. Тогда она дает направление на Октябрьскую 11 и присылает машину. Мы с тетей ее собрали, на носилках вынесли и я с Нюрой Фроловой повезли ее в больницу, занесли в приемный покой носилки, поставили на пол, что это время было февраль месяц и стояли большие морозы, но сестры не обращали на это внимания, стали ее переодевать на полу у дверей, а народ ходит непрерывно и дверь почти не закрывается, тогда я с Нюрой стали требовать прекратить раздевать, т.к. у нее высокая температура, а дверь не закрывается, тогда они занесли в палату, там переодели. Мама не долго была в больнице. В 1957 году тетя поехала в Ново-Русаново на родину, проводывала знакомых соседей, привезла икону большую. Она

сейчас на Чичканова. Мама обратно легла в больницу. У них был поросенок, ходила за ним тетя, ему чистила картошку, а так он не ел и тете было тяжело за ним ходить. Я решил его зарезать, отвез на мясо-комбинат, мне по старому знакомству быстро сделали и на дому его продал, а часть оставили себе. Но после тетя стала плохо чувствовать, вроде тосковала о поросенке, потом жаловалась на боли в колене, а позже совсем слегла, не могла ходить. Она часто говорил, если бы нога не болела, то я бы встала и пошла, но это не случилось, и тетя больше не поднялась. Умерла она 3-го ноября 1958-го года в 18 часов, похоронили ее возле племянника Вити, который умер в 1954-м году в июне месяце. После смерти Вити, тетя Мариша часто ходила к нему на могилу и когда она умирала, знала, что ляжет вместе с ним. У тети своих детей живых не было никого, а Витя был сиротой с детства и рос у двух тетей, мамы и тети. Причем в годы войны она также были вместе и после войны тетю он звал тетей, а маму – маманей.

После похорон тети мама совсем затосковала, все чаще стала навещать больницу, все больше стало недомогания и усталости, хотя она старалась это не показывать, чтобы не отражалось на Кате, которая почти была прикована к постели и каждое огорчение на нее действовало. В 1959 году мама все хуже чувствовала, в декабре месяце лежала в больнице, врачи консультировались что и как. У мамы был опухший живот и вот решали врачи, качественная или нет опухоль. Но на новый год 1960-й мама сбежала из больницы, вроде операцию делать она не хочет, а больше там делать нечего, притом в больнице разморозили трубы отопления и было очень холодно, поэтому, кто хотел идти домой они не задерживали, а позже мама в больницу не пошла. Живот рос быстро и позже когда стало ясно, что не рак, а киста, то операцию врачи делать не согласились в виду слабости. Лето 60-го года мама почти лежала в постели, но все время вязала платки, может она этим отвлекалась от самого страшного, которое могло не сегодня, завтра быть. Но она все время говорила: «Я себе на похороны зарабатываю, чтобы меня никто не упрекнул в это, что прожила век и на похороны не заработала». Это ее слова, может

она действительно так думала, а может этим старалась забыть. К ноябрю месяцу она стала очень грузная и сама не могла повернуться, мы ее стали поворачивать, т.е. помогать ей. И вот 14-го ноября 1960 года я с Колей стали переваливать на одеяло, чтобы постель переслать и ее стало рвать чем-то черным и рвало ее до самой смерти, может мы что не аккуратно повернули, может подошло время, рвало не очень часто и хотелось ей все время пить. Но мы ее в воде все ограничивали.

Когда я переехал в Тамбов, маме хотелось меня определить работать в лесное хозяйство (в зеленхоз), выращивать цветы и посадки плодовых деревьев, потом хотела чтобы я занялся сапожным делом, но это потому, чтобы мне было легче, чем работать на тяжелых работах. А работать все равно где-то было нужно, на 310 рублей не проживешь и частная квартира, которая 20 руб., солярка – 2 руб., свет 3-3.50 руб. и топка для 2-х печей и содержание тоже делали сами, побелка, покраска и т.д.

Маму многие приходили провеживать и всем она отвечала одним спокойным тоном: «Слава Богу я пожила, теперь мне нужно спешить туда. Там теперь меня заждались, там мои родители, муж, девять детей и много родных и знакомых». И когда из посетителей говорили: «А на кого этих детей оставляешь?» Она также спокойно отвечала: «На Господа Бога и на добрых людей». Конечно, она переживала за дочь Катю, хотя старалась не подавать виду, чтобы на Катю не действовало, она ведь тоже лежала в постели.

Мама часто со мной говорила тихо, чтобы Катя не слышала, много она говорила о прожитой тяжелой своей жизни, ей хотелось все мне рассказать, всегда она сводила к тому, что: «Вы с Колей определены, у вас своя семья. Как будет плохо Кате одной». Маме пообещал, пока мое сердце будет биться в груди я ее не брошу и ей от этого как будто сразу легче и веселей, но потом она несколько раз повторяла этот разговор и всегда была довольна, что я ей также отвечал. Когда она ходила, но плохо себя чувствовала, я с ней ходил к Нотариусу. Она унаследовала дом, сходили в сберкассу, перевела деньги 800 рублей на меня. Это она берегла

себе на похороны и поминки, белье смертное себе все приготовила. Сама потом она говорила, где ее хоронить, в одну могилу с сестрой, тетей Марусей и рядом будут с Витей лежать. Иногда говорила как нам жить! «Живите – говорит – мирно, не ругайтесь, не сердчайте, вас осталось только трое».

Когда перешел работать начальником караула 1-й пожарной части гор. Тамбова ул. Интернациональная 45, то она очень была этим рада, говорит: «Встречу детей и отца, скажу, что мои дети неглупые, работают начальниками и их величают по имени и отчеству». Она сказала, что нужно мне сделать при ее смерти, зажечь свечку, поставить стакан с водой и положить в руки иконку.

Когда маму стало врать с 14/XI-60 года у нее всегда кто-то сидел, хотя она посуду сама до смерти держала, но нужно было вылить и подать воды пополоскать рот. Погода стояла не холодная, но сильный гололед, так что часть приходилось поздно ночью идти пешком домой, транспорт не ходил. Я 19/XI-60 работал и сменится должен был в 8 часов утра 20 ноября, но маме было плохо и видимо она чувствовала, что подходит конец, а приказывала мне что делать, присмотреть то. Она через каждые 10 минут спрашивала у Коли и Кати скоро ли я приду и что же он долго, ей видимо 10 минут казались вечностью. Мне Коля позвонил утром, что маме стало хуже, видимо умрет сегодня, приходи скорей. Когда я это услышал, во мне все оторвалось, и я не могу двигаться, но через несколько минут опомнился и бегом побежал, не стал дожидаться транспорта, т.к. он ходил пешком из-за гололеда.

Когда я прибег на Чичканова, все мне были рады, но мама не улыбнулась, раньше она всегда улыбалась и всячески хотела не подавать вида, что она болеет. На этот раз ее внешний вид подсказывал о том, что живет считанные часы, минуты, секунды. Ночью дважды вызывали скорую помощь, вводили двойную порцию новокаина, но ничего уже не помогало, глаза были мутные и малоподвижные, все просила перевернуть. Я с Колей ее несколько раз переворачивал, но это тоже не помогало. Когда она меня увидела, что пришел, она мне сразу сказала: «Готовь». Но я сразу не догадался, я думал готовить что-нибудь покушать мне,

раньше она все заставляла кушать. На этот раз она сказала готовить к ее смерти, что она приказывала, но только догадался, когда она второй раз сказала: «Чего же не готовите?» Приготовили воды стакан, икону и зажгли свечку, перед смертью она обратно уже плохо сказала, но разборчиво: «Живите дружной».

1960 года 20-го ноября в 14.30 часов последний ее вздох и мамы нашей не стало. Из родных были т. Зина, т. Тая, Петр приехал 21-го. Маму похоронили, помянули. Похоронить ее пришлось на 2-й день, 21-го ноября, в день престола, Михайлов день, т.к. она была очень грузна и боялись, чтобы что не произошло, и тетя Мариша умерла 3-го ноября, а хоронили 4-го ноября на Казанского тоже ее престол. Маму похоронили рядом с тетей, она знала живо что рядом лягут. Вот скоро 3 месяца будет на 13-й год как мы живем без мамы. Траурные дни мы собирались в том же доме у Кати вспоминали, там папино фото с Борисом висит, вспоминаем остальных братьев, сестер, которые раньше ушли от нас. Под 20-е вечером служили всенощную в церкви, правда не всегда все бываем, часто ходили на могилы, убирали ее, к нам ходить будет некому в городе, кладбище закрываются, а в поле никто не пойдет и соловью негде там пропеть, голое поле. Ну видимо придется походить самому на кладбище авансом, тогда может и на наше кто придет, не без добрых людей, как мама говорила. Она всех привечала, кто бы дверь не открыл: «Ах, пожалуйста, пожалуйста проходите, садитесь». А она некоторых совсем не знает, я ей говорил: «Мама, вы его не знаете, а приглашаете. Может вас обобрать или убить». Она говорит: «Господь не допустит». В общем она верила, что добро будет добром оплачено.

После похорон сразу нужно было решить, как жить Кате. Кто говорил продать, а Кате купить. Но пришли к такому выводу, ничего не делать, а чтобы веселей было пустить квартирантов. Так было сделано, по сей день придут, уйдут, поживет одна, потом обратно кого-нибудь возьмут.

Перед смертью мама ждала внука Володю, но он на похороны прибыть не мог, но был вскоре после похорон, имеется фото. Мама любила его и когда он приезжал в Тамбов, всегда жил у нее,

я никогда не протестовал и после смерти мамы он часто жил там, и Катя любит его, видимо он заслуживает этого. Притом его детство не лучше нашего было, а могло бы гораздо лучше быть, ну что теперь, когда это все прошло безвозвратно. Где было невозможно, а где просто по неграмотности.

В 1961 году я попал в больницу с аппендицитом, я часто вспоминал, если бы мама была жива, она бы не выходила от меня, хотя опасность мне не грозила. Но теперь ничего не поделаешь, все мы там будем в разное время. Вот, что я мог вспомнить по 1961-й год

Меня начальником караула назначили 17 сентября 1959-го года, пожарное депо я плохо знал, а многое совсем не знал и учить мне было некогда, а когда из больницы вышел, то пришлось как следует заняться. Мне хорошо помог Головлев Григорий Апполонович, он был зам. начальником части, причем я не стеснялся спрашивать у любого начальника, лучше спросить, чем нет и не знать.

11.II-1973 год.

18/II-73 г.

Продолжение моих воспоминаний.

Начало было в 1-й тетради 91 лист, там, когда я пожарную часть поступал я рассчитывал там не долго работать, но получилось, наоборот. Назначили меня начальником караула из рядового состава. В первое время было нелегко, т.к. по положению, эти люди должны иметь специальную подготовку, а я этого не имел, поэтому я сразу принялся осваивать как можно быстрее пожарное дело. Мне некоторые товарищи в этом помогли, а в основном я перед собой поставил задачу как можно быстрее изучить. С этим я неплохо справился. В 1961-м году мой караул был на 2-м месте из 4-х. После выхода из больницы, весной 1961 года я немного окреп и пошел работать по совместительству печником в свободное время. Но попал в бригаду пьяниц, пришлось просить начальника ДПО чтобы перевел в бригаду тружеников, он мне в этом не отказал, перевел в бригаду Железного Николая, там и его отец работал в этой бригаде. Я проработал года 3, потом стал работать один в 1961-м году в мае месяце мне прислал Мосгорсуд справку, что я реабилитирован, что отбыл с 1937 года 26/XI по 1947 год 3/XI ноября. Правда было обидно, что такие молодые годы прошли не заняв табаку, но что поделаешь, видно такая судьба моя. Я написал на работу, где до ареста работал, мне за 2 месяца выслали 156 рублей, вот что я заработал за 10 лет. Хотя невинно отбывал. Сразу было невозможно доказать, но, а теперь, это все позади, и я сейчас часто вспоминаю те годы, трудные, грустные годы, молодость, ожидания и надежды. Проведенные

молодые годы на Крайнем Севере 18 лет, самые цветущие годы, которые ушли безвозвратно, о которых только можно теперь помечтать, а старость уже на пороге, стучится в дверь, и норовит вступить в свои права. Для старости нет никакого дела жил ли человек или мучился, пришло время уступай и никаких делов. Видно, уж такой закон.

В 1961 году к осени я отдыхал в Тамбовском доме отдыха. После смерти мамы какой-то момент был, что не знал куда себя дел бы, отдыхал в лесу, а себя чувствовал очень плохо. После смерти мамы поминали так как должно быть 9-20-40 дней, полгода и год, и последующие годы по 1972 года 20 ноября каждый год отмечали, когда с родными, если они изъявят желание, а когда одни, т.е. втроем.

У жены Вари 4 сестры, 2 жили с матерью ее и дочь одной сестры. Жили они Кирова 61, т.е. в том дворе, где и мы стояли на квартире. Мы наверху, а они внизу. Жили можно сказать 4 человека на одну зарплату, которую получала Зина в ателье, а Катя получала пенсию 16 рублей, потом 23 рубля. Поэтому каждый праздник справляли вместе у нас, хотя теща была мной недовольна. Она хвалила зятя старшей дочери, а на меня: «Этот кучер – говорит». Мне это передавали. Но я способен так, что на это не обращал внимания. Силенку я имел, а какую работу выполнять для меня все равно, лишь бы не крал. Потом, через некоторое время, теща приходит ко мне и говорит: «Давай лечить зятя, Ивана Яковлевича, он запил». Но я не мог сдержаться: «Как же я буду его лечить, он же ваш лучший зять, а худший его будет воспитывать?» Да, он был хороший, а вот запил и пьет он до сих пор. Никто ему не помог чтобы он это бросил.

Теща любила выпить, но последнее время девчата были против, чтобы она выпила, так что я был между 2-х огней. В начале 1962-го года она уже была плоха, как выпьет, так плачет: «Как вы похоронили свою мать хорошо, поминали, а я – говорит – помру, кто меня будет хоронить и поминать?» Я ей говорю: «Мама – я ее звал мамой – похороним и тебя также.» И обещание мы выполнили, похороны и поминки положенные и годовые по сей

день отмечаем за счет нас, т.к. больше из дочерей, племянников и внуков помощи не было, а если и была, то незначительная. 1962-го года 27-го июля теща приказала нам долго жить. На мою долю с 3/XI 58-го года по 27/VII – 62-го года пришлось похоронить 3-х человек близких, за каждого 3 года с небольшим и всех похоронили с почестями как они желали.

Косени мы поехали с Варей в Волгоград к двоюродному 2-му брату – Иван Федоровичу, чтобы немного развеяться. Дорога была не из легких, пришлось в Мичуринске брать мягкий вагон, а таких не было, также и оттуда. Нас Ваня встретил на 1-м Волгограде, потом поехали на электричке 40 километров, они жили в своем домике, был небольшой огород, имели виноград. Сейчас они живут в благоустроенной квартире. Нас встретили очень хорошо, родственно. Арбузов ели от вольного, спирт к столу был всегда. Потом я написал письмо Маруси, его сестре в город Волжский. Она приехала на машине с сыном Валерием. Машина своя у них. Побыли они день мы сфотографировались, а вечером они уехали. Потом мы к ним поехали, с нами Ваня поехал. Ночевали ночь мы там, дядя Сеня уже болен, но за столом сидел с нами. После долгого перерыва я его увидел и в последний раз, весной он в 1963-м году умер. Через год Маруся вышла замуж, сын уехал в Г.Д.Р. Последующие годы мы стали ездить в Москву, почти каждый год. В 1962-м году с 7-го ноября Кате дали путевку в Кисловодск, она не хотела ехать, но я настоял, чтобы она поехала. Она согласилась, я дал телеграмму сыну, чтобы он ее встретил в Москве и проводил, так было и сделано. Но после, когда она вернулась в Москву, поехала в Лыткарино к т. Любе и там заболела, пришлось за ней ехать нам. А мы когда бывали в Москве иногда жили у Володиной тети Дуси, иногда жили у т. Любы в Лыткарино.

23/II-73 г.

И так год за годом шли не догнать. В 1967 году вышло постановление Совета Министров о том, кто пробыл на Крайнем Севере 15 лет, может идти на пенсию с 55-ти лет. Я справился в Собесе могу ли я пойти по этим льготам, так я 10 лет сидел и 8 лет

после работал по вольнонаемному, мне ответили, что могу пойти при исполнении 55 лет. А 55 лет мне исполнилось 5-го января 1970 года. В общем я к этому стал готовиться в октябре месяце 1969 г., послал письмо, где освобождался, чтобы прислали мне справку, что я действительно отбывал на Крайнем Севере, а сам взял путевку в санаторий им. Цурюпы за Лисками, Воронежской области. С 7/XI-1969 г. в санатории мне не повезло, я заболел там. 20-го ноября я вернулся в Тамбов, меня хотели положить в Лисках, ныне Георгиу-Деж, но я чувствовал, что болезнь затянется и попросил, чтобы меня отправили в Тамбов. Надавали мне порошков, посадили на Ростовский поезд, и я в 12 дня был в Тамбове, мое появление в Тамбове родных поразило, в 14 часов я пришел на Чичканова, там у сестры сидел брат Коля. Я им рассказал, что произошло со мной. Он побег принес поллитра, я с ним выпил, помирили 9 лет смерти мамы, вечером дома, ноги попарил с горчицей, сразу уснул, а потом проснулся. Кашель был без остановки, утром я поехал в областную, туда было дано направление в туб-диспансере проверили и сказали, что нашего нет ничего, я обратился во вторую поликлинику, но меня не приняли, т.к. направления было выдано в областную, туда говорят и идите, тогда я обратно пришел в областную, в приемный покой. Они не хотели меня принимать, но я им объяснил, своя поликлиника меня не приняла и послала в областную, тогда сместили температуру, была невысокая 37,5, договорились в 3-ю меня положить поликлинику. Я ночь ночевал дома, а 22 ноября положили меня в больницу, была суббота. Врач была дежурная, старушка, поместила в терапевтическое отделение. Субботу и воскресенье приема врача не было, но меня очень бил кашель, я выбился из сил, ни что не помогало, ни банки, ни горчичники не порошки. Я не находил себе места, потом в рот заложил платок и через него дышал, вроде стало легче и я уснул. Просыпаюсь, во рту платок, вынул его, кашель бил по прежнему, пошел в туалет и увидел с левой стороны от шеи до плеча опухоль, как раньше набивали лошадям большим или малым хомутом. Когда в понедельник был обход, врачи зав. отделом Вороновым то он врачу сказал, которая меня принимала: «Почему меня приняли,

а не отправили в онкологическое отделение?» Она говорит: «У него такой опухоли не было». Я ему рассказал, что я закладывал платок в рот и может через него сюда пробило. Потом эта опухоль стала меньше и совсем пропала, а под душкой, т.к. ключицей он обнаружил шишку, делали снимки, тоже подтверждалось. Меня положили в отделение, где лежали с пневмонией, но на меня как-то мало обращали внимания и часто при обходе не смотрели. Меня все больше волновало, а однажды врач Мамаева сказала: «У вас болезнь совсем другая». Но не сказала какая, у меня все больше было оснований на то, что у меня рак. Вдруг приехал сын, т.к. он был в командировке в Новосибирске и вдруг появился в Тамбове, это меня еще уверило в том, что со мной неблагополучно, посещения жены, сестры частое, с производства, меня все больше волновало. Но, а что я мог сделать чтобы это облегчить, ничего ровным счетом, решил через силу есть. Ночами часто плакал, потом мне стало известно, что у меня рак, хотя не официально. Но признаки были к этому и в палате больные стали поговаривать, но мне было все равно. Только жалко было жену и сестру, которым без меня было бы плохо, было даже тогда видно, что они от меня не выходили, но мне они вида не подавали. Но все равно я догадывался, что дело пиковая.

Одно время меня хотели везти в областную онкологию, но был сильный мороз, а белье мое было дома, а в халатах было холодно и так не повезли. Одно время пытались бронхоскопию снять, бились полдня, так не смогли ничего сделать, а измучили только. Собирали в больнице консилиум, решили оперировать, повела сестра в хирургическое отделение, положили на стол, прикрепили руки, ноги, а когда врач посмотрел: «Чего оперировать?» и отказался. С этой шишкой будет жить до 100 лет, и меня отвязывают и приводят обратно в палату. Воронкову это не понравилось, он вызвал зав. хирургического отделения Иван Степановича и стали смотреть, он ему и говорит, что здесь операцию делать нельзя, сделаешь разрез, а оно уйдет под ключицу. Тогда Воронков решил делать пункцию сам. Когда пункцию сделал, поехали на анализы, а анализы показали – гнойная киста. Потом еще взяли

полшприца и на этом все кончилось. 30-го декабря 1969 года меня жена забрала домой. Я несмотря на волнение такое, а все равно поправился, весил 93 килограмма и как после выяснилось мои волнения были оправданы. Врач родным сказал, что я проживу не больше 3-4 месяцев, вот поэтому мне было все это подзрительно, приезд сына, частые посещения жены, сестры и Коля часто заходил. Но я пока жив на 4-е марта 1973 года, хотя здоровья совсем хуже, хотя я и дежурю в гараже, но часто болит голова, горечь часто появляется и т.д.

В 1969 году 19-го сентября женился сын, на свадьбу я не мог поехать, т.к. Володя сказал: «Если ты будешь, то мать может не быть.» Но в общем мы решили мне не ехать, а ездил брат Коля. Но хорошо, что не был могло бы быть хуже, мать там «давала гастроли», которые не удобно описывать. И когда я был в санатории он меня приглашал чтобы я приехал посмотрел сноху, но мне этого не удалось осуществить, я попал в больницу. На 40 дней за это время много было пережито, передумано, не один раз был на том свете мысленно во сне, но Бог ото всего избавил, может ради тех, которым без меня было бы плохо. 9-го января меня с больницы выписывают, я беру отпуск, который недоиспользовал, был из-за болезни и надеялся пойти на пенсию, но Собес все собирал данные.

Беру отпуск за 1970 год, вроде документы собрали, хотя на месяц позже, 5/II-70 г. вроде бы все. 7/II-70 г. пошел в часть сдать документацию и спецовку, вдруг звонок телефонный из Собеса, вызывают меня и говорят, чтобы я пока работал. Что-то там не ладное было, меня совсем опечалило, еще с болезнью не совсем был утрясено и на пенсию не уйдешь, а тут как на грех пожар, за пожаром ... всегда мокрый до ушей и в дыму, работаю февраль, март, апрель, май и только 12-го июня 1970 года я пошел на пенсию по льготам, по Крайнему Северу. 15 лет по возрасту, 55-ти лет пенсию назначили 50 р. 82 коп. Но через 9-ть месяцев мне пришлось сделать перерасчет за амнистирование, сумма была прибавлена вместо 70 руб., 81 руб. и пенсию посчитали 57, 20 р. и так я трудовую вахту закончил 12/V- 70 г. Жена пошла на

пенсию с 1-го декабря 1969, когда я лежал в больнице, пенсия у нее 109,84. С год я не работал, в 1971-м в мае и июне я работал в пожарной части командиром отделения, меня ставили начальником, но я не согласился, за это время караул был неузнаваемый и из-за двух месяцев не было смысла все перестраивать. В 1970 году с 1 по 5-е декабря я был в Москве, сын показывал меня профессорам, делали снимки, вроде ничего подозрительного не нашли и обещали в 1971 году, летом положить в больницу Ц.Б.К им. Семашко М.П.С. Но это не осуществилось, хотя мы с женой были с 3-го июля по 28-е. Но ложиться не было необходимости. Мы жили в Москве, Мытищи 9 Московской области, ул. Первомайская 23, кв.6 у Хольногого Николая Алексеевича, тесть сына. Сын жил у них, мы приехали 4-го июля, а 6-го июля Хольновы уехали на корабле в Казань, мы остались: сын с женой Надей, и мы двое, потом Надя 9-го июля улетела в командировку, остались мы втроем, до самого отъезда, т.е. 28-го июля 1971 года.

Хочу описать как нас приняли и встретили. Поезд прибывает в Москву в 6 часов на Павелецкий вокзал, нас приехали встречать Володя с женой Надей, которую мы впервые увидели, встретили с букетами цветов. Приезжаем домой, стол был уже накрыт, хорошие вина, пришли Хохловы с 5-го этажа этого подъезда, а они на 2-м подъезде, это дочь их старшая, Коля муж и ее Дима, сын их лет 3-х. Познакомились, сели за стол, поговорили, потом нам отвели комнату, уложили спать, т.к. ночь не спали, хотя ехали в купированном вагоне. Пока мы поспали, Володя с Надей съездили в лес, набрали грибов, а вечером их пожарили, потом нас всех Мая пригласила к себе наверх пить чай из самовара, который вскипятили на улице дровами. Перед чаем подала леща копченого, изумительная вещь, а Коля ее муж, дежурил в ночь, он работал машинистом на маневровом паровозе в Лосинке. 6-го июля Хольновы поехали пароходом в Казань, мы остались вчетвером, Володя с Надей и мы двое. 10-го июля были во дворце Советов, смотрели «Хаванщину», посмотрели помещения Съездов, какая прелесть, долго ходили по территории Кремля, вернулись домой очень поздно, а утром встаем, Нади уже не было она улетела в командировку. Но

я из окна ее провожал. Когда они собирались, я не спал, а когда дверь захлопнулась я встал и стал смотреть в окно, т.к. стежки, где они должны идти из окон видно и когда я подошел к окну увидел, она с Володей шла под ручку, я так рад был за них, что они дружно живут, чего мне этого не улыбнулось, ни в молодости ни сейчас. Потом мы остались втроем жить, часто бывали в Москве, на ВДНХ, в Останкино, в музее Пушкина, потом Володя взял командировку в Ленинград, и мы с ним поехали. Пробыли там 5-ть дней. Прекрасный город на Неве, не пройдешь мимо дома чтобы не остановился и не посмотрел, как все красиво, были в Петергофе, на обоих кладбищах, в Зимнем дворце, Исаакиевском соборе, на «Авроре», в Смольном. Как все хорошо, красиво, конечно, 5-ти дней для этого города очень мало, но мы основное хотя бегло, но познакомились.

У нас в Тамбове в 1971-м году была засуха, а в Москве этого не осуществлялось, трава была там в колесо. 28/VI-71 мы приехали в Тамбов, это единственный момент, что мне пришлось вместе пожить с сыном. На его средства даже на дорогу дал нам денег. Приезжаем домой, а у нас гости, Зина и Совченковы, втроем заехали из Ростова, там они отдыхали, а к нам заехали чтобы вместе с Зиной поехать в Кострому, т.к. Зина приехала до нашего отъезда в Москву. Проводили их 5-го августа, а 24/IX-71 я устроился на работу в охрану в не ведомственную милицию Ленинского района, гор. Тамбова. Объект Интернациональная 29, гараж обл. профсоюза. Пошел я работать не из-за денег, а из-за работы, чтобы чем-то увлечься, т.к. дома ничего не делать гораздо хуже, чем работать, тем более моя работа не физическая, но все равно чем-то озабочен, к чему-то стремишься, вроде ты не совсем ушел от товарищей, какую-то пользу даешь и тем самым на душе становиться лучше. Может это так мне кажется, а на самом деле может совсем не так, но я пока так считаю, хотя иногда плохо себя чувствую, а потом разомнешься, с тем поговоришь, с тем посмеешься и вроде все проходит. Но здоровье все с каждым днем ухудшается, хотя работать все еще не бросаю, все думаю перемолю. Но это только видимо надежда одна, лучшего не видно. 19-го февраля 1973 года проверялся, врач говорит все у тебя на пятерки, Рой 5 лейкоциты

5000 ... 75. Но я по себе чувствую, что дело не важное. Сильная отдышка, голова болит в лобовой части и под затылком, сжатие грудной клетки и боли во всем позвоночнике. Особенно болят суставы всего организма, онемение конечностей, рук, ног, прилив к голове, стал шалить желудок и печень. Но давление 120x80. Но поживем увидим, как говорит Гагарин Юрий, усталость такая, что мне трудно стало съездить на Чичканова. Даже ничего там не делаешь, а приедешь как сутки ворочал какие-то грузы. Прошли праздники 23-е февраля, 8-е марта, международный женский день, а мне ничего не интересует и выпить не было настроения это говорить, за то, что здоровье очень сдало. Ощущаются боли в желудке, часты боли в области печени и часто ощущаю горечь и желчь, сердечные колики и в области поджелудочной железы частенько дает знать о себе. Но и прямая кишка не дает покоя, обращался в хирургическое отделение, вроде остатки геморроя, но вряд ли это так, в общем весь больной, вот поэтому не охота обращаться к врачу, т.к. болезнь не одна, а весь организм поражен. Иной день вроде ничего, а иной день то смотри рассыплешься и не соберешься, в общем Север и переживания дали о себе знать. Раньше об этом и помина не было, чтобы где-то болело, кололо, а сейчас что ни день, то все новое открывается. Видно дело подходит к концу. Жалко, что так жизнь прошла, но теперь исправить невозможно!

До ареста у меня часто болело сердце, мне Тамара на Дальний Восток в Амурскую область в Джелтулакский район присылала в посылке сердечные капли. Я до ареста проверялся в поликлинике, мне врач сказал, снаружи посмотреть великан, а внутри гнилое, видимо лес мое сердце вылечил, до войны 1941-го года я все время был в лесных местах, Амурская область, Мурманская область, они почти одинаковы по природным условиям. Огромные леса, вековые лиственницы, много ягод, рыбы, время весны и осени одинаковые, только в Амурской области морозы до 60 и нет снега, а в Мурманской области морозы до 35-40, но очень много снега. В обеих областях много птицы, зверя, оленей, из летных птиц веселила кукушка. Как услышишь ее, так встает перед тобой детство, родимый родной край, и тут же пред тобой

что есть в действительности: враг народа, 10 лет, а что ждет впереди после этой статьи.

Первое время я ждал чего-то, сам не знал, может ошибочно, может разберутся, может с кем-то спутали и т.д., а срок шел день за днем, год за годом, одна треть, отбыл половина, одна треть осталось и вдруг освобождение подошло, и я почему-то не спешил. Вместо 1-го ноября поехал 3/XI 1947 года, до 10 лет не дотянул 23 дня. Я в тех условиях привык, тем более меня мучила статья, куда я с ней поеду и где поступлю, но, когда я приехал в Воркуту там была телеграмма от начальника дороги, чтобы меня оставили при 3-м районе Ц.Ж.Д. Мы с товарищем договорились поехать на 501 стройку, мне АХА дали направления в ГТС, но меня оставили, отдел кадров Богатырев не стал разговаривать, а оформил меня зав. мастерскими электронаплавочного поезда Службы пути, которые были на ст. Сивая Маска, где я жил в заключении. Эти мастерские были мной построены, я их строил для дистанции, а их отобрали для Ц.Р.М.М. службы пути. Меня еще больше это заставило остаться, т.к. для меня уже место обжитое, я жил лет 5-ть там, а на новое место, там начинай все сначала, вот сейчас, когда прошло больше 2-х десятков лет, вспоминаешь прошлое, в то время оно для меня было страшным темным, а сейчас каким-то дорогим, родным и я часто вспоминаю те годы! Конечно, не срок, ни статью, ни климат, а верней молодые годы и крепкое здоровье и тут же становится жаль, что молодость прошла в таких условиях. В то время я об этом редко вспоминал, потому что был занят производством до часа ночи, мне об этом некогда было думать, а вспоминалось все это грязное тогда, когда заберет охрана чужая, делают прочес и заберут пока до выяснения, когда колонна не работает в дни инвентаризации, вот тогда все это пред глазами, в рабочее время об этом некогда было мечтать, потому столько было работы, что хоть отбавляй, но я этого не боялся, мне как-то было лучше, что я занят. Работа мне нравилась, и я ее хорошо знал, а поэтому и работать хотелось. Может, благодаря этому и остался жив, да много однокашников не вернулись в первые годы на Дальнем Востоке. Коренным хорошо, но некоторые не хотели работать,

боялись, что помрут, но получилось все наоборот. Они отошдали, а когда посылки получают и сразу на тот свет отправляются, на тощий желудок сало или масло съедят, понос или заворот кишок и готово, а с работы ни один человек не помер. Многие хлеб меняли на сахар, вроде это лучше, тоже отправлялись туда, может им суждено так. Я сразу принялся за работу и хлеб не менял на сахар или на махорку и никогда не у кого не просил покурить, докурить, как в заключении, так и на воле, для меня это было невозможным сделать так уж у себя правила и почему-то я всегда призывал кто это делал, особенно в годы войны. Люди этим спекулировали, но мне мама упокойница почти каждый месяц присылала в основном махорки, когда имелись перерывы, то я не тосковал об этом, курить и докуривать не брал. Да, мать заслуживает чтобы память о ней, сама жила, не имея дома своего, она во время войны эвакуировалась из Москвы в гор. Бабушкин. Работала уборщицей и стирала, после эвакуации ходила по чужим людям, а все равно махорку мне слала, то в бидоне, то в бауле. Не то что жена, жену приласкал другой и все порвано, хотя и было возможным прислать, а мать ходила просила милостыню и знала, что надо помочь сыну, может даже это мне помогло остаться живым, на махорку было все можно достать.

В 1972-м году в Тамбове была засуха, сильнее чем в 1971-м году, особенно картошка, капуста не родилась. Я с женой решил поехать в Кострому 6-го октября, выехали, а 30-го октября приехали. 7-го октября нас встретил Володя, мы взяли билет на Кострому, съездили в ГУМ, ЦУМ, приехали на квартиру часов в 11.30, там были уже сваты, Надины родители, стол был накрыт, покушали, пошли по Калининграду кое-что купить в Кострому. Поужинали. Нас Володя с Надей проводили на Строитель, чтобы доехать до Москвы, а в 22.40 мы отправились из Москвы в Кострому, в 5 часов 8/X-72 г. были в Костроме. Нас встретил Женя на машине, муж племянницы Вари, приехали на квартиру, Никитская 47 кв. 12, там все спали, жена его, дочь и Варина сестра Зина. Женина теща приняла нас хорошо, пробыли мы там до ночи 21/X, а 22-го приехали к Володе и пробыли до 29/X до 20 часов. В Костроме из

14-ти дней я 8-мь дней помог Жене построить сарай и погреб, работал по несколько часов в виде физкультуры, а в Москве были у т. Любы 2 дня, а остальное время ездили в Москву чего-нибудь искали купить с собой и очень уставали. Принимали нас везде хорошо, два раза у сватов Хольновых, приняли очень хорошо, особенно Володя с Надей, большое всем спасибо за теплый прием. Бог знает придется еще поехать куда или нет, что-то здоровье крепко пошатнулось, вчера, т.к. 14/III- 73 срыгивал желчью, боли особый в области печени не ощущаю.

Теперь Володя живет у сватов, у Надиных родителей. У них 24/I-73 г. в 18.50 родился Алеша, хотелось бы его посмотреть. Но пока нет возможности поехать, т.к. я работаю и сестра не здорова, часто приходится ездить к ней что-нибудь помочь, сходить в магазин или топки, воды принести, погода т.е зима в этом году не холодная, частые были осадки, хотя снегу было не очень много, но влагу видимо пополнила, что 72-е лето высушило.

18.3.73 г. дежурил в день.

Но время видимо рассказать о семейной жизни своей, насколько она сложна, что трудно начинать.

Я в первом журнале упоминал, но видимо придется повторить. Первая жена – Тамара Афанасьевна Саломатина, она оставила свою фамилию, при регистрации, потому сын носит фамилию Саломатин, которую теперь не исправить. Многие годы позади с 25/V 1938-го года. Отец жены Афанасий Степанович, его уже нет в живых, мать Наталья Тимофеевна, сестра Катя, Вера, Дуся, Лена, Нюра, ее в живых уже нет, брат Саша, Костя. 5-ть сестер, 2 брата, мать. Жена, при мне в 1937-м году училась в то время, она говорила на врача, но получилось из нее только медсестра и до сих пор ею работает, а возраст тоже убавила, говорила с 19-го года, а в действительности с 14-го года, правда нет в этом ничего особенного. Но в общем это есть обман, хотя не значительный!

Прожили мы с ней вместе с 1937 г. с 31/VIII по 26/XI- 1937 года. Не полных три месяца, родные узнали уже позже и очень были этим недовольно, но дело было сделано и возврата не могло

быть. Как мы относились к друг другу, я бы сказал «не дружно». Но я тогда думал, что пока не привыкли и стеснялись друг друга, вскоре ей гадала цыганка и сказала, что ты с ним жить не будешь, ему предстоит длинная долгая казенная дорога, он выживет, но с тобой жить не будет, ты будешь жить с другим, который умрет раньше тебя, после ты будешь жить одна. В то время этому не верили, но все осуществилось. Мне тоже дважды гадали и оба раза точно узнали о казенном доме и долгой дальней дороге, а сразу я этого тоже не верил, но все это было в точности сказано.

Я дружил с ней почти 1 ½ года и совместной не большой жизни она всегда чем-то была зависима от родных, особенно старшей сестры и других. Я сразу думал, что они ее содержат, поэтому она так страшится их. Но и когда мы поженились в этом ничего не изменилось. И когда ко мне приехала под Кандалакшу в 1940 году, она уже имела сына с 25/V 1938 года, но также боялась и выполняла только ихние советы и наставления. Я когда отбывал на Дальнем Востоке и знал, что уже народился сын, позже ей писал, чтобы она смотрела как ей жить, тем более она сообщала, что ее сестры ругают, зачем она родила. Я ей был вынужден написать, если нет возможности жить, а их двое, выходи замуж ради сына, а там будет видно, тем более первое время я ждал какого-то пересмотра и освобождения, но потом эта надежда не осуществилась, а сидеть 10 лет, время не малое. Когда она была у меня в 40-м году, мы этот вопрос подняли, почему она ответила мне на то, что 10 лет, 15-ть лет буду тебя только ждать. Этим ответом я был очень доволен и верил ей до того, пока она не вышла замуж в 1945 году, после победы. Война, видимо с радости. Но и тут, видимо не без вмешательства сестер. Почему я так говорю, потому что мать с двумя дочерьми, Дусей и Леной жили в Инжавино Тамбовской области и когда они узнали об этом, мне писали письма очень хорошие, а ее ругали Брат Саша прислал письмо, что сообщает, хотел ее зарубить, искал 2 дня, она пряталась от него, а вот сестра Катя и Вера, с которыми она жила и вещи ее были у них ничего не написали. И когда я первый раз увидел сына в ноябре месяце, 5-го дня 1948 года, то сестры мне не объявили и не объяснили по поводу ее замужества. Вот поэтому

я смело могу заверить, что дело было это все обдуманно с сестрами, не ей самой. Когда я прибыл на ст. Подлипки, проезд Воровского дом 69 квартира 5. Сыну уже было 10 лет, одиннадцатый. Он жил с тетками, а она с мужем (Сабич Александр Борисович) жила где-то отдельно. Я его до его смерти не видел и не хотел, хотя он в этом не причем и я мог бы несколько раз посмотреть его, но не хотел почему-то. Не успел я войти в квартиру, как и бывшая жена заявила к сестрам и сразу открывает шифонерку и начинает показывать вещи, которые в годы войны приобрела. Доху (шуба) за 12 тысяч и отрезы, туфли и т.д. Когда я глянул в чем сын ходит, мне это все стало противно. Теперь она говорит: «Я пойду вещи сюда принесу от тудова.» Я ее остановил, чтобы она ничего не приносила, а на утро пошли с сыном и ее сестрой Катей, купил сыну костюм вельветовый, пальто зимнее, валенки с галошами, ботинки с галошами, брюки и на рубашки, чулки. Приехал я домой без копейки, жил на братова и на материны средства. но потом я все возместил. И когда с отпуска возвратился, жена бывшая меня встречала, ей сказал, что, между нами, все покончено. Не знаю понравилось ей или нет, мне неизвестно это. Но я, но это не случайно, видимо так суждено быть, но она до сих пор на меня серчает, почему не знаю, ведь виновата она, тем более теперь это все далеко позади и сколько я раз хотел повидать ее поговорить о сыне, которого нужно было бы гораздо раньше женить, но мне этого не удавалось и если мы бывали в их квартире, то она куда-то уходила. Вот уже после женитьбы сына, был я трижды в Москве, один раз тоже были в ее квартире в 1971-м году, но ее как и раньше дома не было, встречала нас мать ее, Наталья Тимофеевна. Которая тоже, как и мать против его женитьбы и разные не нужные выстраивают причины. Я пытался как бабушку и может она передаст дочери, что женился он и ему жить с ней. Но убедить ее в этом не мог, одно свое и больше никого слушать не хочет.

Вот в основном, пожалуй, и все, сейчас она живет с матерью, а сын пока живет у тестя, до получения квартиры.

Прочитал, написано 18.II/ 88 год.

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

Воспоминания

...иногда в паше...

У Тетрадь...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...

3 Тетрадь

1989-й год 16-го марта 20 часов.

Хотелось бы оставить хотя-бы малый след своей жизни.

Теньков Серафим Васильевич. Родился я 5-го января по новому стилю 1915-го года в селе Копыл, сейчас Эртильского района, Воронежской области. В большой семье. Отец – Теньков Василь Тимофеевич, мать – Мария Коновна. Всего детей было 12 человек. На 1929-й год детей было семь человек: 1. Катя с 1910 года, я с 1915 г., близнецы Борис и Николай с 1918 года, Александр, Мария и Анатолий с 1929 года.

Жили мы на хуторе, который назывался хутор Теньковых. Всего было на 1929-й год 9-ть домов Преображенского с/совета Щучинского района Усманского уезда Воронежской области.

Со дня рождения по 1929-й год мне припомнилось многое при жизни с родителями и братьями – сестрами. Старшая сестра училась в Копыле, а мне, как старшему оставшемуся в семье, приходилось все работы выполнять даже не по возрасту. Помогал убирать скотину отцу, помогал матери топить печь навозом, печь блины, хлеб, доить коров и смотреть за меньшими братьями и сестрой. Переживали интервентов 21-22-й год, голод, падеж лошади, на коровах пахали и доили их, но все пережили. 2 года я учился на дому, потом меня отвезли в Русаново к дедушке, где я в третьем классе проучился до рождественских каникул, а после, отец меня не пустил. Я, говорит прожил не ученый, проживет и сын.

Где мы жили. Наши земли обтекал Курлак с озерами и лугами, где было множества рыбы и диких птиц. К 1929-му году мы уже имели две лошади и две коровы, так как нас было 9 человек

и 4 человека воспитывали сирот, двое с папиной стороны, Лена и Володя и двое с маминой стороны, Ваня и Витя, так что сидели за стол 13 человек.

Настал 1929-й год, выгнали из дома, отобрали все хозяйство и имущество. Отец где-то заброшенную землянку нашел. В нее мы собрались, ни одеться, ни постелить, да и готовить было не из чего, а в 1930-м году 22 марта нагнали чьих-то подвод, насажали нас как жаворонок, в этот день праздник Сороки (*Сóроки, Жаворóнки — день народного календаря у славян, приходящийся на 9 марта. В народной этимологии название дня произошло от Сорока мучеников севастийских. По народному календарю, в этот день зима кончается — весна начинается, день с ночью меряется-равняется*), и привезли в Мордов, Тамбовской области. Сгрузили несколько семей в церковь, где мы жили несколько дней, потом погрузили в вагоны и повезли на Север. На станции Харовская, Вологодской области, трудоспособных повезли дальше, а детей стариков разгрузили и так мы остались без отца, один одного меньше. Жилья не было приготовлено, бревна стоят с наклоном, мхом и землей присыпаны, отопление: железные бочки стоят от которых нет тепла, а один дым да белый свет. Не натопись, когда везде видно звезды.

Появился человек с села Сукмановка (*Жердевский район Тамбовская область*) мама его знала. Он приезжал за детьми брата, и мама его уговаривала чтобы он взял нас 5 человек. Он согласился и нас мать отправила: меня, Колю, Борю, Шуру, Марусю. А куда на родину, а кому мы нужны, и кто нас приласкает, но мы все же вернулись на хутор. Там жил еще Володя в своем доме, он воспитывался у нас, потом женился и ему помогли обзавестись своим домом и семьей. У него в своей семье 5 человек и нас 5 человек и у него жила т. Люба. Саша, Петя в общем 15 человек в одной комнате. Правда это было лето, спали кто в сарае, кто в сенцах, а к осени и его выгнали из дома и кто куда. Я своих по родственникам распределил, а сам в 1931 году уехал в Донбасс на Артемовский рудник, шахта №10. 16-ти лет я спустился в шахту, проработал там 3 года, дважды меня там прибивало, решил оттуда уехать в Москву. Жил у брата двоюродного, Иван

Павлович, в детстве он жил у нас, он меня принял, я жил на ихнем пайке. С месяц нигде не мог устроиться с украинским и ленинградским паспортом, в Москве тогда не прописывали и уже собрался обратно ехать в Донбасс, но в Мытищах временно устроился в 4-м филиале от 1-го участка северных железных дорог (Мытищи, Шарাপовское поле-5). Работал там старшим рабочим, а потом агентом по снабжению с апреля месяца 1934 года до 13-го марта 1935-го года.

13-го марта 1935 года приезжаю я из Москвы - 3-ей (станция железнодорожная) там был наш 1-й участок. В конторе меня ждет человек с винтовкой, предъявил ордер на арест и забрал меня. Привозит на Северный вокзал и сажают меня в подвал, сижу день, неделю, никто ко мне не является, ничего не предъявляют. Я объявил голодовку, на другой день приходит человек из прокуратуры и сообщил, что завтра отсюда меня заберут. 21-го марта меня привезли в Таганскую тюрьму, 460-я камера, а 27-го марта, милиционер забирает меня из тюрьмы и привозит в Мытищи, где меня судят по статье 169, вроде я подделал документы и дают 2 года. Меня все принуждали вступить в комсомол, я все не соглашался, но видимо они сами запросили характеристику из Копыла. Ответили, дед Тимофей Никанов арендовал землю, снимал у Столыпина и кормил бычков и отправлял в Москву. На суде я не сказал, что был выслан и меня вернули, а паспорт я получил по справке из Копыла, но почему суд решил, что я подделал документы, я до сих пор не представляю. И так, меня с суда доставляют уже в Лефортовскую тюрьму, оттуда несколько человек сажают в один из пассажирских вагонов и привозят в Шатуру, поселок №14, где отбывали с разными сроками. Потом с большими сроками вывезли в другие лагеря. В Шатуре руководство было из числа заключенных, плохо кормили и одевали. Я имел 2 года, сколько раз решал я бежать, не с целью чтобы убежать, а с целью чтобы убили. Но Господь видимо меня спас! На работу и с работы водили по 8-10 километров, в общем народ падал на ходу, жаловаться было нельзя, а кто жаловался те пропадали без известия.

В 1936-м году эл. станция Шатура стала работать не на полную мощность, а на 33%, снабжала Москву электроэнергией. В январе месяце 1936-го года я уже был бригадиром, т.к. имел пропуск на точку. Подъезжают две калужанки (*дрезины*) из них выходят люди в кожанках, расходятся по бригаде, угощают папиросами, спрашивают: «Как живете, работаете?» Все молчат, потому что народ не знает кто они, откуда, т.к. уже знают, кто жаловался пропадает. Но потом они объяснили, что они из ЦИКа (*центральный исполнительный комитет*). Эта станция не обеспечивает нужной электроэнергией и видимо они проехали все бригады, потом собрали собрание руководителей, всех поснимали и вроде некоторых осудили, а сами встали во власти с ... ездили с бригадами. Людей стали возить, хорошо кормить, одевать, обувать и люди стали хорошо работать и хорошо зарабатывать. В столовой во время обеда играла музыка, кормить стали «на убой», хлеба 1 ½ кг. на день. И вот, какой товарищ ездил с моей бригадой, обращается ко мне и говорит: «Всех твоих товарищей знаю, кто за что сидит, о тебе не знаю». Я как-то даже стеснялся говорить за подделку документов, а я не подделывал. Но он настойчиво требовал, чтобы я сказал, но я ему рассказываю все: что был выслан с отцом оттуда вернули, работал на шахте с 16-ти лет, т.к. ростом был высокий и справку мне дали с 1913-го года, по которой получил паспорт. На суде мне в приговоре записано, что дед арендовал землю, кормил бычков, гонял в Москву. Но он мне не поверил, а у меня сохранился приговор суда. Приезжаем в лагерь, я подаю приговор, он прочитал и говорит мне: «Пиши заявление и бери характеристику и посылай в Москву Калинину.» Что я и сделал, это где-то было в конце февраля 1936-го года, я про это и забыл, 30-го апреля 1936 года на собрании в Красном уголке объявляют кто освобождается, т.к. был разговор, что будут освобождать досрочно за хорошую работу. Под конец вычитываю и мою фамилию. 3-го мая нас сажают в полувагон и везут в 14-й поселок, он центральный был поселок, а мы находились на поселенье Долгуша. 5-го мая доходит моя очередь, так как буква «Т» почти последняя, дают мне

бумажку, чтобы я расписался, что не могу жить в 40-ка городах, расписался. Дают мне справку, где указано от 20-го апреля 1936-го года, протокол №40: «Освободить Тенькова Серафима Васильевича со снятием всех ограничений ЦИКа. Калинин.» Я прочитал, обращаюсь к этому товарищу и говорю ему: «Меня освободил ЦИК.» Тогда он почитал и дает мне эту бумажку, в которой я расписался, что нельзя проживать в 40-ка городах и я ее порвал.

6-го мая 1936 -го года я приехал в Мытищи, откуда меня арестовали, обращаюсь к коменданту Мельникову, чтобы получить паспорт и прописаться, он категорично мне отказал: «Тебя не пропишут, так как был показательный суд.» Но я пошел сам, мне без звука выдали паспорт, прописали постоянно и я устроился на работу в это учреждение зав. складом.

Складскую работу я быстро освоил, ко мне приехала мать в 1937-м году, женился, все шло хорошо. Но в руководстве произошло какое-то изменение. Прораба Иканова с 4-го февраля, переводят на второй на Северянин, а на 4-й филиал, присылают нового прораба Вирце и ему для своего аппарата, который прибыл с ним, нужна была жил. Площадь. Тогда он мне говорит: «Перейди в барак, а отстроим дом получишь квартиру». А в эту комнату хотел поселить того, кто с ним прибыл, я не согласился, так как нас 3 человека, быть в общем бараке. Тогда он меня увольняет в 24 часа, за то, что вроде по моей вине на ст. Болшево растаскали платформу кирпича. Такие вещи бывали, сторожей не ставят, а дачники растаскивают. Но я не стал добиваться правоты, поехал в Лосиноостровскую и оформился грузчиком в последствии с переходом прорабом погрузочно-разгрузочных работ. Тогда он собирает комиссию и хотел выселить самовольно, но тут сама комиссия это не допустила, тогда он мне тут же сказал: «Я тебя другим способом выселю.»

26-го ноября 1937-го заявляется пожилой товарищ в гражданской одежде, предъявляет ордер на арест, произвел обыск и забирает с собой меня, привозит на Колхозную 15 Ростокинский пос. совет и оставляет. Там долго я сидел, потом приходят два

милиционера, приводят женщину, сажают нас в машину и где-то долго возили. Женщину высадили, а меня завезли обратно во двор Таганской тюрьмы и только 29-го ноября меня обработали поздно вечером. Обратно в 460-ю камеру, где было набито битком, но во дворе 3-е суток не спал, не ел, в камере пробрался к стенке, чтобы не ходили по мне и спал сутки. Потом стали вызывать куда-то на допросы. Оттуда возвращались поздно ночью, еле дух переводили. Но я этого миновал. Никто меня не допрашивал. В милиции сразу я спросил: «В чем моя вина?» Милиционер показал на ящик стола и сказал: «Тут все есть.» А что «все» не сказал.

4-го декабря 1937 года, утром заходит человек в камеру, вычитывает мою фамилию: «С вещами собирайся.» Но тут был разговор, наверно в Лианозова на Кирпичный завод и там будут вести следствие, но в эту партию попадаю и я, набивают нас в набивку в черный воронок, привозят куда-то в баню, помыли, сделали шмон вещам, у кого были деньги везде нашли. С бани сажают обратно в воронок, привозят на какую-то окружную железную дорогу, высаживают с автобуса, дают команду садись. Кругом собаки, овчарки рвутся к нам, потом сажают в Пульман вагон (*большой пассажирский спальный железнодорожный вагон, по имени американского фабриканта спальных вагонов*), 149 человек, как есть в набой и 5-го декабря при рассвете проезжали станцию Шатура и в этом вагоне ехали 45-ть суток. Где-то за Читой на станции делали перекличку, доставали конверты на которых на углу было написано синим карандашом 8 лет, а красным 10 лет, так что мы уже знали кому 8-мь, а кому 10-ть лет и когда давали расписаться за уведомление, кто сколько имеет лет, там я узнал решение тройки по статье 58.10 от 5-го декабря 1937-го года в день Конституции, который первого должны праздновать.

20.03.89 г. продолжение

Ехали этапом 45-ть дней, на этапном пайке: 500 гр. хлеба и раз баланда. 20-го января 1938-го года наш вагон Пульман сошел

с рельсов где-то на тупиковую ветку, не доезжая до Тынды на высокой насыпи.

Нас встречала охрана, многие были верхом на лошадях, причем все в белых полушубках, а мы после такой трудной, долгой дороги, да и одеты были кто в чем, многие спрыгивали с вагона и падали. Вдохнули морозного воздуха, но лагерь где-то был недалеко. Которые не могли идти им помогали кто помоложе и покрепче, а которые совсем не могли, были подводы предусмотрены для этого.

В лагере, где проходили месячный карантин, обслуживали бытовки или как их назвала охрана друзья народа. Помещения, бараки из бревен положены на мох, нары из жердей с неотесанными сучьями, так было уплотненно чтобы повернуться на другой бок только по команде, а если кто задумал перевернуться сам, то потом не втиснешься. Жди, когда все будут поворачиваться, клопы, вши, пешком ходили по нарам.

При карантине питание такое же как этапное, но у кого были деньги, на 5-ть рублей можно было достать ночью из каптерки 2 булки по 5-ть килограмм каждая и 2 рыбины горбуши. Таким образом собиралось несколько человек вместе и добавляли к пайку. Но деньги никто с собой не привез, т.к. у кого были отбирали, а кто припрятывал в бане, так хорошо делали шмон, что было найдены, а обжалованию не подлежали т.к. были предупреждены охраной об этом. Причем наше положение было: нельзя иметь денег и продукты, если охрана, то и другое обнаружит, то сразу в карцер и давая навязывать, что собираетесь в побег, а чем докажешь, что не так.

Деньги добывали, продавали с себя пальто, костюмы, хорошие шапки, вообще свою одежду, меняли на лагерное. Конечно, все за бесценок, а бытовики сбывали дальше и ходили многие сами. А некоторые товарищи не хотели на пересыльном лагере, рассчитывали другое, когда приедут на основную колонию и там на хорошие вещи полегче работу приобрести. Но этого не сбылось, перед отправкой с карантина погнали в баню и там хорошие вещи отобрали у всех и сообщили, что

в дезокамере получился пожар и всем тем, у кого сторели вещи одели в лагерную одежду на этом и кончилось. После бани стали отправлять на производственные колонии, некоторых не взяли по состоянию здоровья, а меня из-за того, что плохие были валенки, а в ботинках охрана не взяла и я еще месяц находился на этой колонне. Но деньги у меня были, я продал пальто и сапоги. Но одному нельзя питаться, чуть отвернулся как сразу все заберут, я принял одного товарища чтобы по очереди ходить для себя не оставлять без присмотра продукты и нас кто-то продал. Приходит охрана в головах у нас находит 1 1/2 булки хлеба и 1 1/2 рыбины, все у нас забирают и нас в изолятор и клеят нам, что мы готовились к побегу и чем можно доказать, что нет. А оказывается этот товарищ отбывал на Соловках и оттуда бежал и обморозил пальцы на ногах, а откуда я мог знать об этом. Начали вести, вызывает меня оперуполномоченный и предъявляет 182 статью, якобы готовились к побегу, приготовили продукты, причем мой товарищ в этом замечен. Но я чисто сердечно ему рассказал, что этого товарища я совсем не знаю, принял я его на питания, потому что одному нельзя, глянуть кусок хлеба. Тогда он говорит: «А где взяли продукты?» Каптера тоже нельзя выдавать, я ему говорю: «Днем приезжали в зону какие-то бытовики и у них купили.» Рассказал, что я отстал от своих этапников из-за обуви. С ним был начальник колонны, он ему говорит, через день-два будем доводить остальных, обуйте и отправьте в новую колонию. Правда начальник приказал мастерам чтобы меня обули, но они от одних валенок носы отрезали и пришили к моим. Я прошел пару километров и все отвалилось, посадили меня на подводу и доехал я на колонну, встретился со своими. Утром меня назначают звеньевым, мы десять человек идем без конвоя на штабелевку леса на берегу реки Диткан, которая у поселка Тынды впадает в Тынду (речку), а остальные работали на лесоповале, ходили только по речке до 5-7 километров. Утром мороз, а вечером вода, подшивали валенки рукавом телогрейки. Приду на работу, подшивка вся порвалась

и целый день голыми ногами. Придем в палатку, ноги от воды все в морщинах, валенки в ремонт, а портянки под себя, под пустой матрас, они тоже не высыхают и так каждый день.

Где лагерный пункт находился к нему не было дороги, пользовались только по речке зимой и летом. Но к первому маю 1938-го года от Тынды прорубили просеку и трактор привез 2 тележки посылок, через которые многие отдали жизни, были отощавшие, а получили посылки и некоторые по две, наелись и отдали концы.

Но на этом лагере я пробыл не долго, видимо лес попилили, а лесобиржи, которые были у речки заштабелеваны в штабеля их не пришлось сплавлять. Где-то в июле месяце 1938-го года шел 2 недели дождик, как из ведра и все штабеля водой унесло, а в Тынде был деревянный мост на Алданские прииски, получился затор и вот там мне пришлось все время работать на растаске этого затора, чтобы спасти мост. Правда тогда много погибло людей и лошадей. Когда сошла вода в низинах находили людей и лошадей, а лес ушел в Зею и Гилюй, в Охотское море. После этого лагерный пункт перевели вниз по речке, ниже поселка Тынды на 4 километра, там занимались разработкой скалы для железной дороги и искусственными сооружениями. В бригаде мы питались 6 человек. Питание стало хорошим так что хватало, кто выполнял норму на 130% питался по третьему котлу, на 100% выполнения питались по второму, а ниже 100% питались по первому котлу. В общем, кто надеялся выжить хорошо работал, чтобы хорошо питаться.

Вниз по речке Тында за поселком Тында 4 километра на левом берегу стали строить лагпункт №54, построили быстро. С/с лагпункта колебалось от 900 до 1100 человек, в среднем 35 бригад, бригады были по 30 человек. После постройки лагеря приступили к разработке сопки, часть грунта валили в речку, а часть отсыпали насыпи и строили искусственные сооружения, фильтрующие насыпи и железобетонные трубы, а напротив лагеря сооружали мост на 6-ти устоях, так как железная дорога должна здесь переходить на левый берег. И вот тогда, а это было где-то

вначале августа 1938-го года, из шести человек, с которыми мы питались вместе, 5-ть человек нас взяли в десятники, и мы перешли в барак АТП (*административно-технический персонал*) и больше я на общих работах до освобождения не работал, хотя этого иногда желал бы. Через некоторое время меня переводят, верней объявляют, что меня назначают от отделения строительства контромером десятником колонии №54 и заместителем прораба по строительству моста.

В конце августа я получаю от жены письмо, где она сообщает, что родился у нас сын, 25-го мая 1938 г., в котором меня спрашивают как назвать сына. Но прошло 3 месяца со дня рождения. Но .... я написал хорошо-бы назвать Володей и мое желание исполнилось так и назвали Володей. Какая была радость и тут же горе, ведь жена не работала, а училась, хотя она жила у своих. После ареста и ее выслали сразу и заставили развестись. Конечно, жене досталось нелегко, я вынужден был написать ей иди на все ради сына, она потом пишет: «Кому ты дал адрес мой?» – что кто-то такую чепуху написал мне. В общем она мой почерк не узнала. Я забегу вперед, встретился с сыном на 11-м году его жизни.

Но жизнь – время шло своим чередом, когда меня назначили контромером я должен быть на всех объектах, а их было не меньше десяти. Тогда для меня выделяли конвой и он со мной ходил по объектам проинструктирует: «Шаг влево, шаг вправо, стреляю без предупреждения.» Но что поделаешь, приходилось эти требования выполнять, и так целый день ходим, и вечер почти ночь оформляем, проверяем рабочие сведения, так как должен я все подписать, а бригад, я уже писал, 30-35. Вот так день за днем и порой забываем, что ты же враг народа и когда вспоминаешь это, то становится страшно, боишься сам себя. В 1939-м году меня приводят на пересыльный пункт в Тынду, вроде хотели направить на войну, на озеро Хасан. С неделю я в Тынде пробыл, работал на погрузке песка, в Тынде песочный карьер. Потом приходит человек с отделения с бойцом и меня обратно приводят на 54-ю колонию.

К этому времени мост через речку Тында подходил к завершению и рельсы были подведены к мосту с правой стороны.

К концу 1939-го года мост был принят госкомиссией, так что с Тындой, с управлением связь была по железной дороге, продукты возили на вагонетке, а то возили на лодке, туда тянули веревкой, а оттуда вниз, с продуктами по течению.

Были готовы и другие искусственные сооружения до сопки, а на сопке работы было много, на ней делали 12 колодцев и закладывали аммонит *(для взрыва)*. Колонну, выводили за другую сопку, во время взрыва. Но что потом было неизвестно для меня.

20-го января 1940-го года колонна стала на карантин, не работала до 20-го февраля 1940 г.. Были разные разговоры и предложения, а кто врагам народа что скажет. Но 20-го февраля вагоны подали через мост, прямо к лагерю, стали готовить к погрузке, а куда, тоже никто не говорит. Проверили, оформили вещ. довольствие вывезли в поселок Тында, там еще 2 колонны были погружены. В эшелоне было три лагеря и от каждой колонии АТП по 25 человек, поместили в большой вагон 75 человек для обслуживания своих людей. До вечера мы простояли в Тынде.

Для нас было дико, когда мы увидели в управлении женщин, за 2 с лишним года, совсем одичали. Женщин не было даже в охране, там хотя кормили хорошо, но овощи- фрукты только сушеные были.

20-го февраля мы тронулись в путь, куда никто из нас 75 человек не знал. Но паек был не этапный, давали кило хлеба, три раза в день кормили и ехали на правах пассажирского поезда. Не припомню какого числа, где-то под Череповцом на каком-то полустанке наш состав занесло снегом, мы простояли сутки, а на другие сутки мы обслуга пошли в какой-то бывший монастырь, там была какая-то артель, чтобы взять лопат и откапывать состав от снега. Лопаты мы принесли и договорились с охраной на рыбу кету и горбушу выменять картошку, свежую капусту, огурцы и помидоры. Они с удовольствием согласились, у нас рыба в бочках стояла открытая в лагере, ее никто не ел, а овощей свежих, соленых не было и вот такой обмен мы произвели.

В общем за месяц карантина и 15 дней дороги, причем так кормили, народ так отдохнул, особенно молодые и 5-го марта 1940-го года на станции Ручьи, не доезжая 30 километров до Кандалакши, подавали нам состав на запасной путь. Подгоняют военные автомобили, сажают из вагонов и везут без охраны в сторону фронта с финнами. На следующий день пришлось по трассе железной дороги собирать своих людей. В сторону фронта к городу, Алакуртти-Куолаярви от ст. Ручьи велась железная дорога. Каждая колонна получила участок, где работали. Скалу 7 категории брали без аммонита, вручную. У нас была несколько бригад из Томска, молодые ребята. Но мне на другой день указание из отделения: «Принять автоколонну, прорабом.» Вот где я хватил горя, нормировщика экономиста нет, начальник временно наемный повезет спирт в обед, а оттуда, его везут без памяти. Но и тут мне недолго пришлось пробыть. Было срочно эту автоколонну куда-то перебросить. Я пришел обратно на свою колонну, колонна наша была №45 у Ням озера. В это время по трассе бегали представители, говорили: «Вот кончится война и вас всех отпустят. Уже готовят вам паспорта.» Но все это был обман, 16-го марта 1940-го года война с финнами кончилась и обратно появился конвой, правда в не такой мере как было, но был надзор.

Проработали мы после окончания войны у Ням озера, потом летом переехали на Кирки, которые от магистрали Мурманской дороги от ст. Ручьи были в трех километрах. На Кирках строили вокзал и шла разработка станционных путей. Колонна размещалась почти вся в здании в бывшем 2-м отделении строительства. Работы выполнили на ст. Кирки и на станции Ручьи. Тоже подводили под путь железобетонную трубу и ряд других работ, отмостка кюветов и ... я как раз там руководил работами.

Ночь дежурил на Ручьях, только пришел на Кирки в лагерь, приходит лаборант и говорит Серафим Васильевич к тебе приехала жена. Я сразу не поверил, потом он рассказал, я поверил, это она, мы переписывались, я ей писал, если думаешь приехать, то приезжай, а то нас стали отправлять на Печеру, особенно кто

чуть провиниться. Но я прибежал на ст. Ручьи, вижу она, послал инструментальщика взять чемодан, отнести в инструментальную, а с ней я прошел в строящийся вокзал и там пробыл до прихода поезда в Алакуртти, там было управление строительством чтобы взять разрешение на свидание. Только я ее проводил, иду в лагерь, а меня охрана ищет, загоняют в зону. На следующий день не выпускают, на 3 день утром приезжает с разрешением жена, подходит к вахте ее не пускают из-за того, что самовольно свиделись, а сейчас и по разрешению не пускают. Я потом пом. труду послал к оперуполномоченному Краснову, который жил на поселке, он пришел как распетрушил их. Пустили ее. Она у меня пробыла 2-е суток, разговаривали о дальнейшем, жена заверила: «10-15 лет, все равно буду ждать.» Но слова она своего не сдержала, в 1945-м году нашла себе, а сын жил у теток – на побегушках у всех родных ее, считай как без отца.

Проводил я ее на станции Ручьи и за день дважды бегал туда все думал может встретить ее, это было уже в октябре месяце 1940-году. В начале 1941-го года нашу колонну перебросили по ту сторону Кандалакши, к станции Пин озеро, если с Ручьев дорого шла туда, то на ст. Пин озеро выходила оттуда в Куялерва – Алакуртти. Там рудники слюда, олова, алюминий.

Нас сняли на станции Пин озеро, повели по будущей трассе. Смотрим стоит указатель влево, где указано 23-я колонна, это наша, свернули влево у озера, стали валить лес, строить зону, бараки. Каждая бригада себе строила барак и так мы стали под 23-м номером. На этой колонне нас застала война. В начале войны колонну №23 и другие две отправили на Печеры Белым морем из Кандалакши. Но АТП 29 человек нас переправили на штабную колонну, а со штабной за нас отправили с нашей колонной и не знаю, был разговор, что этот пароход с 3-мя колоннами враг потопил в Белом море, нужно верить. Я в Печере все исходил, но нигде никого не встретил значит верно разбомбили.

Пробыли мы на штабной колонне до 29/II, потом тоже погрузились в вагоны, вдруг два вражеских самолета изрешетили водокачку. Сели на озеро, потом поднялись и улетели, а мы

вышли из леса, забрались в вагоны и двинулись без света и сигналов. Подъезжаем к Петрозаводску, тревога сирена. Народ бежит в убежище, наш конвой тоже побежал, а мы сидим в вагоне, через решетки смотрим в окна. Но бомбить не бомбил, а когда проехали Котлас, там стал давать паровоз сигнал и привезли нас в Печеру, а с Печеры по реке до Усы под Сивой Маске выгрузили колонну №97.

7-го апреля 1989 года

Большой праздник Благовещения, мне вспоминается детство, 60 лет назад до 1929-го года, до разгрома нашей семьи. На этот день отец всегда доставал леща-судака или хорошей селедки и как это было торжественно. Сейчас все позабыто не то что молодыми, и мы стали не праздновать, а ведь как было хорошо, соблюдали посты, почитали старших, Бога боялись и совесть была. Совсем другое, да, осталось только вспоминать.

Но я продолжу свои воспоминания.

Остановился я на 97-й колонне, река Уса, до этого я побывал на 3-х стройках БАМ-лаг, за поселком Тында, сейчас он город, а тогда было 3 барака, колонна была №54.

Под Кандалакшей, ст. Ручьи, строительство №105, колонна Ням озера №45 и строительство №106 за Кандалакшей, Пин озеро, колонна №23.

На всех этих трех стройках контингент был почти один. Все политические заключенные и жили одной семьей. Правда сроки разные от 5-ти до 10-ти лет, а вина одна «враги народа» (в кавычках). Правда были и отсевы, и пополнения, а в основном очаг один. И на всех трех стройках наша колонна занимала первенства, правда это нам ничего не смягчало, но тут говорит о том, что народ работал на совесть, несмотря что был заключенными, врагами народа, поэтому и работали так хорошо, чтобы отвлечься, забыться. Жили надеждами и ожиданиями.

Но, а теперь вернусь к колонне №97, на Усе. Эта колонна в основном была пересыльной с Печеры. До этой колонны подвозили на барже, а от сюда разгоняли по колоннам, а колонны были

на каждом километре по намеченной трассе Печера-Воркута. Это трасса от причала и колонна №97, 9-ть километров была, но нас от старого коллектива осталось 29 человек АТП и ХЛО, т.к. перед отправкой колонны №23 с 106-й стройки нас, отделения ЛТП и ХЛО поменяли на штабную колонну, а со штабной колонны АТП и ХЛО отправили с 23-й колонной. Это такое было соображение, отделения строительств, т.к. при штабной колонне был песочный карьер и там шло плохо дело с погрузкой песка. Но из-за этого можно сказать, что ничего не получилось, мы почти ... в конце июня погрузились в вагоны и по железной дороге до ст. Кожва, которая находилась через речку Печера от настоящего города Печера. И в то время по нашей ... трассе лежала тундра и вечная мерзлота. А почему нас отправили поездом, то было известно руководству, которых отправили 3 колонны в том числе и нашу колонну №23 по Белому морю, фашисты утопили этот пароход. И когда мы доехали до ст. Пин озеро со штабной колонной, там стала принимать охрана и по каким-то соображениям прораба Кириянова Василь Александровича сняли ... оставили, и я возглавлял в этапе обязанность прораба и когда прибыли в Печеру на пересылке собралось много колонн и там же проводили комиссовку. Кого на легкий труд, на сенокос, в оздоровительные колонны и т.д. По существу, и остался костяк нашей старой колонны 29 человек АТП, так мы и держались друг друга, чтобы не разогнали нас врозь. Прошли оформления несколько дней, стал вопрос от причала до намеченной трассы, а теперь можно сказать до ст. Сивая Маска вести укладку пути. И из наших 29-ти человек организовали бригаду по укладке пути этих 9-ти километров, видимо взяли из формуляров, что этот когда-то занимался на 3-х стройках этими работами. И так мы стали укладочной бригадой, я за старшего. Когда дошли до ст. Сивая Маска, а там была еще тундра, я отказался вести укладку и на это была причина. Меня выводили с бригадой или на укладку, или с бригадой на сортировку и привозку материалов верхнего строения (рельсы, шпалы, ..., ... и т.д.). Пойду на подвозку, укладка без меня, выйду

на укладку, привозят не то, что нужно, по типности. И мы уже перешли на колонну №40, которая была уже на Сивой Маске. Приезжал начальник работ и начальник отделения строительством, вызвали меня на вахту, заставляли вести укладку, я категорически отказывался, ссылаясь, что я самоучка, ничего не кончал, а если и работал на 3-х стройках, то там я был помощником, а прораб был знающий это дело. Хотя совсем это было не так, но мне нечего больше сказать, если сказать, что я уже описал, быть на укладке или быть на подборе и привозе, то они могли бы обеспечить меня конвоем и водили бы и на отбор, и на укладку, поэтому я избрал такой отказ. Но они пугали штрафной, там была такая колонна №11, но сделать этого не сделали, и я стал ходить на речушку Казиур забивать шпунт для рытья котлована для постройки моста. Шпунт забивали бабой от порового котла, работа тут кипела, частые колонны кто, что выполнял. Снимали мох, на глину прокладывали шпалы не полной ... и ... с искусственными сооружениями, готовились к зиме. В 1941-м году пустили воркутинский уголь и когда я еще работал на Казиуре и с самой Воркуты, а она от Сивой Маски была в 130 километров, а вся трасса Печера-Воркута 530 километров и в этой веренице я встречался с Кириловым В.А. Его гнали etapом и потом мы списались, он был под Воркутой на 118 колонне, а этап шел по рельсам, т.к. по мху очень трудно идти, а тут была дана команда снять мох и уложить рельсы на глину, развозили и продолжали укладку и мы ходили на работу. Потом, меня сняли с Казиура и поставили на строительство водозаборного узла для паровозов. Не знаю кто там работал до меня, было дойдено до половины и у него сруб был плохо укреплен, его ромбически повалило, так что пришлось доставать все срубы и ставить срубы вновь и хорошо крепить. С этой работой я справился и 25-го декабря 1941-го года первый эшелон с углем Воркуты пропустили и всю зиму возили до весны. А весной, где за зиму не смогли провести балластировку пути, движение приостановилось, но усиленными темпами восстановили. Я ходил в ночь, т.е. во вторую смену, на подъемку и балластировку путей.

Но хочется сказать насчет обстановки в то время, с начала все шло можно сказать хорошо. Народ трудовой и питание было не плохое, а потом все хуже и хуже, было такое, что одну ложку разбухшей пшеницы давали в сутки, за хлеб и крупу в первое блюдо была мутная вода и кости от воблы. Когда пустили поезда их нужно было снабжать топливом, хотя они возили уголь, а снабжались дровами и я зиму ходил с бригадой на заготовку дров для снабжения паровозов. При том питании я заболел цингой и меня отправляют как раз на эту 97 колонию, она как выздоровительная, но сейчас можно так выразиться, там не выздоравливали, а умирали, это пожалуй будет верней сказано.

Вдруг я встречаю на колонне нарядчика с управления Орелева Александра и поговорив с ним, что обстановка не блещет, здесь не поправишься, а быстрее дойдешь, он пообещал мне помочь. Смотрю мне передатчик колонны №97 говорит: «Иди в бухгалтерию, оформляйся там восстановительной.» Гоняли за обмундированием. В общем поскольку меня отправляют в госпиталь, снимают с меня все хорошее и нарядили меня хоть на огород становить. Приводят нас несколько человек в госпиталь, а там оказалось три человека, которые были на колонне вместе на других трех стройках. Новичков – повар, москвич, там он работал поваром, Липков Федор и банщик Ануфриев и они меня никто не узнали, фамилия знакомая, а поглядят, меня всего изуродовало, перекосило, но потом узнали. Они все трое не курили, принесли махорки мне, ликпом (*лекарственный помощник, типа врач*) таблеток от цинги, а там вообще лечили только хвоей, отваром сосны. Утром просыпаюсь у меня под головой хлеб, рыба зубатка, в общем я быстро поправился, зубы окрепли, а то я их мог куда угодно повернуть. И я там пока был посмотрел сколько умирает людей, особенно от поноса. Утром выйдешь из барака, во дворе возчик кладет голых поперек саней как дрова, только привязаны бирки к ногам и видимо в общую могилу. Но вскоре меня комиссуют и направляют на колонию у Казиурского моста. Была колонна в землянках, тоже как выздоровительная, но там тоже такое-же положение, как

и на колонне №97. Кучка блатных шефствуют над кухней, что попадало: баланда – мутная вода и хлеб, под частую возили с другой колонны. Проезжая по трассе, где работает штрафная колонна, часто хлеб забирают, возчик приезжал пустой. На кого будешь жаловаться? Обрато я попал в такое положение и никак не могу сообщить работникам дистанции пути. Вдруг встретил Синицина, пом. по труду из отделения, и он меня пообещал прислать наряд, чтобы перевести обратно на 40-ю колонну, на Сивую Маску в путейскую бригаду. Правда неделя быстро прошло, меня конвой перевел в путейскую бригаду, которая находилась в колонне №40, занимала одну большую землянку с/с был 130 человек. Но поскольку путь требовал ремонта и балластировки, я ходил весь 1942-й год с колонскими людьми на ремонт пути.

Но с питанием стало лучше, пустили мельницу, стали рушить овес и молоть пшеницу. Зав был мельницей Абрамов, который на БАМе был в АТП, позже я к нему обращался, он помогал, а дальше лето 42-го года, пошла морошка, черника, брусника, много было грибов и все это способствовало набить хоть чем-то желудок.

Придя на работу, мы одного человека отпускали набрать ведро морошки и грибов, и что принесут на обед к этому добавляли. Конечно, и стрелок с нами. Тут враги народа, не стали выделяться как раньше, а притом за это время контингент весь смешался, но а после обеда идя с работы мы могли грибов набрать на котелок, но беда в том, что в бараке 2 печки, соловецкие большие, чугунные, конечно каждый не может сварить грибы, чуть закипят и снимай и видимо грибы были недоверенные, начался понос такой, что даже с кровью. Дошло дело до лекпома, а он от колонны хочет меня отправлять в лазарет, я упираюсь, т.к. знаю, как там дизентерийные умирают. Он настаивает, у нас мастер был Кулицкий, после аварии его забрали к нам, пришел Кураченко Дмитрий, которому я в 1939-м году оказал услугу, чтобы он окреп. Его привели из карцера, он был в одежде, а в тридцать седьмом году его посадили в карцер то

есть в тюрьме, есть такой карцер, где он просидел в одиночке и когда привели его к нам на колонну №54, я в то время был ст. десятником, приказал чтобы он кипятил чай, пока не окрепнет, а специальность у него дорожный мастер, работал на вторых путях Дальнего Востока ст. Сковородино. И когда возник вопрос, что меня отправлять в лазарет, он поставил вопрос, что никуда его не отдам, помрет, похороним сами. Но тут я часто вспоминал о том, что на 106-й стройке меня Господь спас, что не попал со своей колонной и остался жив, тот тут видимо конец. Собралось у меня в чемодане под головами 9-ть пайков, 900 гр. уже некоторые заплесневели.

В один прекрасный день дневальный собирается нести на трассу обед бригаде, пророщенной по ложке горох, по булочке и по небольшой селедочке, это все стояло на стойке в землянке, а дневальный пошел за булочками на кухню. Я встаю, беру две селедочки, ем прямо с костями, квасом с горохом запиваю, думаю, помирать все равно, наевшись все легче будет и с этого мне закрепило желудок, и я пошел на поправку. Прошло несколько времени, я стал поправляться, но слабость сильная, на путях работа тяжелая, а чтобы пойти с колонскими людьми сейчас уже было не нужно, но к этому моменту забирают повара и люди остались 130-140 человек без повара. Тогда мне мастер Курченко предлагает поваром, я никогда этим вопросом не занимался, кроме как до 1929 года в своей семье, кой что делал и топил печь, блины пек, хлеба сажал, топил навозом, коров доил. Но потом я согласился, в общем сварил завтрак, на обед приготовил, а на ужин продукты, ничего не осталось, прихожу я на вахту к дежурному, дежурил Кулг-баба, объяснил ему и попросил отпустить на мельницу, он от вахты метров в 100-150, он меня отпустил. Я захожу к заведующему Абрамову и рассказываю ему, он говорит: «Вон половина мешка овсянки, бери.» Я беру наварил к ужину не суп, а кашу и так я стал поваром до лета 1943-го года. Потом начальник колонны нас придурков, нас так называли, стал заставлять ремонт барачков делать, обивать дранкой и штукатурить. За невыполнение

грозил штрафной, тогда я стал просить Курченко чтобы выйти в бригаду. Он мне стал предлагать молотобойцем в инструменталку, к этому времени мне добились пропуск, и я согласился молотобойцем.

16.04.89 г.

Но молотобойцем, работа хотя и тяжелая было, но зато нет охраны и был сыт, ходили на работу мимо мельницы. Забегу к заву, он насыплет наволочку пшеничной муки, на горне пекли блины, оладья, а масло растительное стояла на путях целая цистерна, которую, мне кажется, всю растащили.

Но мне не долго пришлось работать молотобойцем, вызвали в дистанцию пути и предложили должность пом. мехом в дистанции пути, а проще сказать завхозом, но я руками и ногами отказывался, т.к. был на этой должности Кулаков и я когда работал поваром, он мне прикажет питания его собирать, что я и делал, а его 2-3 дня нет, все закиснет, но он все равно ел, а потом расстройство желудка и я эту причину расскажи начальнику дистанции пути. Он меня заверил, что ездить, возить ничего не будешь, все будут брать люди с околотков, а их было у нас 9-ть, расстояние, дистанция 100 километров, тогда я дал согласие и этой должности проработал до освобождения до 3-го ноября 1947-го года без 23-х дней отсидел до звонка. Начиная с 1943-го года до освобождения я жил за зоной, рядом с мастерскими, имел телефон, в моем подчинении были кладовщик, он же мой дневальный, жил со мной вместе, 2 столяра, 2 кузнеца, шофер личной калужанки. Они жили на штабной колонне, хотя я имел пропуск, но часто он был на продлении и когда чужая охрана прочесывает местность забирают и меня. Но доведут до штабной колонны, а оттуда отпускают меня обратно. И вот в этот период меня Бог спас от смерти. До этого времени я ездил до Воркуты даже без пропуска, бывали случаи и забирали меня все равно, 4-ю дистанцию пути не провезут, а тут с Сивой Маски шли 2 паровоза и один полувагон с углем до Воркуты, а дистанции пути нужно было какие-то

документы отправить в 3-й район в Воркуту, которые я должен везти. Перед отправлением я полез на полвагон, а меня за одежду оперативник и не пускает. А оперативник чужой и пропуск на продлении. Тогда начальник дистанции посылает техника с конторы фамилия Ким, он освобождение имел 5-ть лет. По пути до Воркуты проезжая станцию Гум, большой уклон и подъем и полувагон с углем отцепился и пошел на ст. Гум. На станции стоял уже другой состав, стрелочник видит, что с большой силой летит полувагон, он перевел стрелку в тупик и вагон вдарился в упор и перевернулся и Кима засыпало. Пока откапали, а угля 60 тонн, он был мертв и так эта 2-я моя смерть.

На этой должности я имел авторитет в дистанции пути, в районе, в Воркуте и в управлении. Она тогда еще было в Абези, а потом управление перешло в Печеру, а в Абези стало управление 501-й стройки на Оби, ст. Лабодьянка.

День Победы я узнал на линии, ездил проверять пути обходчиков и на Казююрском мосту сторож не встретил резервные паровозы, на которых я ехал и проезжая мост, большой подъем я спрыгнул. Подхожу к мосту, а меня встречает сторож, начальник дистанции, т.к. за не встречу поезда снимали с этой должности и посылали в путевую бригаду, там как раз дежурил Орелева Валентина, а за мостом был поселок Волино наемных. Шли ребята и передали о победе и так Валентина этим спасла, что я не сказал об этом начальнику дистанции, у нас как нас величали, у врагов народа. Но мне, кажется, были и тогда люди, которые сочувствовали нам, но помочь, конечно, не могли.

Но 45-й год принес мне такую травму, я узнал, что жена Тамара вышла замуж, а сын живет у сестер, если до этого я жил надеждой, ожиданиями, причем оставалось уже 2 с небольшим года и это все рухнуло и жил я по-человечески, а узнал, что мне и жить не хотелось, но все же я пережил и это.

Сообщили мне об освобождении 1-го ноября 1947 г. Но мне нужно было передать материальные ценности из-за чего я задержался на два дня. Со мной поехал пом. по быту, фамилию

забыл, звали Сашей, и мы с ним в дороге договорились поехать на 501-ю стройку, где платили к 1+8. Заходим в ЭНХА в Воркуте, они нам дают направление на 501ю стройку, инспекторами в ГТС, оклад 150 р. +0.8 и вовремя оформления Богатырев, начальник 2-й части, который оформлял мне и говорит: «Где намерены проживать?» Я ему говорю: «г. Рассказово, Тамбовской области, а работать думаю на 501-й стройке.» Он мне и говорит, что звонил Кузнецов, начальник Печерской железной дороги, чтобы меня оставить на Печерской дороге и оформить зав. электропередвижных мастерских, которые приписаны к Сивой Маске, хотя оклад там был 1000 руб., но я дал согласие, т.к. с 1941-го года по 1947-й год прожил и проработал на этом участке, все знаю, а так обратно нужно все сначала начинать. Работал зав. электропередвижных мастерских, наплавливали крестовины и рельсы лежащими в пути. После смерти Несговорова, начальника центральных ремонтно-механических мастерских службы пути, назначили меня. Занимался реновацией рельс, крестовин и накладок, с окладом 1600 рублей, но через 11-ть месяцев я добился через начальника дороги отпуск, т.к. в то время отпуск давали нам через 1,5 года.

Но что я мог за это время собрать средства нужно сменить одежду на вольную, но я все же собрал больше тысячи.

Встретился я с сыном 5-го ноября 1948 года, он жил у тети Кати и Веры. Жена жила с мужем, но она прибежала, но я ее не виню, тут такая сложилась обстановка, что и до сих не понять. Мне жить в Москве было нельзя, а в Заполярье, ехать тоже не мед, тем более сыну 11-й год, нужно учиться, но тут было уже ясно, жена ехать ко мне отказалась, менять Москву на Заполярье. 6-го ноября я с Катей и с сыном пошли, купили ему костюм, пальто, ботинки, валенки с галошами и материал на рубашки. В общем, что у меня были деньги истратил их на одежду сыну и 7-го ноября я прибыл в Тамбов, меня брат двоюродный Витя встретил в Тамбове. Была вся моя родня, мама, тетя Мариша, брат Коля. Сестра Катя лежала в госпитале после операции, на почках камни и вернулась она с Севера в 1947-м году. Она

пробыла в Архангельске с момента выселки, с 1929-го года, мы тогда в 5-м уезжали, она осталась с мамой, т.к. был Толя маленький, потом она работала на лесоповале, где ее прибило, лежала в больнице. Когда папа умер в 1934-м году, мама с Толей вернулись на родину, где ходила побиралась. А Катя только вернулась в 1947-м году и я хотя и приехал без денег, но среди родных прожил до 5-го декабря 1948 года. И живя в Тамбове, договорились жениться на Скуратовой Варваре Ивановне, она стояла на квартире в этом доме, где по существу жили мои родные, за исключением сестры Кати. Варя работала главным бухгалтером на химзаводе. В следующий отпуск мы договорились пожениться и уехать на Север.

1949-го года в июне месяце мы выехали из Тамбова и с нами мама поехала. По приезду на место моей работы нам дали квартиру. С Варей поехали в Воркуту, ее оформили бухгалтером в дистанцию пути с окладом 1200 рублей. Мы еще были тогда не расписаны, она носила фамилию 1-го мужа Скуратова. По дороге готовились к сдаче в ЭШПС, а меня строительство брали к себе, и я дал согласие, т.к. с моей статьей считал, что на транспорте работать нельзя, в 1950 году приезжал в отпуск и расписались в Тамбове, т.к. без этого Варю могли не отпустить с дистанции пути. И так мы 1951-го года работали, в Инте. Я зав лесобиржей, а Варя – бухгалтером по лагерному сектору. В Инте мы проработали до июля месяца 1955-го года на разных работах, а когда сняли с меня судимость мы решили выехать в Тамбов. Дали нам вагон, мы погрузись и приехали в Тамбов, жили на ул. Кирова 61 до 8-го апреля 1975 года, потом дали нам квартиру по ул. Советской 139, кв. 47.

До пенсии я работал в основном в пожарной части, Интернациональная в 1-й пожарной части, начальником караула, откуда пошел на пенсию. С 12-го июня 1970 года, а с 1971-го года 21-го сентября работаю сторожем вневедомственной охраны Ленинского РОВД. Моя начальная пенсия была 57.20, а сейчас 80 руб. 24 копейки, вот должен добавить с 1-го января 1991-го года, но сейчас 09 февраля 1991 г. прибавки пока нет.

С 1-го октября 1990 г. получил льготы на питание, бесплатный проезд и лекарства, прохожу комиссию на группу, вроде будет 50% скидка за жилплощадь.

09.02.91 г.

Как реабилитированный, а реабилитировали 29-го мая 1961-го года, 11.02.91 года меня прокомиссовали, и я стал инвалидом 2-й группы, так что скоро придется бросать работу и собираться в вечный путь. Здоровье с каждым днем ухудшается, в левой почки киста и на печени тоже киста и сердце не ритмично стало работать, конечно белый свет прекрасен, только бы жить. Все есть, полный достаток, а года свое берут. Ничем не откупиться, но и так, слава Богу пожил при таком 76 лет. С 5-го января 1991-го года пошел 77-й год и все прошло как миф, ноги, позвоночник отказываются служить.

Я и Варя от семейства своего остались одинокими и это очень тягостно, что не с кем посоветоваться, пожаловаться, вспомнить что-то иногда даже становится страшно, но страшней станет тому, кто последним будет из нас помирать. Но как говорится, не без добрых людей, Господь поможет, пережить и это, а сейчас живем оба, день прошел и слава Богу. Но все равно что случись, много останется не доделанных дел, не договорено, не дописано и т.д.

Жив буду дополню, а что случится не взыщите.

18.03.91 г.

С марта назначили пенсию 145-ть рублей и обещают 65 рублей доплачивать за повышения цен. Остались считанные дни со смерти Коли, как он умер 21/III год пролетел. Не видя, как будто это было вчера, перед смертью он ходил ко мне на работу каждое дежурство. Последний его приход ко мне 19-го марта 1990 года, сидел очень долго, я его проводил до улицы Советской, он стал переходить улицу и пошел по улице Интернациональной. Я ему посмотрел вслед и это был последний мой взгляд и навсегда. Царство ему небесное! Он это заслужил, ко мне он был очень

желанный и внимательный, если бы он дожил до моих льгот, это для него было бы неопишуемая радость, но мое здоровье быстро ухудшается и часто я его вижу во сне, во сне вижу все строю что-то на хуторе, где мы жили до 1929-го года и с этого времени началось наше мытарство и это мытарство длилось до сегодняшнего дня, то есть до представления мне льгот. Только бы жить, а жить уже некогда, пережил я очень многих, трудное было время, но сейчас справедливость восторжествовала. Сняли с меня всю тяжесть и груз, но что главное, несмотря на все трудности в моей жизни я остался человеком, не потерял себя и был внимательным к родным и окружающим. Я никогда 1-й кусок не съел, никогда не стремился лучше одеться, а работу брал самую тяжелую, вот видимо поэтому и был я уважаем до последней моей трудовой деятельности, даже эти дни, когда меня сделали врагом народа и когда я себя боялся. Но мой труд все поглощал и все же в то время многие ко мне относились более сравнительно чем к другим. Трудно мне и сейчас об этом вспоминать и обратно не из лучших и помирать из такой семьи большой приходится последним, но видимо так Господь распорядился, его Господня воля, будем на Бога надеяться, несмотря на такую трудную жизнь, я не когда не жалел и когда была возможность помочь, я всегда помогал и об этом не жалел, я помню слова отца: «Лучше давать чем просить!»

13.11.91 г.

18-го октября 91 г. принят закон о компенсации за каждый год репрессий, также за каждый месяц 180 рублей, но не больше 25-ти месяцев. Закон вступает в силу с 1-го декабря 1991 года, выплату производить следующим образом: 1) выплата за одну треть, остальное распределить на три года. Но дело в том, наверное, этого не дожидаться, здоровье на глазах уходит из-под ног. Хотя и стараюсь затормозить ухудшение здоровья, но мне, кажется, уже ничего не помогает, годы свое берут.

А как хочется жить, вот сейчас кладут меня в стационар вроде на проверку, а может быть и навсегда, т.к. анализы плохие. А как Варя одна останется? I-й группы? И нет никого поблизости,

чтобы помочь, из-за чего приходится медлить ложиться, чтобы необходимо поделаться дела сегодня. Звонил сын, меня не было, Варя ему сказала, что меня кладут в стационар. Чего я ему не хотел об этом говорить, т.к. у него так горя хоть отбавляй. Мать лежит в больнице, а он ночует в квартире, а как это трудно, я это пережил.

Но если что получится плохое, заранее желаю всем родным, знакомым и всем православным доброго здоровья, счастья и долгих лет жизни, а меня простить и строго не судить.

15.11.91. 24.00 час

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...
...иногда в паше...

Воспоминания

...иногда в паше...

У Тихонов...
...иногда в паше...

Но как мне известно...
...иногда в паше...

Всего в паше...
...иногда в паше...

Кто же...
...иногда в паше...

...иногда в паше...
...иногда в паше...

Тетрадь

11-11-1992 верней 11-го ноября 1992 года

*Для сына Владимира Серафимовича Саломатина
Для внука Алексея Владимировича Саломатина
для жен обоих
для племянника Сергея Николаевича Тенькова
для всех, кто пожелает, как мной прожита жизнь.*

Обращаюсь к своим родным и близким. Не лейте слез и не ссорьтесь, живя на земле. С детства я столько пролил слез, особенно когда вернулся с ссылки, сам не имея ни кола, ни двора и средств к существованию. К тому еще презирали даже родственники, а это было – май месяц 1930-го года. А слезы начали проливать с тех пор, как оставили родных, сестру и маленького братишку на Севере, отца навсегда. Умер там в 1934 году. Мать с сыном Толей вернулись после похорон папы, было ему 56. Сестра там пробыла до 1947-го года, она получила там увечья, ее прибило деревом. Приехала в Тамбов и сразу на операцию, камни в почках, а после операции I-II группы до смерти 1987 г., 7-го июля. После смерти матери 20/XI 1960 года легла опека на меня и брата Колю тоже. Немало было трудностей. Я жил на Кировой, транспорт ходил плохо, быть необходимо ежедневно, да и денег нужно заработать для существования, ведь она получала 9 р., 16 р., 28 р., 30 р., да и я в пожарной получал 31 руб. Ходил калымил для себя и для сестры в свободное время, т.к. в пожарке дежурил через три дня на 4-й. Хорошо, что умел много чего делать: плотник, каменщик, печник, штукатур и т.д., то есть нужда ко всему научит.

У меня этот лист был не заполнен. Но поэтому я его заполнил 11/II-92 г. Что-то здоровье не надежное, может подмануть, будьте здоровы, строго не судите, простите отец, дедушка. Еще прошу не грустите по возможности проводывайте могилки родных.

24/X-93.

Наверное, подошло время описать, что помню о своем родословии при помощи т. Зины Ракитиной, что живет в Рассказове, Тамбовской области.

Вот, что она сообщила. Из Лебедяни на пустошь пришли два брата, фамилия Теньковы (Лебедяни не знаю, а пустошь - это сейчас село Копыл, Эртильского района, Воронежской области). А раньше, как я помню районов было много (Растошенский-Архангельская), а теперь сплошные по речке села, а вот речку название забыл. И вот из этих двух братьев, один брат был Матвей, который мне и т. Зине был прапрадед. У него родился сын Василий, а у Василия был сын Николай, который являлся нашим прадедушкой. У Николая Васильевича было 4 сына и одна дочь. 1-й сын Тимофей Николаевич, жена Пелагея Ивановна, это мой дедушка и бабушка, 2-й сын Егор, 3-й сын Кузьма, 4-й – Захарий, дочь Акулина, она замуж не выходила. У первых 3-х сыновей была мать Мария и у дочери, а Захарий от другой матери. Николай Васильевич женился на другой женщине, ее звали Анастасия Нестеровна, так что брат Захарий по матери неродной другим братьям и сестре.

Все братья занимались земледелием и скотоводством.

У Тимофея Николаевича было 6 сыновей и две дочери. 1. Антон, жена Елена.

2. Алексей большой, жена Агриппина, детей нет.

3. Алексей маленький, жена Аюба, сын Володя.

4. Федор, жена Ксения, 3 сына, Иван, ..., Павел и 3 дочери: Мария, Валя, Вера.

5. Петр, жена Любовь, 3 сына и дочь: Петр, Николай, Дмитрий и Раиса.

6. Василий, жена Мария, 12 детей: Шура, Зина Ваня, Веня, Тая, Люба, Катя, Сима, (Коля – Боря), Шура, Маруся, Анатолий. По возрасту я видимо не правильно написал, первых четверых я не помню, а 8 человек помню и ... Правда Люба умерла маленькая, о которой я очень плакал при похоронах. А с этими вместе были высланы в 1930 году, а потом разбрелись кто куда и только в 1955 году собрались с матерью в Тамбове: я, Катя и Коля. Мать умерла в 1960 20/XI, Катя в 1987-м 7/VII, а брат 21-го марта 1990-м году. Но, а мне пока дата не известна, но видимо уже недалеко, раз начал писать. Это признак смерти не за горами, а за плечами, но, а если нужно родословия писать, то схемы это пускай Володя сам делает, пока есть какие-то данные, а то негде будет взять и не у кого будет спросить.

24.X.92 г.

Но я вкратце описал о своей семье и то не о всех, кто когда и где умер. Теперь о папиных братьях и сестрах.

1. Брат Антон и жена рано умерли, а дочь Лена воспитывалась и жила у нас до выселения нас в 1930-м году. Замуж она так и не выходила, мы ее все звали крестной, а не Леной.

2. Брат Алексей-большой, так потому что его звали, детей у них не было, рано оба умерли.

3. Брат Алексей малый, так его звали, тоже рано оба с женой умерли, но у них остался сын Володя, который тоже жил до женитьбы у нас. Жена у него была Таня. Построили ему дом, жили они 3-х детей, сам он умер, а жену с детьми выгнали из своего дома. Но отец ее устроил на фабрику гор. Струнино, потом куда-то переехали, адрес утерян. Володя и мы у них были.

4. Брат Федор, с ним у нас дом был под одной крышей, в середине столовая терраса. У него было 3 сына: Иван, Павел, Петр и 3 дочери: Мария, Валентина и Вера. От Ивана живы две дочери в Волгограде, от Веры – дочь в Горьком, от Маруси – сын Валерий Семенович Теньков и у него 2 дочери. У Валентины два сына, один Олег в Москве, а другой, забыл, где-то в Омске, фамилия их Фокины.

5. Брат Петр, жена Любовь Ивановна. Нажили 4-х детей, 3 сына: Николай, Петр и Дмитрий, а дочь Раиса мне ровесница. Отец их рано умер, 28 лет, но с ними пошел жить дедушка Тимофей Николаевич.

Но дедушка вскоре умер 83-х лет (1843 г. рождения – 1926 г. умер). Сирот отец принял под свою опеку, но в 1930-м году их выгнали из дома, не поглядели на сиротство, последний из ихней семьи Петя, который один остался из семьи, жил в г. Лыткарино, умер 22 ноября 1990-м году, участник войны.

Дедушка, отец мамин Коннай Степанович, жил в селе Русанова, тоже был выгнан из дома, доживал в чужих домах и умер 27-го сентября в 1931-м году, а потом если успею опишу о братьях дедушки, которых я знал при своей жизни.

Очагом всех братьев дедушки было село Копыл, которое и сейчас существует, но и тогда уже было в селе тесно. У братьев много было детей, и они стали выселяться на отрубы хутора, недалеко от родного села, на свободные столыпинские степи и жили на хуторах, земля рядом. Снопы не возили, а носили на ток (место где молотили хлеб).

1-го ноября 1992-го года я описал только о папиных братьях, а сейчас опишу о 2-х сестрах, о Матрене Тимофеевне и о семье. Муж был Ульянов Николай Иванович, три сына: Василий, Алексей, Николай и три дочери: Мария, Александра и Евдокия. Все они на сегодня умершие, за исключением детей, внуков и правнуков. Жили они очень бедно в селе Елане-Козловка, а когда переехали в поселок Вознесенка тут, и дети подросли, зажили хорошо. 2-я сестра Евгения Тимофеевна долго не выходила замуж и жила с родителями. Мама говорила, когда она вышла замуж на 17-м году, а папе было 27 лет в 1905-м году, была большая семья, готовили поденно, 6-ть снох, а 7-й день готовила т. Еня и каждый день пекли хлеб. Как мама рассказывала было очень трудно, и она просила дедушку Конная чтобы он забрал ее к себе, а он ответил: «Нет дочка, ты ломоть уже отрезанный, давай живи.» И мама с папой жили очень дружно, было у них 12-ть детей.

Я не могу сказать кто за кем был рожден, но названия знаю и каждый день их поминаю. Александра, Зинаида, Тая, Иван – этих я не помню. Любовь нянчил, она умерла, Катя, Сима - я, Коля, Боря, Шура, Маруся, Толя – мы были с родителями. Как я помню с 1922-го года был сильный голод, была банда, грабили красные и белые, похоронили лошадь, пахали на коровах, их было две. Жеребенок остался, другого купили и стало две лошади. Дети, кто смотрел за младшими, кто помогал родителям, особенно мне больше всех доставалось. Мать часто болела, я печь топил, коров доил и скот убирал и другие дела выполнял потому и образования 2 ½ года получил и жили до 1929-го года. В конце года из дома нас выгнали и все отобрали, в чем только были одеты и обуты. Отец на следующий день нашел заброшенную землянку, куда мы собрались, не одеться, ни постелить и наварить не из чего и нечем, а в ночь на 22-е марта 1930-го года, милиция нагнала подвод, погрузили нас на подводы, по дороге других собирали и получился целый обоз. К вечеру привозят нас на станцию Мордов, Тамбовской области и согнали в пустую церковь, которая в то время стояла на станции, где останавливались паровозы. А через несколько дней подогнали телеги и вагоны, погрузили по несколько семей и отправили на Север. По дороге отца от нас взяли как трудоспособного в другие вагоны, а нас детей 7-мь человек с матерью у семафора ст. Харовская, сейчас он город, высадили на опушке леса. Стояли бараки, бревна из сучков, 2-е нары и по концам таких барак стояли по железной бочке, которые должны были обогревать. Разве белый свет обогреет, бревна ничем не утеплили, кругом звезды видны. И больше мы с отцом не встретились, но месяца через два, мать повстречала человека, который приехал взять детей родственников. Мать его упросила чтобы он увез нас 5-ть человек. Он согласился. И так меня, Колю, Борю, Шуру и Марусь мать отправила нас, а сама с грудным Толей и Катей остались в этих бараках. А с отцом позже встретились. А нас этот человек довез до ст. Есипово за Жердевкой, высадили и пошли в Сукмановку где нам с/с дал справку что мы отпущены, как несовершеннолетние. Нас дедушка Канной Степанович привез на родину или верней на

хутор, там остался в доме Володя, 2-й брат, который воспитывался у нас, у него 5-ть человек своих, да т. Люба, сама пятая и нас 5-ть человек в одной комнате. Но хорошо, что было время май месяц, кто в сарае, кто в сенцах спали, я пошел в с/совет, нам дали ½ гектара нашей ржи. Нам бортовой ... скосил, а били сами, кто цепами, кто палками. Но к зиме нужно было искать прибежище, т. Люба уехали в ... стала на квартиру с сыном Митей, а 3-е детей выехали. Коля и Рая в Царицын, а Петя в Донбасс. А у меня 5-ть человек, стал упрашивать, чтобы по одному приняли, но с большим трудом распределил с расчетом, что я буду помогать или поступлю на работу. Тогда т. Люба пошла в с/совет и взяла справки на меня и на своего сына Митю, и мы с ним уехали в Донбасс, шахта №10, Артемовский рудник. Семь километров от Алчевска (Луганская область). Поступили на шахту, сразу стволовым наверху, потом в шахту, а через несколько времени коногоном. Работал не покладая рук, потому что нужно помочь родителям и 4-м детям, которым обещал помогать, а 1931-33-м был голод. Но все это было пережито, правда работа была очень страшная, каждый день похороны, меня дважды прибывало, и я решил уехать с шахты. А куда? Тетя Люба уже жила под Москвой, ст. Перхушково (недалеко от Одинцово). Но приехал туда к ним, прописки нет с ленинградским паспортом и с украинским. Поискал я поискал, нигде не мог устроиться. Решил было обратно ехать на шахту, хотя я оттуда ехал как беглец, думал вот-вот меня вернут. Потом я встретил одного человека, который сказал: "Открывается филиал от 1-го строй участка северных дорог для строительства 2-го пути Мытищи-Болшево, а филиал, адрес его: Мытищи, Шараповское поле, барак №3. Вот здесь я и оформился ст. рабочим. Бригада была женская, начали мы копать котлован под ... на ст. Мытищи. Но здесь я немного проработал. 9-го мая 1934-го года приходит курьер и говорит мне, вызывает тебя прораб, я прихожу, он мне предлагает работу по снабжению, тогда она называлась агентом по снабжению, я согласился и проработал до 13-го марта 1935-го года. А 13-го марта приезжаю с участка, а он был на 3-й Москва (жд станция) -Рязанская 13 в конторе сидит солдат с винтовкой, говорит: «Вы

арестованы. Забирайте вещи свои.» Я жил наверху над конторой, собрал вещи и он сдал на Северном вокзале меня, где меня посадили в одиночку, в подвал под вокзалом. Я объявил голодовку, приходит человек и пообещал, что отправят в тюрьму, а никто не говорит причину ареста. На следующий день меня приводят на Таганку в камеру №460, где пробыл до 27-го марта, утром заходит милиционер и забирает меня, везет в Мытищи. К вечеру приводят меня в нар. суд, судить. В суде много было наших рабочих с филиала, как потом я узнал, это был показательный суд, обязали чтобы был на суде коллектив, где я работал, а до суда я не о чем не знал, и никто меня не допрашивал. С 13-го по 27-е открывают суд, объявляют, что я скрыл от кого не помню, что сын кулака, дед имел и арендовал у Столыпина землю и держал скот, кормил и гонял продавать в Москву, а меня почему-то взял смех, я смеюсь о том, что я и сам был сослан и пробыл там боле 2-х месяцев и слышу сзади разговор людей: «Он наверное с ума сошел.» В заключении объявляют статью 169, сроком на 2 года, но я после узнал, что статья 169-я – подделка документов, которые я не подделывал, а взял справку в селе Копыл, где крестился и по которому и сейчас живу. После суда меня отвели в отделение милиции, где переночевал, а на утро под конвоем отвели в Лефортовскую тюрьму г. Москвы. Через несколько дней, несколько человек нас привели на Казанский вокзал, сажают в пассажирский вагон и привозят в Шатуру, приводят на 14-й поселок, он был главный на погрузку торфа. Потом перевели на поселок Долгушу, чтобы ближе было к месту работы. На работы и работы водили строем до 5-7 километров, работали в три смены, руководство все было из заключенный. Условия были, о чем не рассказать, не описать, отчего я несколько раз собирался бежать, но бежать мне было некуда и не к кому. Но Господь этого не допустил. Вскоре мне дали пропуск, стало легче. Вскоре на двух калужанках приехали из ЦИК партии, человек 20-25, сняли все руководство и заняли ихние места, а остальные ездили с бригадами на погрузку. Стали возить на работу и с работы, кормить стали хорошо, в столовой играл баян. Хлеба стали давать вместо 450-500 гр. 1,300, одели, обули и люди стали работать,

а до этого эл. станция была на грани остановки, а она освещала 33% Москвы, и эти товарищи пробыли 2-2 ½ месяца. Но когда они приехали на точку в мою смену, я был расчетником звенья пути. Из-под паровоза у нас стоял вагончик с телефоном для вызова паровоза. По готовности погрузки состава вызывали паровоз и ихняя калужанку была шире паровозика и нам пришлось вагончик спихнуть с рельс, а они разошлись по бригадам, а их было в этом месте три бригады. Эти товарищи разошлись по вагончикам спрашивают: «Как дела, какие условия?» Все отвечают: «Хорошо.» Они сойдутся промеж собой, говорят, похожи на чертей, только нет рог и хвоста, а все говорят хорошо, потом они объяснили что эл. станция на пороге остановки, поэтому мы приехали из ЦИКа партии. Тогда народ стал говорить, что кто жаловался, этого человека забирают и мы больше его не видим, потому и говорим, что все хорошо, вот поэтому они всех сменили, а остальные стали ездить с бригадами на работу и уже ..., который ездил в нашими бригадами, фамилия его Карпов. Заходит в вагончик и спрашивает у меня, я уже был бригадиром и говорит: «Я знаю всех в твоей бригаде, что за что сидит, а о тебе не знаю.» Я ему отвечаю: «Я сам не знаю.» Потом стал рассказывать, он не поверил, а у меня сохранился приговор суда. Приезжаем с ночной работы, он заходит в колонну, заходит в спец. часть, спросил мое дело, ему подают, он почитал и говорит: «И ты сидишь? Бери характеристику от треугольника, прикладывай копию приговора и заявление в ЦИК.» Я все это сделал, не ложусь спать, вышел за зону, чтобы опустить письме, встречаюсь обратно с ним, они жили в этом же поселке. Спрашивает: «Далеко идешь?» Я ему в ответ: «Здесь в ЦИК письмо.» Он говорит: «Мы 10-го апреля выезжаем, дай я письмо заберу, быстрее пойдет.» Я про это письмо уже забыл, 30 апреля комендант лагеря обходит бараки и говорит мне: «Скажи дневальному чтобы в бараке никого не было, в клубе состоится торжественное собрание.» Я это передал дневальному, а сам пошел в клуб, после выступления стали объявлять кто освобождается и под конец списка называют мою фамилия. 3-го мая нас сажают в полувагон и везут на 14-й поселок, т.к. документы были там, до меня дошло 5-го мая

к вечеру, кто оформлял и дает мне бланк расписаться, что не имею права жить в 40-ка городах, а когда дал мне справку, в ней было указано: ЦИК от 20-го апреля 1936-го года, протокол №40: «Освободить Тенькова Серафима Васильевича из мест заключения со снятием всех ограничений. Подпись М.И. Калинин.» Вот только тогда я вспомнил о письме.

6-го мая я прибыл в Мытищи, где ранее работал, 7-го мая 1936 года пошел к коменданту Мельникову, чтобы прописаться и получить паспорт, он мне отказал, говорит: «Был показательный суд» Но я сам пошел в милицию, подаю эту справку, мне выписывают паспорт и прописывают постоянно и оформился зав складом в 4-м филиале, а старый зав. перешел в участок, в отдел по снабжению, Москва 3-я , Рязанская 13. Отбыл с 13-го марта 1935 г. по 5-е мая 1936 года – один год, один месяц и 22 дня.

11/XI. 1992 г.

До освобождения я не собирался оставаться в Мытищах, тем более в 4-м филиале, коллектив филиала присутствовал на моем суде, но я пока размышлял куда поехать встретился с Тамарой – женой, которая за мое отсутствие появилась и стояла на квартире и училась в мед. училище в Москве, а родственники ее жили ст. Подлипки. В то время они назывались так, и у меня почему-то мнение сразу изменилось, и я решил остаться обратно работать в 4-м филиале 1-го участка Северных железных дорог. Принял склад, который находился сзади барака, где стояла на квартире Тамара и мы ежедневно встречались. Все ближе стали друг к другу, я участвовал в драм. кружке, часто ставили спектакли в красном уголке. И однажды мы стали расспрашивать друг о друге и когда мне пришлось отвечать, где я был и откуда появился, я ничего не скрывал, что с апреля месяца 1934-го года работал здесь, 13-го марта 1935-го года меня арестовали в Мытищах, 27-го марта судили, дали 2 года, отбывал в Шатуре, освободили 5-го мая 1936-го года, а за что судили, я сам не знаю или верней, как сына кулака, но почему по статье 169-й, как позже я понял, эта статья гласит подделку документов, которых я не подделывал! До

1930-го года мы жили на отрубях, а мы называли Теньковские хутора (верхний и нижний). То есть наши родители были 2-ю родными братьями, а мы дети с нижними были 3-ю родные братья и сестры и играли всегда, собирались вместе между нашими землями. Разделяли нас 3 пруда, которые соединялись между собой и впадали в Курлак, который нас окружал, т.е. наши земли. А когда нас выгнали из домов и все имущество отобрали, остались в чем были, и мы с конца 1929-го года скитались где, кто как. А 22-го марта в ночь 1930-го года нагнали подвод, посадили нас и отвезли до ст. Мордова для отправки на Север, о чем я вначале описывал. А эти земли хуторов, отрубы, занял совхоз «Комсомолец». А когда я вернулся впятером, куда было деться, мы вернулись в село Копыл, откуда наши предки выселялись на отруба, столыпинские земли, а нам там было уже делать нечего. И когда я определил своих 4-х по родственникам, а сам взял справку и уехал в Донбасс на шахту. Работал под землей, чтобы помочь своим четверым и родителям. На Украине был в эти годы ужасный голод, с 1931-го года по 1934-й. В 1932-м году я получил паспорт по этой справке, по которой и до сих пор живу. Но почему мне припомнили такую статью, до сих пор не понятно. В октябре 1992-го года я направил свое заявление в Московское М.В.Д. чтобы реабилитировали, письмо получено, но ответа по заявлению пока нет, найдут ли эти архивы или нет.

И когда мы чаще встречались с Тамарой, я был вынужден это ей сказать, но она на это не отреагировала, сказала только, что сейчас сидят самые хорошие люди, с тех пор мы дружили до 1937-го года 11-го августа, в этот день Тамара пришла с сестрой Верой и говорит: «Пойдем регистрироваться.» И нас 1937 г. 31-го августа зарегистрировали. Вечером мы собрались в Подлипках и это отметили, а 2-го сентября Тамара с чемоданом приехала ко мне и прожили мы до 1937-го года 26-го ноября. Но нами было решено при регистрации взять свои фамилии, может это и помогло Тамаре спастись от того несчастья, которое и жены некоторых врагов народа, как нас окрестили, тоже были забраны и отбывали в лагере как жены врагов народа. Почему я это описываю? Вспоминая это и думаю что

Бог не делает все к лучшему, не будь этого, может было бы гораздо хуже, пережить это, т.е. такую войну, а военно не был подготовлен из-за суда, но я и из лагеря писал заявления чтобы меня взяли на передовую А нашего брата даже бытовых статей брали только на передовую. И меня, в 1939-м году привели на пересыльный пункт для отправки на озеро Хасан, но врачи Тынды БАМ лагеря признали, что у меня куриная слепота и меня обратно отвели в свою колонию. А во время уже второй войне я переписывался с Сашей Саломатиным, который мне сообщил, если даже будут отправлять тебе, все принимай чтобы не попасть, т.к. ты военное дело не проходил и сразу поедешь в мясорубку. Но этого не случилось, шли день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Меня очень радовал, что у меня есть жена, сын, связи и сведения получал я регулярно от матери и Дуси Саломатиных из Инжавино. Я ожидал с нетерпением дня освобождения и этого я дождался 3-го ноября 1947 года. Но о семейном положении я узнал в 1945-м году, но меня это особенно не волновало, я же писал жене, ради сына иди на все, надеясь, на то, когда встретимся все изменится. Но, однако этого не произошло, при встрече жена со мной не согласилась поехать на Север, т.к. сын все равно жил у сестер, но она от этого отказалась. Не хочет менять московскую прописку. Это меня очень огорчило, и я вынужден жениться на другой женщине, о чем я не жалею и очень благодарен ей, что она рискнула поехать и расписаться со мной. С ней мы прожили с 14-го ноября 1948-го года по настоящее время 11/XI-1992 г. Правда оба мы инвалиды 1-й группы, но себя пока обслуживаем, материально обеспечены, большое спасибо сыну, который часто звонит, помогает, хотя я ему говорю: «Мы всем обеспечены и деньги есть слава Богу.» Но он все равно, хоть чем-то хочет нам угодить за что мы оба благодарны ему. Конечно горько вспоминать о том, что у нас с Варей нет детей, о чем уже позже узнал, но пришлось с этим смириться и менять свое решение, которое я ей давал, когда просил ее поехать со мной на Север. Тамаре я также благодарен за сына, ведь если бы она послушала бы других, мы оба остались бы без сына, за это ей большое спасибо, хотя нам мало пришлось вместе жить, но я ей очень благодарен

за сына, за 1-ю любовь и за то, что мы до сих пор живем и иногда видимся. Но что так сложилось, видимо это наша судьба такова, видимо так Богу угодно. Я на это не обижаюсь, права была цыганка, которая Тамаре гадала, что вместе с ним жить не будешь, а мне предстоит длинная и долгая дорога, в чем она не ошиблась. Но теперь это все позади и уже вернуть что-то невозможно. Сейчас часто об этом вспоминаем и все что было плохое, страшное становится хорошим и радостным. В молодости все было возможно пережить, а когда сейчас вспоминаешь и думаешь, куда все силы делись, чтобы такую жизнь пережить, но все же пережил слава Богу, дожил почти до 78 лет, а может и больше проживу. Ведь я несколько раз подвергался опасности, но Бог спасает и сейчас получил 1-ю группу, диагноз – рак мочевого пузыря, но меня был такой диагноз в 1969-м году, но Бог меня спас от этого, за что я этим доволен, только бы жить. Сейчас пенсия 4762 рубля, жене 5693 = 10455 р.

Обрати на это внимание!

как реабилитированный я получил квартиру, правда 20 лет жил на частной квартире, бесплатный билет по городу и один раз в год по ж. дороге, бесплатные лекарства, 50% бытовые услуги и 80 тысяч выплатили аванс за что просидел 10 лет не за что, установка телефона, приватизировали квартиру, завещали на сына, после похорон нас, квартира переходит в наследство сына и также деньги сберкассы 75 тысяч.

Нотариальная контора от нас ехать на одиночке троллейбуса до остановки Океан, сойдешь, перейдешь дорогу, стоит дом вдоль дороги, с торца Связь, а за угол, сбоку нотариальная контора Октябрьского р-на. Садись обратно на одиночке и от этой остановки продолжая дальше, на 2-й остановке сходишь и не переходя улицу поднимаешься к 9-этажным домам на углу магазин, идешь дальше на 1-м этаже Тамбовский банк, вот тут и деньги лежат. Как-то об этом трудно писать, но нужно к этому готовиться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Генеалогическое Древо

Пришли на пустошь Копыл, Воронежская область, из села Лебедяни, два брата Теньковых с семьями: Матвей и Николай. Год рождения Матвея 1750 г.

Василий Матвеевич. Г.р. 1780

Теньков Николай Васильевич. Г.р. 1813.
Мария, первая Жена (4 детей)

Теньков Николай Васильевич. Г.р. 1813
Анастасия Нестеровна, Вторая жена,
(1 ребенок) Захар

Теньков Тимофей Николаевич (1843-1926).
Похоронен в ограде церкви села Копыл, жена Пелагея Ивановна

Теньков Василий Тимофей Николаевич (1878-1934).
Жена Мария Коновна (1888-20.11.1960). Брак заключен в 1905 году

Теньков
Екатерина
Васильевна
(07.09.1910-
07.07.1987)
Замуж не
выходила

Теньковы:
Мария - 1924 г.р.
Анатолий –
1928 г.р.
Умерли в ссылки
под Вологдой
Борис
Васильевич
1918 г.р
Александр
Васильевич
1920 г.р.
Умерли на Урале
во время войны

Теньков
Серафим
Васильевич
(05.01.1915-
27.01.1996)
Саломатина
Тамара
Афанасьевна
(20.01.1914-
27.10.2000) –
первая супруга

Теньков
Серафим
Васильевич
(05.01.1915-
27.01.1996)
Тенькова
Варвара
Ивановна
(22.11.1914-
19.03.1996) –
вторая супруга.
Не было детей

Теньков
Николай
Васильевич
(23.02.1918-
21.03.1990)
Тенькова
Антонина
Андреевна
(17.08.1927-
19.07.2012)

Саломатин Владимир Серафимович
25.05.1938, супруга Саломатина Надежда
Николаевна 18.06.1945

Теньков Сергей Николаевич 11.01.1955,
супруга Тенькова Тамара Ивановна
05.08.1955

Саломатин Алексей Владимирович
24.01.1973, супруга Саломатина Валерия
Евгеньевна 23.07.1974

Теньков Ирина Сергеевна 25.05.1988

Саломатин Артем Алексеевич
09.06.2000

Саломатин Евгений
Алексеевич 24.04.2003

Саломатина Екатерина
Алексеевна 13.10.2008

Фотографии

Семейное фото. Около 1915 года. Борисоглебское фотоателье.

Мария Кононовна (мама деда, 27 лет)

и Василий Тимофеевич Теньковы (папа деда, 37 лет)

Около 1905. Борисоглебское фотоателье.
Василий Тимофеевич Теньков (папа деда, 27 лет).

Около 1905 года. Борисоглебское фотоателье.
Мария Кононовна Тенькова (мама деда, 17 лет).

1915 год. Борисоглебское фотоателье.
Слева-направо: Мать Марии Кононвны Теньковой? (бабка деда),
Серафим Васильевич Теньков (мой дед),
Мария Кононвна Тенькова (мать деда).

Серафим Васильевич Теньков (дед), Евдокия Афанасьевна Саломатина (сестра бабушки), Владимир Серафимович Саломатин (папа), Екатерина Афанасьевна Саломатина (сестра бабушки).
1948 года. Дед вернулся из ссылки.

Евдокия Афанасьевна Саломатина (сестра бабушки), Серафим Васильевич Теньков (дед), Владимир Серафимович Саломатин (папа), Екатерина Афанасьевна Саломатина (сестра бабушки). 1948 года.

Дед вернулся из ссылки.

Елена Афанасьевна Саломатина (сестра бабушки), Серафим Васильевич Теньков (дед), Константин Афанасьевич Саломатин (брат бабушки), 1948 года. Дед вернулся из ссылки.

Серафим Васильевич Теньков (дед), Владимир Серафимович Саломатин (папа) Около 1948 года.

Варвара Ивановна (вторая супруга деда),
Серафим Васильевич Теньков (дед), Неизвестная,
Николай Васильевич Теньков (брат деда). 1948.

Слева-направо стоят:
Николай Васильевич Теньков (брат деда), Антонина (супруга брата
деда), Варвара Ивановна (вторая супруга деда).

Слева-направо сидят:
Екатерина Васильевна Тенькова (сестра деда), Мариша Кононовна
(тетя деда (сестра матери)), Серафим Васильевич Теньков (дед),
Мария Кононовна Тенькова (мама деда) 1953 год.

Владимир Серафимович Саломатин (папа), Серафим Васильевич
Теньков (дед), Николай Васильевич Теньков (брат деда)
Около 1958 года.

Владимир Серафимович Саломатин (папа),
Серафим Васильевич Теньков (дед) 1955 год.

Николай Васильевич Теньков (брат деда), Мария Кононовна Тенькова (мама деда), Серафим Васильевич Теньков (дед), Екатерина Васильевна Тенькова (сестра деда), Наталья Тимофеевна Саломатина (мама бабушки). Около 1958 года.

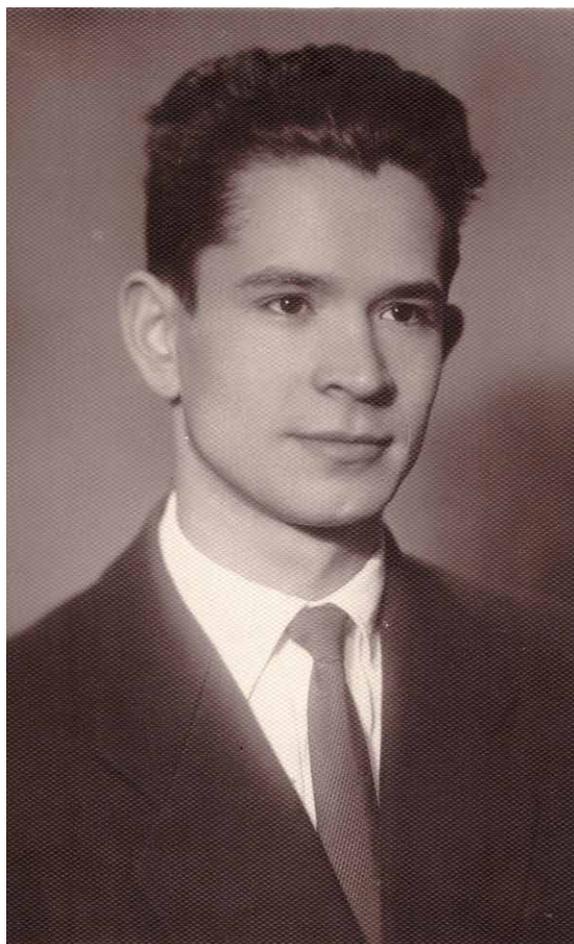
Дом в Тамбове на улице Чичканова, где раньше жили.
Около 1958 года.

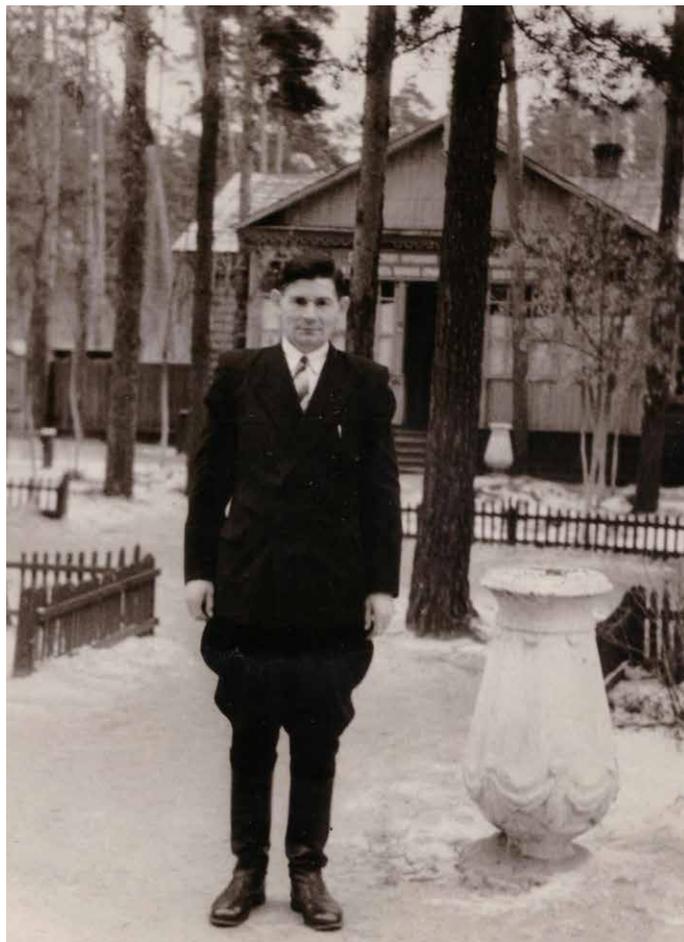
Серафим Васильевич Теньков (дед), Варвара Ивановна
(вторая супруга деда), Владимир Серафимович Саломатин (папа),
Екатерина Васильевна Тенькова (сестра деда).
Дом в Тамбове на улице Чичканова. 1962.

Николай Васильевич Теньков (брат деда). Самарканд. 1933 год.

Владимир Серафимович Саломатин (папа).
Фото после окончания МВТУ им. Баумана. Год. 1962.

Серافим Васильевич Теньков (дед) в санатории
в Тамбовской области. Год 1960

Серафим Васильевич Теньков (дед), Варвара Ивановна
(вторая супруга деда). Год 1970

Иван Иванович (двоюродный брат деда, прошел войну шофером,
жил в Лыткарино, Московская область).

Полина Ивановна Хольнова (бабушка по маме), Николай Алексеевич Хольнов (дед по маме), Серафим Васильевич Теньков (дед по папе), Алексей Владимирович Саломатин (Я), Надежда Николаевна Саломатина (мама). Год 1973. Мытищи.

Документы

392008, г.Тамбов,
ул.Советская, дом 139, кв.47,
Тенькову Серафиму Васильевичу.

Уважаемый Серафим Васильевич!

Из материалов архивно-уголовного дела на Вашего отца Василия Тимофеевича усматривается, что он и его брат Федор Тимофеевич в 1927 году были арестованы органами ОГПУ и находились под следствием, однако к уголовной ответственности не привлекались. По постановлению тройки ОГПУ от 11 ноября 1927 года дело в отношении них было прекращено и сдано в архив. В связи с этим реабилитации они не подлежат, т.к. считаются не судимыми.

Начальник следственного подразделения
Управления КГБ СССР
по Воронежской области
"4" августа 1991 года.

Маслов В.А.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

" 29 " января 1993 г.

гор Воронеж.

Гр. Ценьков Василий Тимофеевич

Год и место рождения 1888 г., Воронежская обл.,

Щукинский р-он

Когда и каким органом репрессирован 1930 г.

РИК Щукинского р-она

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке выслан на Север

На основании пункта " В " ст 3 Закона России от 18 октября 1991 г.

" О реабилитации жертв политических репрессий " гр-н
Ценьков Василий Тимофеевич

реабилитирован

Начальник УВД администрации
Воронежской области

392008, г.Тамбов, ул.Советская,
дом № 139 кв.47
Тенькову Серафиму Васильевичу

Уважаемый Серафим Васильевич!

Как мы сообщали Вам ранее, в архиве Управления КГБ РСФСР по Воронежской области имеется архивное уголовное дело на Вашего отца- Тенькова Василия Тимофеевича из которого усматривается, что он арестовывался органами ОГПУ в 1927 году, однако постановлением тройки ОГПУ от 11 ноября 1927 года дело было прекращено в связи с чем Ваш отец судимым не считается и реабилитации не подлежит.

Вы сообщаете, что в конце 1929 года Ваша семья была выслана на Север и Ваше имущество было конфисковано. Управление КГБ РСФСР по Воронежской области материалами о данном факте не располагает.

Начальник следственного подразделения
Управления КГБ РСФСР по Воронежской обл.

" 3 " октября 1991 г.

В.А.Маслов

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

" 25 " августа 1994 г.

гор Воронеж.

Гр. Теньков Серафим Васильевич

Год и место рождения 1915г., Воронежская обл.,
Зрительский район

Когда и каким органом репрессирован 1930г.

постановление батрацкого и бедняцкого собрания

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке постановление б/ бедняцкого собрания

На основании пункта " В " ст 3 Закона России от 18 октября 1991 г.

" О реабилитации жертв политических репрессий " гр-н

Теньков Серафим Васильевич

реабилитирован

Зам. Начальник УВД администрации
Воронежской области

[Handwritten signature]

Прокуратура Российской Федерации
МЫТИЩИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ПРОКУРАТУРА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

141009, Мытищи, ул. Абрамова, 1
тел. 582-77-60

7.04.93 г. № Г-ж-93

На № _____ от _____

Прокуратура Московской области
Начальнику управления по надзору
за законностью рассмотрения в судах
уголовных дел
Михайлову Е.И.

392008, г.Тамбов, ул.Советская,
д.139, кв.47
Тенькову С.В.

Направляется на рассмотрение по поднадзорности заявление гр-на Тенькова С.В. о реабилитации в связи с незаконным осуждением, по его мнению, Мытищинским горнареедом 27.03.35 г. к 2 двум годам лишения свободы и выдаче ему справки о сроках отбытого им наказания в местах лишения свободы.

Проведенной прокуратурой г.Мытищи проверкой подтвердился факт судимости Тенькова С.В. в Указанном году не представилось возможным в связи с отсутствием документов.

Оперативно-справочные отделы ГУВД административной территории Московской области и МВД России также не располагают сведениями о судимости Тенькова С.В. в 1935 году.

Вместе с тем ОСО ГУВД сообщил об осуждении Тенькова С.В. 5.12.31 по постановлению тройки УНКВД Московской области к 10 годам лишения свободы, в последующем отмененному постановлением Мосгорсуда 29.05.1961 года.

Материалы данного уголовного дела находятся в архиве УКГБ Московской области за №П-65963.

По мнению заявителя необходимые документы о его судимости в 1935 году могут быть в указанных материалах.

Приложение: на 2 л., №Г-ж-93 /25 л./

Прокурор г.Мытищи
старший советник юстиции

А.П.Чижов

Бугузова Т.Н.
586-34-20

15 ТМО Зак. 301 Тир. 10666

СС СР

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

гор. Москва

СПРАВКА № 1031/55
О СНЯТИИ СУДИМОСТИ

11 " апреля 1955 г. ТЕНЬКОВ Серафим Васильевич

был осужден

5 декабря 1937 года

сроком на 10 лет лишения свободы. Наказание отбыл

" 26 " ноября 1947 г.

По постановлению Президиума Верховного
Совета Союза ССР от " 8 " апреля 1955 г.

указанная судимость, вместе со всеми связанными с ней ограниче-

ниями, ТЕНЬКОВА С.В. снята.

Начальник Отдела
МВД Союза ССР

Начальник отделения

Handwritten signatures in blue ink

ТВ 5588-63

МИНИСТЕРСТВО
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ
И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Отдел

29.06.93 г. № 6/5-214-Т-161

Москва

392000

г. Тамбов, ул. Советская,
дом 139, кв. 47
Тенькову С.В.

Уважаемый Серафим Васильевич !

Ваше заявление нами рассмотрено. Указанная в Вашем заявлении судимость 1935 года по ст. 169 /скрытие происхождения/ не подпадает под действие Закона "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года.

Нами установлено, что 26 октября 1937 года Вы были арестованы органами НКВД и были необоснованно репрессированы по ст. 58-10 УК РСФСР к ДЕСЯТИ годам заключения в ИТЛ. Статья 58-10 /антисоветская агитация/ дает Вам право обратиться в органы социальной защиты населения по месту жительства для решения вопроса о выплате Вам денежной компенсации за время пребывания в заключении.

Для решения этого вопроса Вам необходимо представить следующие документы: справку Московского городского суда от 14 июня 1961 года о прекращении дела; справку о статье осуждения /нами прилагается; справку об освобождении из ИТЛ с указанием даты.

Начальник отделения *Handwritten signature* М.Е. Кириллин

Прокуратура Российской Федерации
МЫТИЩИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ПРОКУРАТУРА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

141009, Мытищи, ул. Абрамова, 1
тел. 582-77-60

г. Тамбов, ул. Советская, д. 139, кв. 47
г-ну Тенькову С.В.

22.03.93 № 1-ж-93
На № _____ от _____

Прокуратурой г. Мытищи рассмотрено Ваше заявление о реабилитации.

В заявлении Вы сообщаете, что приговором Мытищинского горнарсуда от 27.03.35 года Вы были осуждены по ст. 169 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы и отбывали наказание в пос. Долгуша Шатурского района. Освобождены досрочно на основании протокола №40 заседания Президиума ВЦИК от 20.04.1936 года.

В соответствии со ст. 8 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" органы прокуратуры выдают заявителям справки о реабилитации по материалам проверки дел с неотмененными решениями судов и несудебных органов.

Проведенной прокуратурой г. Мытищи проверкой подтвердить факт Вашей судимости в 1935 году и нахождения в местах лишения свободы не удалось.

Как Вам уже сообщалось, уголовные дела за 1935 год архивом Мытищинского нарсуда уничтожены за истечением сроков хранения.

Оперативно-справочные отделы ГУВД администрации Московской области и МВД России не располагают сведениями о Вашей судимости в 1935 году.

В связи с этим выслать Вам справку о реабилитации и сроках отбытого наказания в местах лишения свободы, к сожалению, не представляется возможным.

Одновременно разъясняю, что при отсутствии документальных сведений факт применения репрессии может быть установлен на основании свидетельских показаний в судебном порядке.

Помощник прокурора
юрист I класса

Т. Н. Бутузова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
(РОССИЯ)

ПРОКУРАТУРА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

103866, Москва, Тверской бульвар, дом 18

16.07.93 № 12-219/93

На № _____ от _____

Прокуратура г.Москвы

копия: ✓ 392008, г.Тамбов, ул.Советская
дом 139, кв.47
Гр.Телькову С.В.

Направляются для рассмотрения по существу заявления гр.Телькова С.В. о его реабилитации.

Проведенной проверкой установлено, что Постановлением Тройки УНКВД Московской области от 5 декабря 1937 года Тельков С.В. был заключён в ИТЛ сроком на 10 лет.

Постановлением Президиума Мосгорсуда от 29.05.61 года Постановление Тройки на Телькова отменено и дело прекращено за недоказанностью /арх. № П-65963 за УК РФ Московской области/

Информационные центры ГУВД АМО и МВД РФ сведениями о судимости Телькова в 1935 году не располагают.

О результатах рассмотрения заявления прошу сообщить гр.Телькову С.В. т.к. по его мнению необходимые документы о его судимости в 1935г. могут находиться в материалах уголовного дела № П-65963.

Приложение: 2 заявления на 4-х и 2-х листах, справка ИД МВД России.

Начальник 3 отдела управления по надзору
за законностью судебных постановлений по
уголовным делам

 Н.И.Гульков.

Р Е Ш Е Н И Е

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Октябрьский районный (городской) народный суд Тамбовской обл. в составе: _____
 председательствующего Галкиной Н.В.
 народных заседателей Гайдаченко, Каратниковой
 с участием заседателей _____
 с участием прокурора _____
 адвоката _____

председателя общественности _____
 при секретаре Тлмачевой И.А.

14 января 1991 года, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № _____

Денькова Серафима Васильевича об установлении юридического факта.

У С Т А Н О В И Л:

Деньков С.В. обратился в суд с требованием об установлении факта принадлежности ему справки Московского госуда № 5 КС-135/61 от 14.06.61 г. о его реабилитации в части незаконного осуждения судом тройки при НКВД СССР от 15.02.37 г., пояснив, что справка дает ему право на льготы, установленные для реабилитированных, однако при ее выполнении была искажена его фамилия и год рождения.

Суд, находит, что требования Денькова подлежат удовлетворению.

Согласно ст.247 п.5 ПСК РСФСР суд устанавливает факт принадлежности, правоустанавливающее документа, если это влечет приобретение или изменение имущественных прав.

Заявитель пояснил, что он длительное время считал, что он с 1913 г., поэтому этот год рождения был указан во всех документах в том числе и в паспорте. Однако получив дубликат свидетельства о рождении, ему стало известно, что он родился в 1915 г. В связи с вышеизложенными обстоятельствами 1913 г. был так же указан в вышеуказанной справке. В справке была так же указана его фамилия через букву "и", а не "е"-как указана фамилия согласно свидетельства о рождении. Однако в справке отмечено, что дата осуждения

05.12.37 г. Иеньков представил справку начальника отдела МВД СССР, где указано, что этого числа был осужден Иеньков. Кроме того в обеих справках совпадает имя и отчество заявителя.

Таким образом вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что справка о реабилитации принадлежит заявителю.

Руководствуясь ст.ст.191,197 УПК РСФСР, народный суд

Р Е Ш И Л:

— Установить факт принадлежности Иенькову Серафиму Васильевичу 1915 г.р., справку Московского городского суда № 5-КС-135/61 от 14.06.61 г. об отмене постановления тройки при УНКВД СССР от 05.12.37 г., выданной на имя Иенькова Серафима Васильевича, 1913 г.р.

— Решение может быть обжаловано в Тамбовский областной суд в течении 10 суток.

Народный судья: Н.В.Галкина

Народные заседатели: Гайдаренко, Каратникова

ВЕРНО: народный судья

Решение вступило в законную силу 25.01.91 г.

Народный судья: Н.В.Галкина

Мордовскому верите

23.01.91

сметар архивот
№ 25 / 15 1970 2
н 310 / 205

за Платковичу еф
Велешеву
? Битковот ул. Кирова
град и сг

Архивната служба

В материјалите документарног фонда
Строителна организација ПОВ ССРП
Спротивник железног прелазног железног
потока на Битковца Социјалистичка
Христијанска Уметна Картошка Фабрика и
во којашто Платкович е вработен
с 7^{то} Ноември 1947^{та} год. в деловниот зав. зав. на
предвистината Македонија ПЗ-У 3^{та} р-де
гор. Битковца (приказ н 30 од 10^{та} Ноември
1947^{та} год.)

с 1^{та} август 1950^{та} год. зав. Македонија
8^{та} ст. од приказ н 76 од 19 септември 1950^{та} год.

с 1^{та} август 1952^{та} год. Уволитио еф 471 "а" КЗОН
приказ н 88 од 2^{та} август 1952^{та} год.

с 31^{та} август 1952^{та} год. приказ н 777 од 2^{та} септември 1952^{та} год.

с 16^{та} декември 1952^{та} год. Македонија
8^{та} ст. од приказ н 14 од 16^{та} декември 1952^{та} год.

с 20^{та} септември 1953^{та} год. Клефовиќ 8^{та} ст. од приказ н 49 од 20 септември 1953^{та} год.

с 27^{та} септември 1953^{та} год. Македонија
4^{та} ст. од приказ н 57 од 5^{та} ноември 1953^{та} год.

с 19^{та} мај 1954^{та} год. Обкометодички
пучина Нераздорат 30^{та} мај 1954^{та} год. СРВКА
Фабрика за производба на
Фабрика за производба на

Нагальские секторы архивов
Сев. Железной дороги /Скучебыт/

Старший инспектор архива

12.17 1992.

7. Калинин

В. В. Соколов
Гос. архив Карелии

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

Родители: *Лобтёрное*

Отец: *Темников* (фамилия), *Василий (М.И.) Андреевич* (имя, отчество)

Мать: *Темникова* (фамилия), *Ивария Коновна* (имя, отчество)

национальность: _____

Место регистрации: *Копыльский с/с* (район), *Дртыцкий р/п* (местонахождение бюро ЗАГС), *Воронежская обл.*

Дата выдачи: *14* января 19*91* г.

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении 19*15* года *января* месяца *14* числа произведена соответствующая запись за № *1*

Гр. *Темников* (фамилия), *Сергей Васильевич* (имя, отчество) родился (лась) *5/1* - 19*15* г. *пятого января тысяча девятьсот пятнадцатого года* (прописью и цифрами год, месяц и число)

Место рождения ребенка: город, селение *Копыль* *Дртыцкий* район *Воронежская* область, край, республика *Р С Ф С Р*

Исполняющий Бюро записей актов гражданского состояния: *Решет*

№ 007968

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 18

Выдано тов. *Темникову* *Сергею Васильевичу* как реабилитированному в установленном Законом порядке.

Постановлением президиума Тамбовского областного Совета народных депутатов от 1 ноября 1990 года № 64 ему (ей) с 1 декабря 1990 года предоставлены льготы, предусмотренные для участников Великой Отечественной войны.

Председатель рай(гор)исполкома *Решет*

Исполнительный комитет *Одического* Совета народных депутатов

Дата выдачи *14* января 19*91* г.

ТПО 006633

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

№ 6371149

Фамилия Теньков

Имя Серафим

Отчество Васильевич

Число, месяц и год рождения 5 мая 1915

Личная подпись владельца _____

Выдан Т.А. Любавскому

Сороцкому военным комиссариатом

Тамбовской области (республики)

1964 г.

военный комиссариат

М. П. Сороцкий

Сороцкий
(звание, подпись)

№ 6371149

1

I. Общие сведения

1. Место рождения Варонетский обр. Арсаниловский р. н. с. Новки.

2. Национальность русской.

3. Партийность (с какого года) всепартий.

4. Состоит ли в ВЛКСМ (с какого года) не состои.

5. Образование 3 кл.

6. Основная гражданская специальность пл. о. жаренье.

7. Семейное положение жена: Тенькова-Барбары Ивановна

С записью в трудовой книжке
ознакомлен:

Дата: 10.02.1960 Роспись: СВТ

ПЕНСКИЕ НАЗНАЧЕНА с
Октябрьским РАЙСО - Тамбова

Трудовая книжка

Фамилия Теньков

Имя Серафим

Отчество Васильевич

Год рождения 1915

Мичуринск м.е.

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркните)

Профессия _____

Подпись владельца Трудовой книжки

СВТ

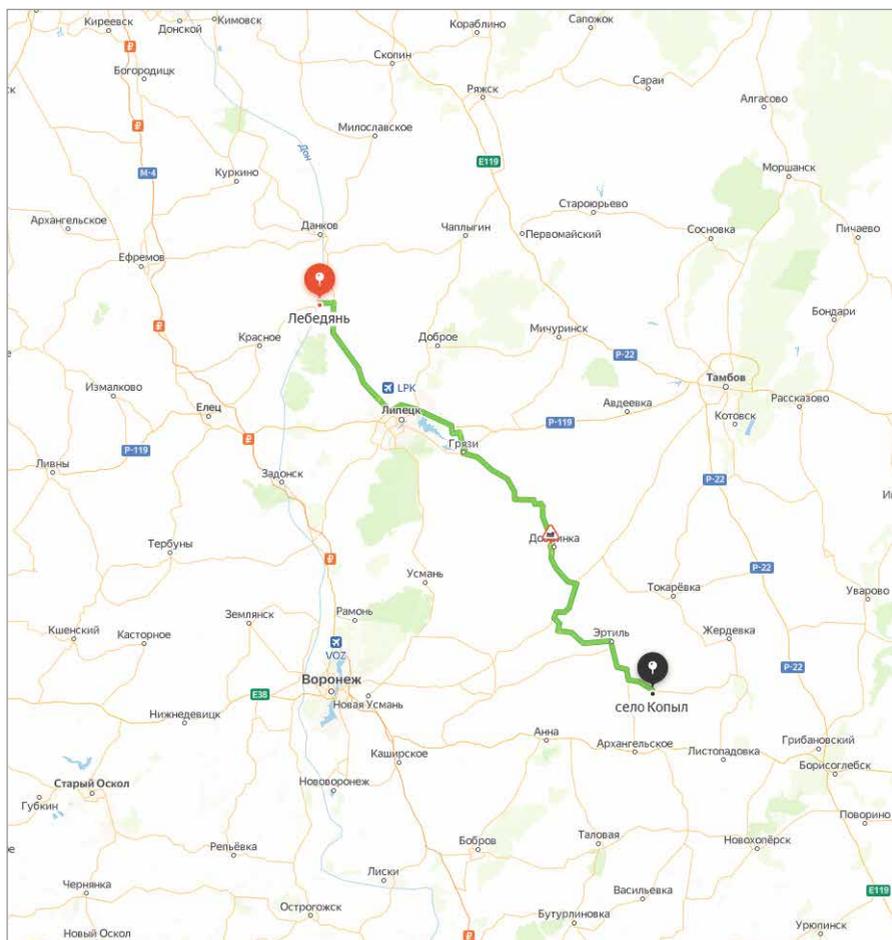
Дата заполнения Трудовой книжки
15. сентября 1957 г.

ПЕНСКИЕ НАЗНАЧЕНА
Ленинским Рай. С.О.
г. Тамбова с 3/12/60

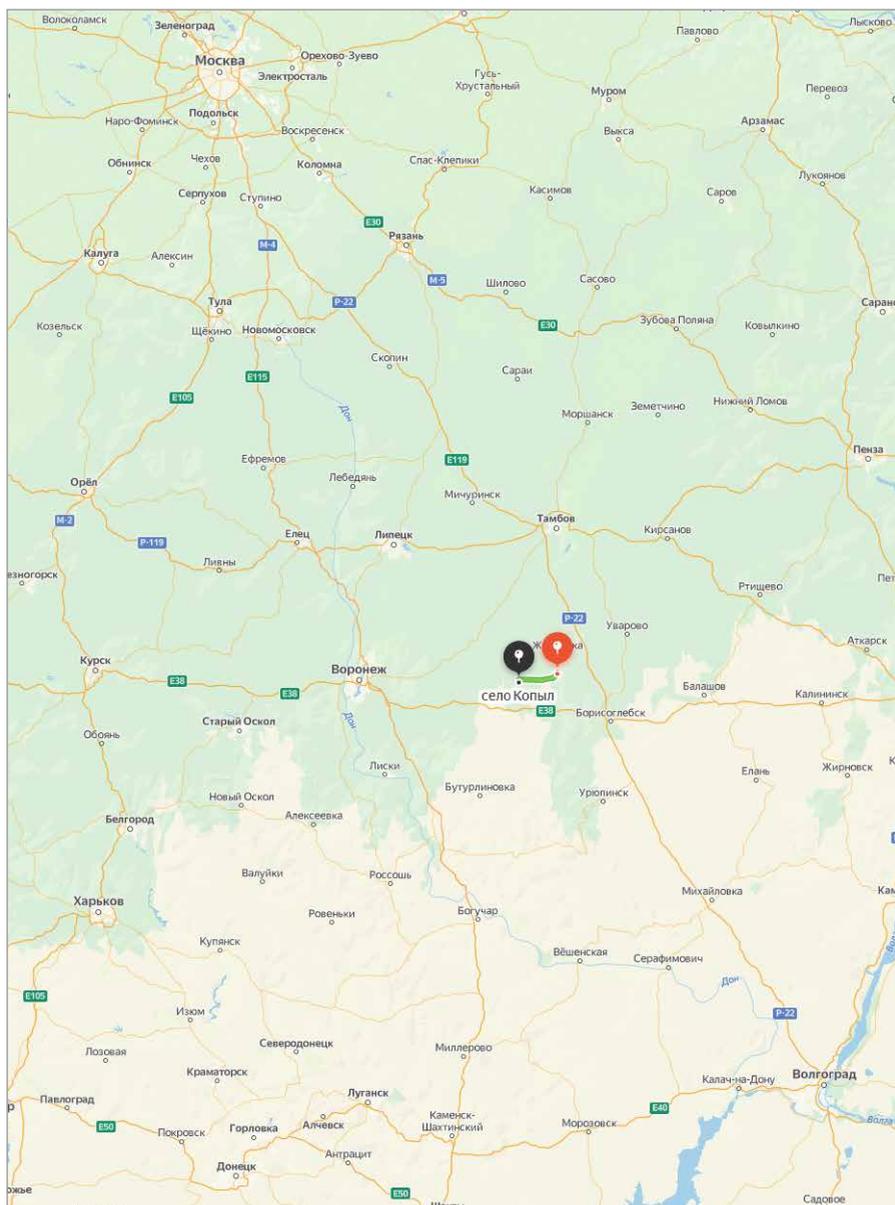
Получены
года рождения
1915
Внесены
основными
с 15.09.57
с 15.09.57
с 15.09.57

Место положения на карте

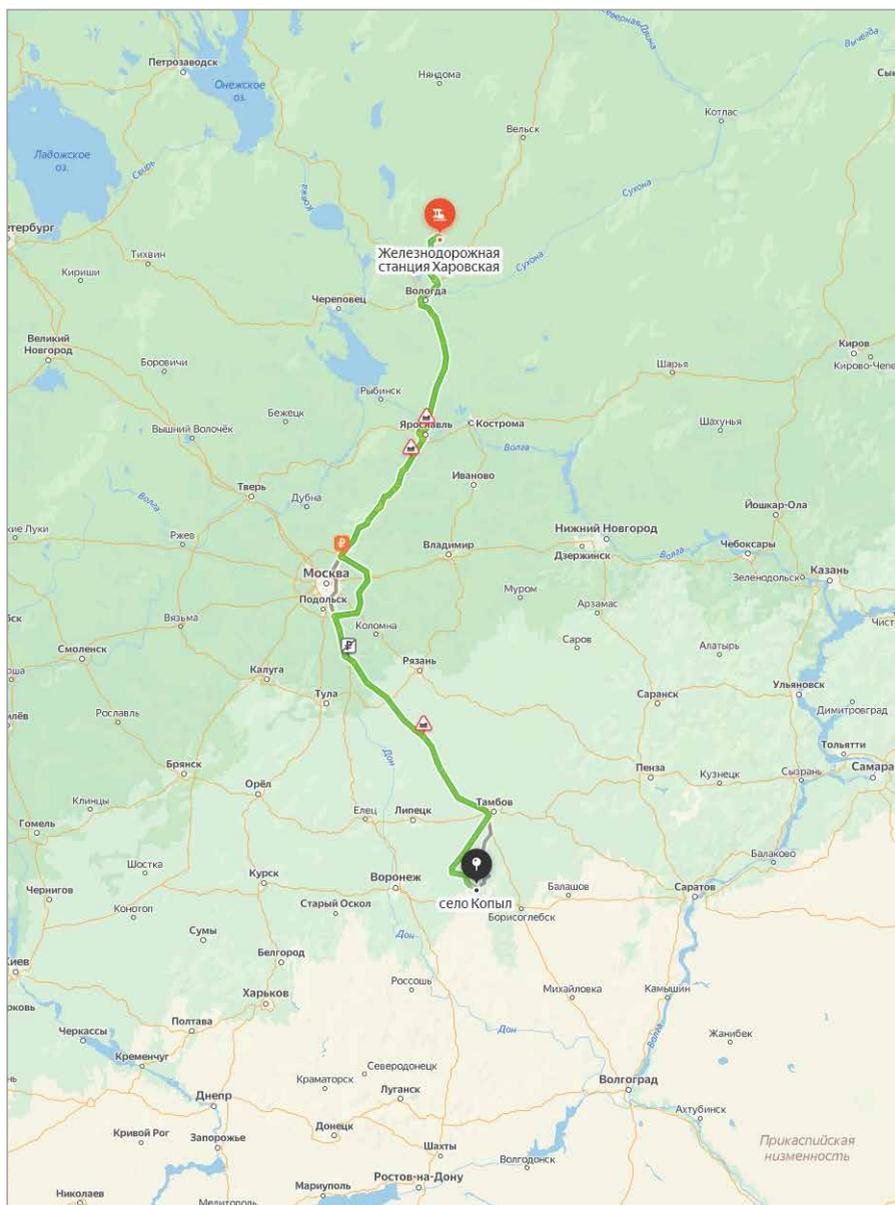
Из Лебедяни на пустошь пришли два брата, фамилия Теньковы на пустошь - это сейчас село Копыл, Эртильского района, Воронежской области.

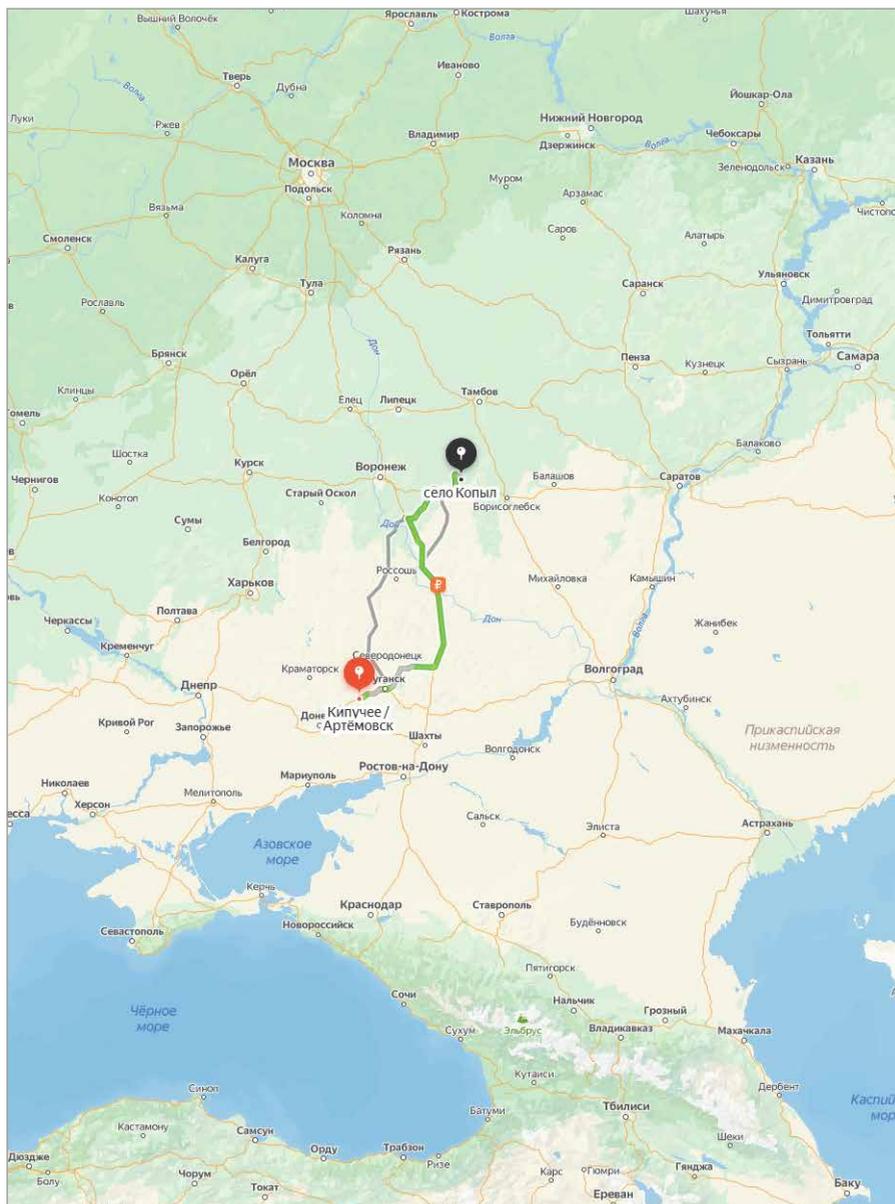
Место рождения. селе Копыл, ныне Эртильского р-на,
Воронежской области

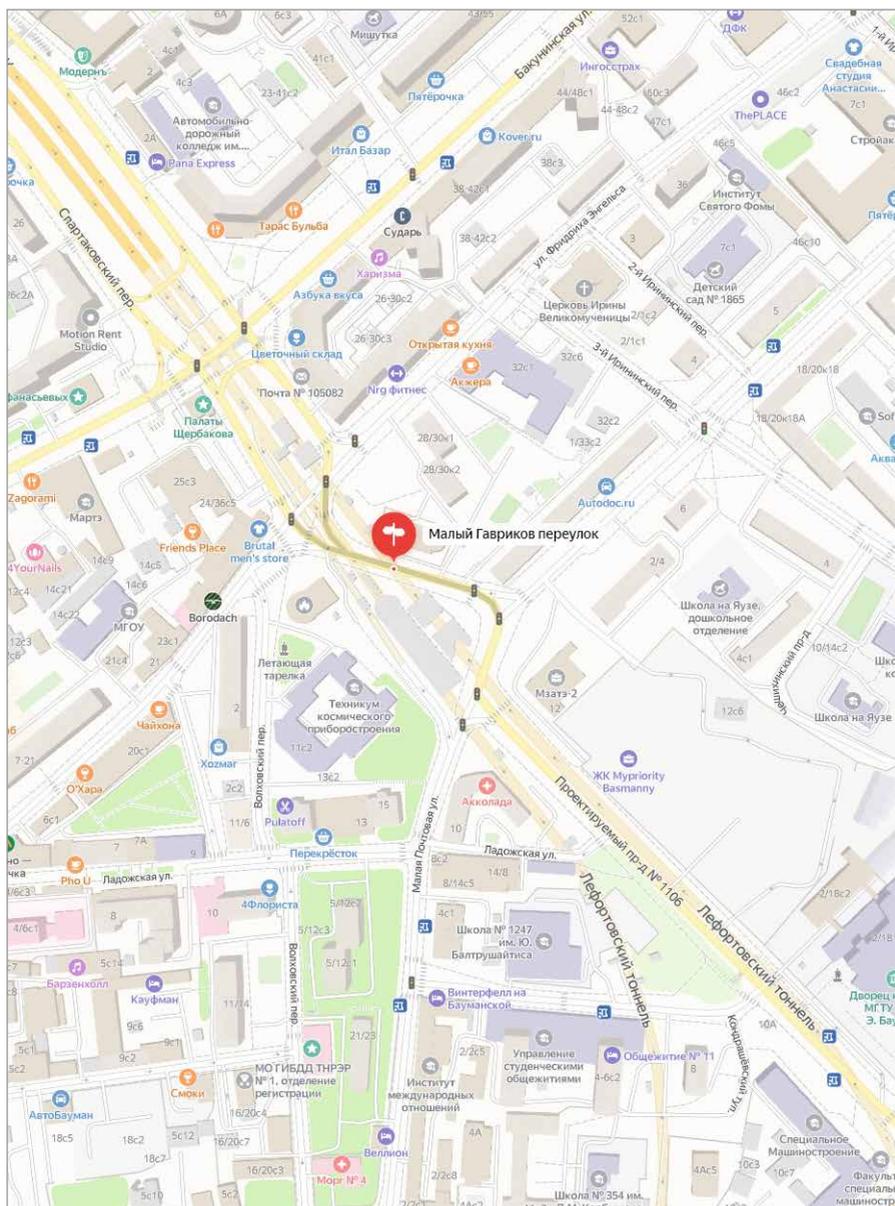
Место учебы Русаново, у маминого отца. Отец мамин Коннай Степанович жил в селе Русанова

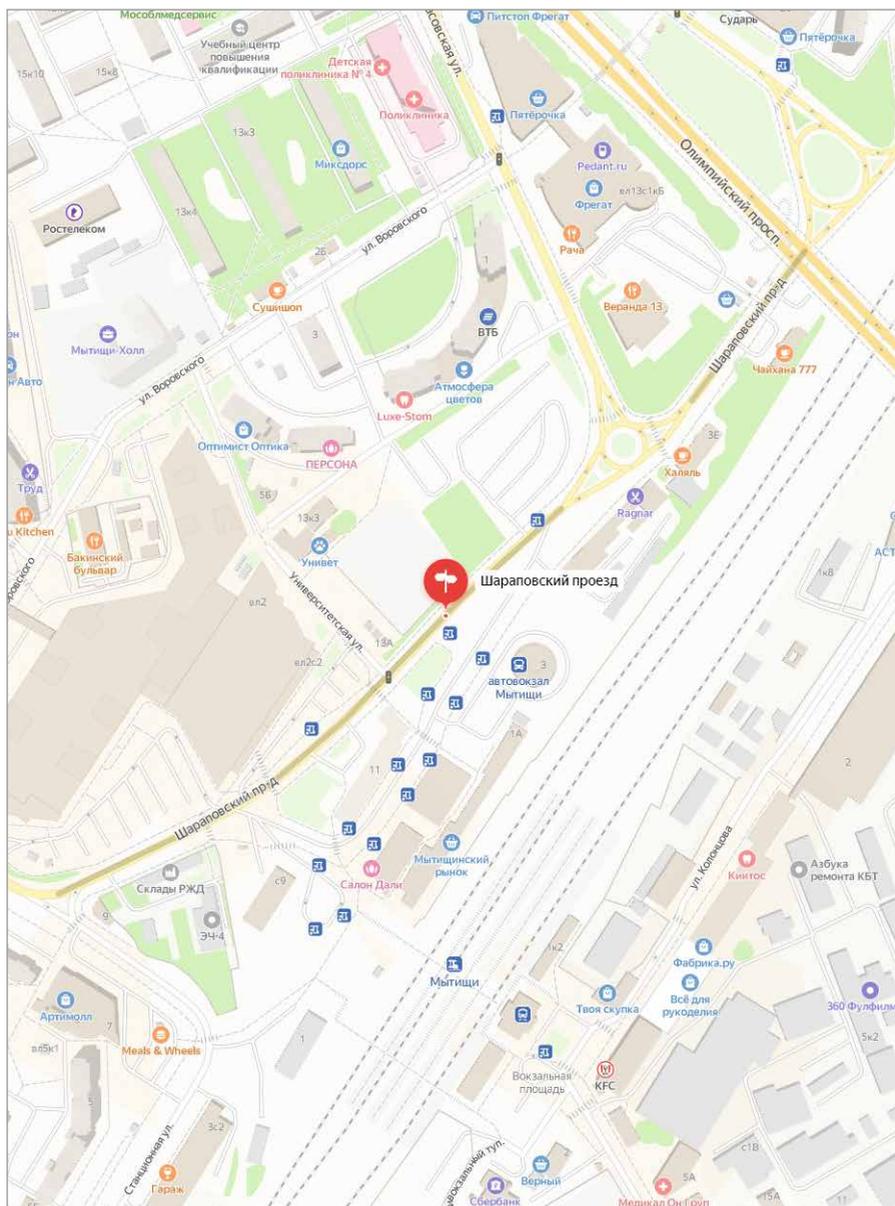
Высылка первая под Вологду в 1929 всей семьи.
На станции Харовская, Вологодской области

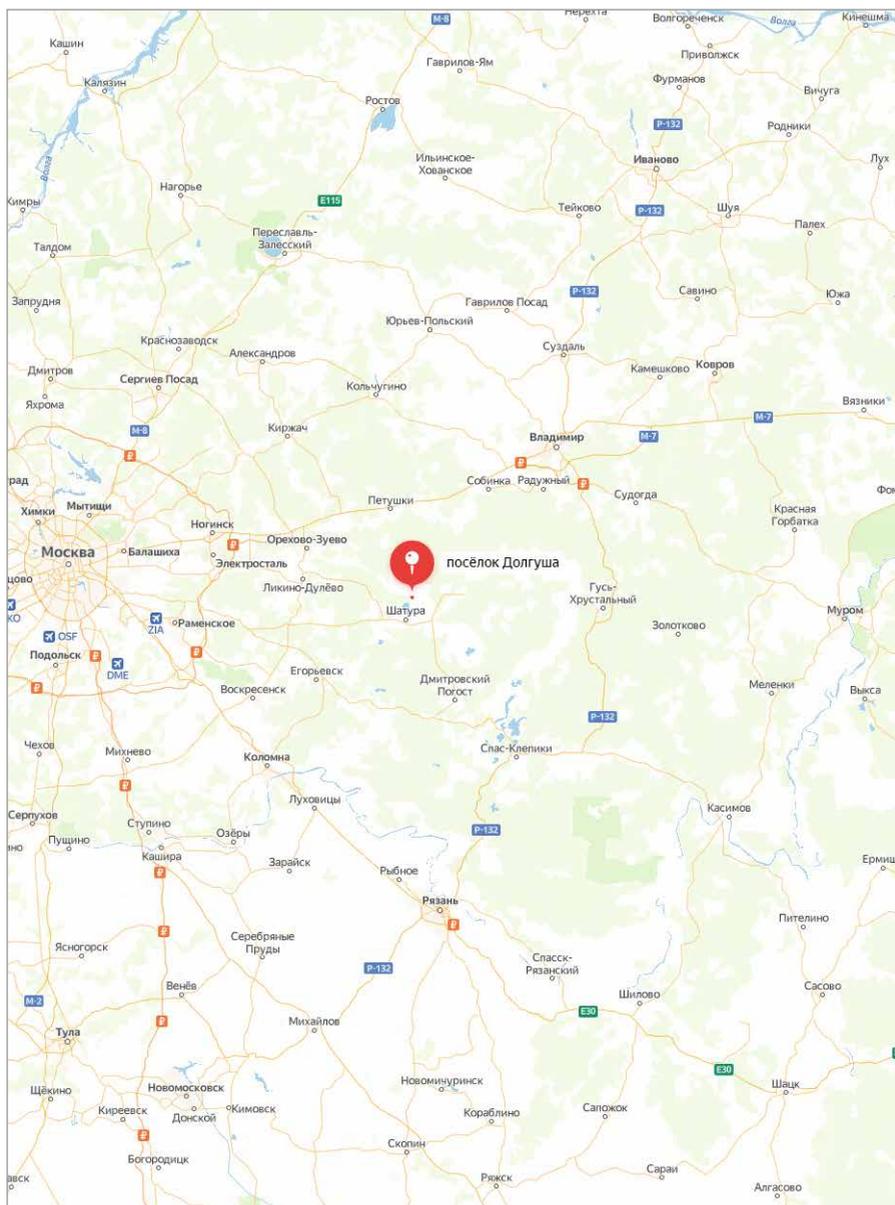
Место работы на шахте №10 Артемовского рудника
(в Донбассе)

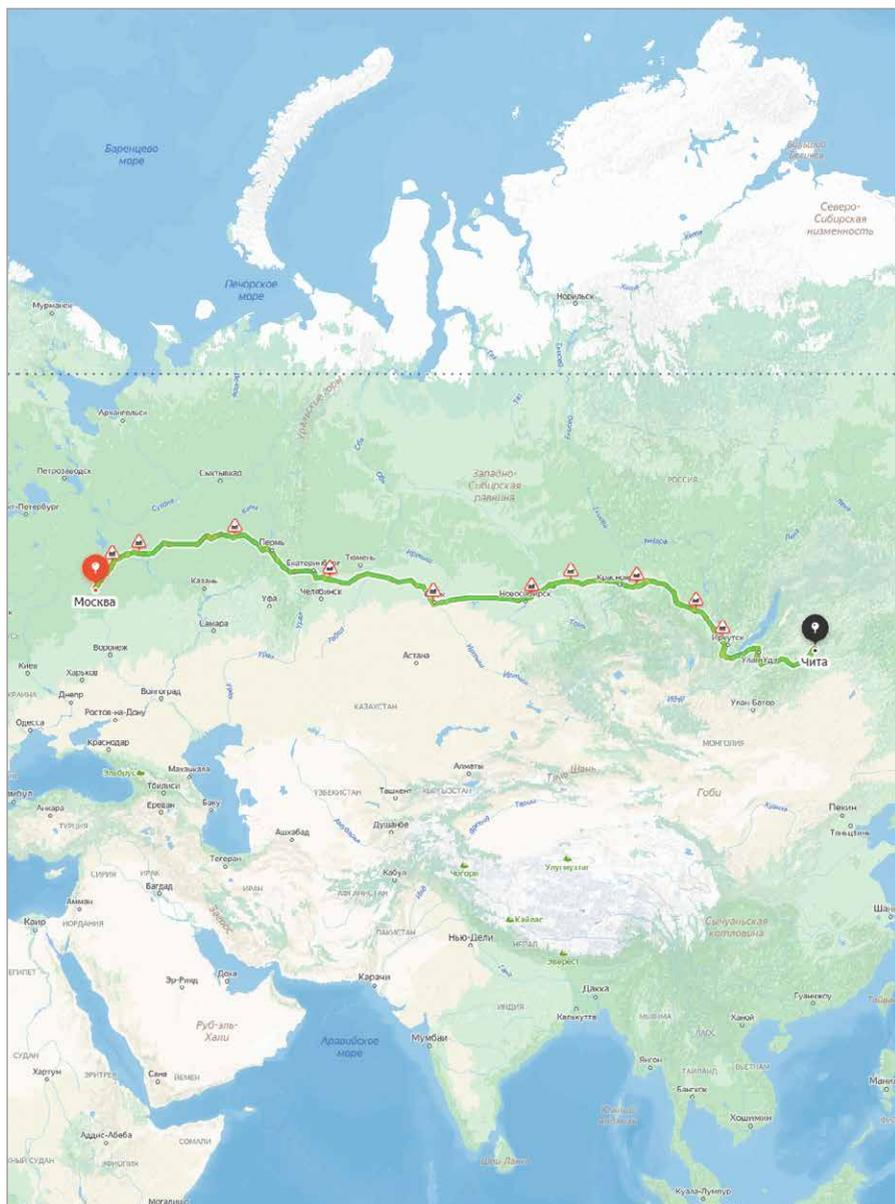
Место временного проживания в Москве. Бауманском р-не,
Гавриков переулок,

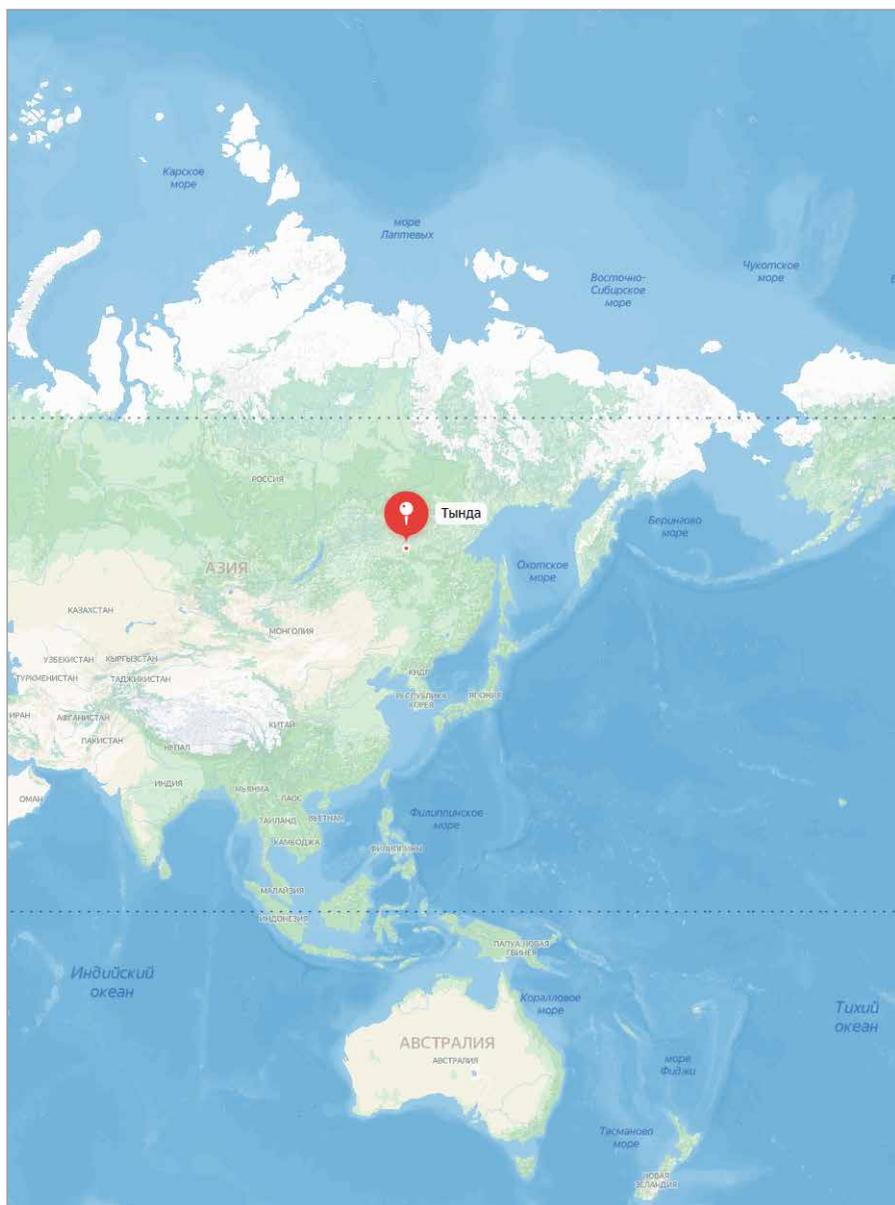
Место проживания и работы в Мытищах.
сейчас Шараповский проезд, рядом с ж/д станцией Мытищи

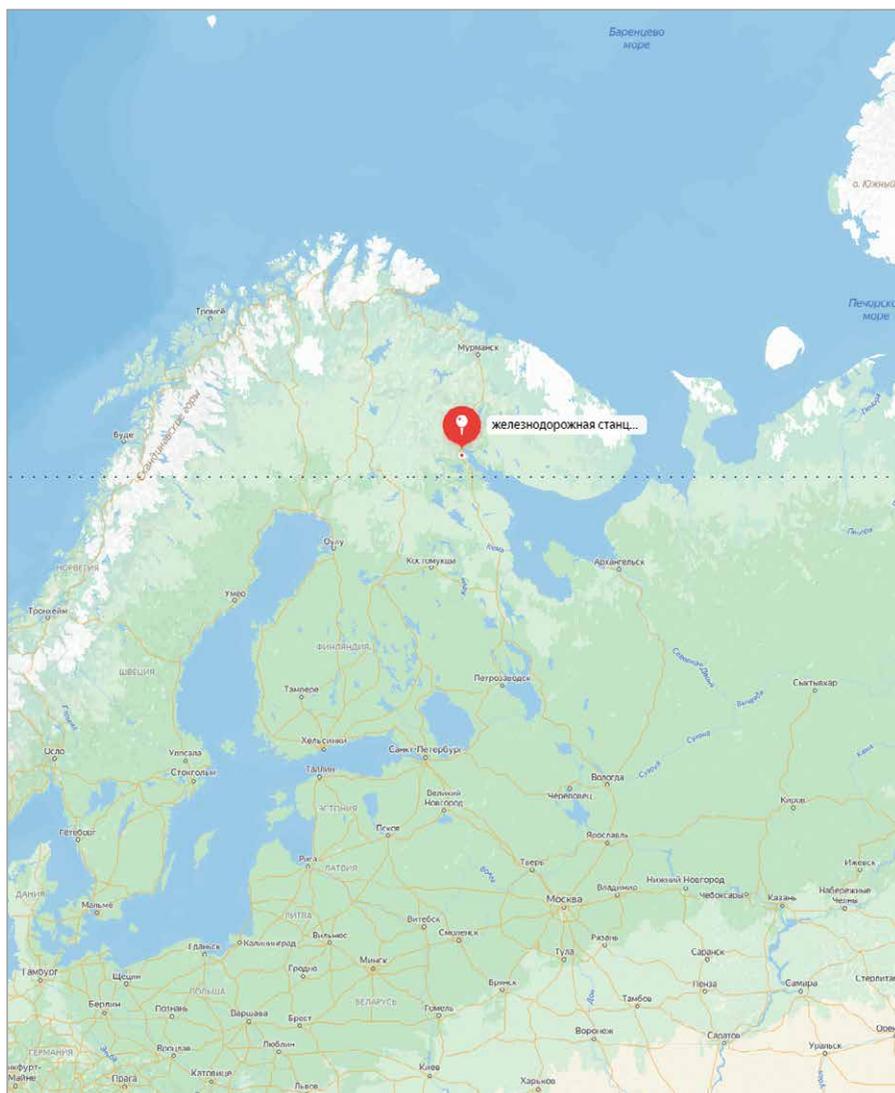
Высылка вторая под Шатуру в 1935-1936. поселке Долгуша,
Шатурский район, Московская область

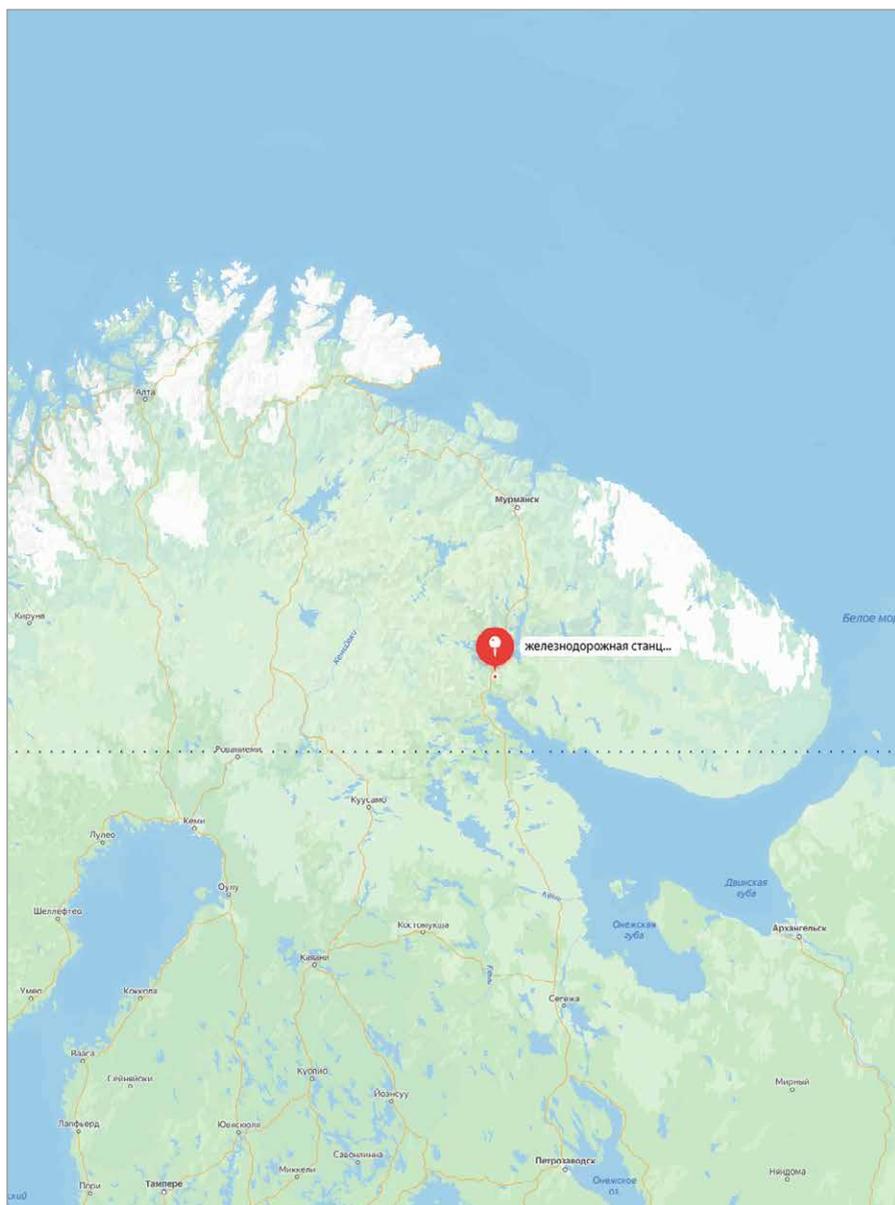
Высылка третья по всему СССР (Чита)
в 1937-1947

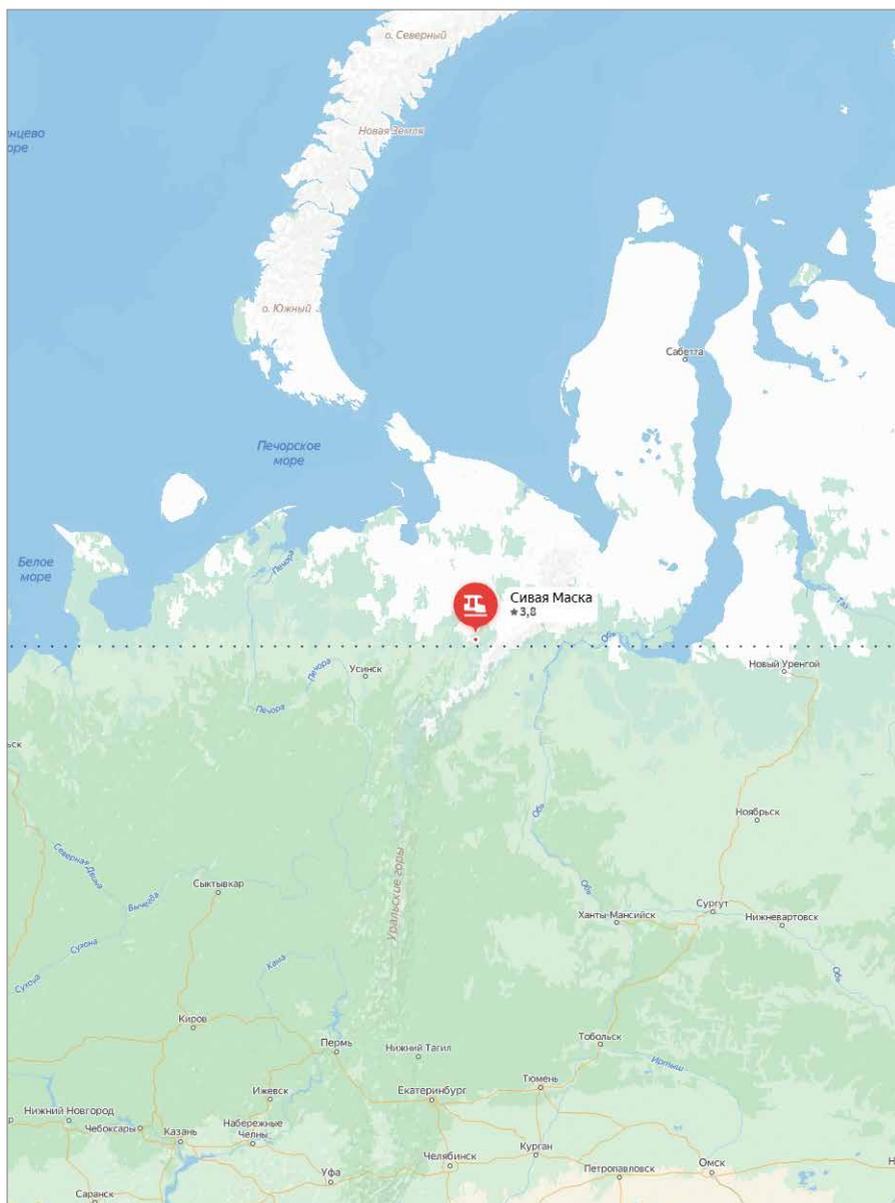
Высылка третья по всему СССР (Тында)
в 1937-1947

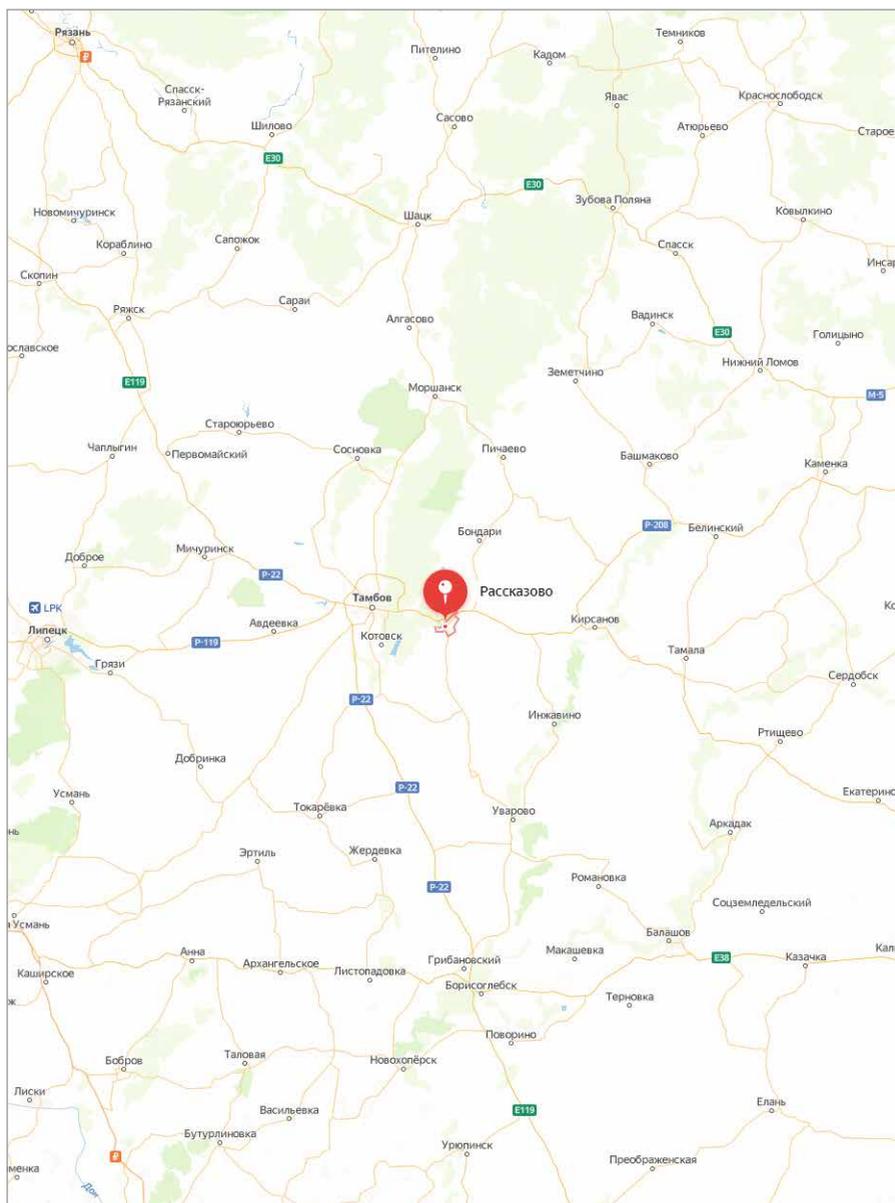
Высылка третья по всему СССР (Кандалакша) в 1937-1947.
на ст. Ручьи (железнодорожная станция Мурманского отделения
Октябрьской железной дороги в муниципальном районе
Кандалакша Мурманской области. Входит в городское поселение
Кандалакша.),

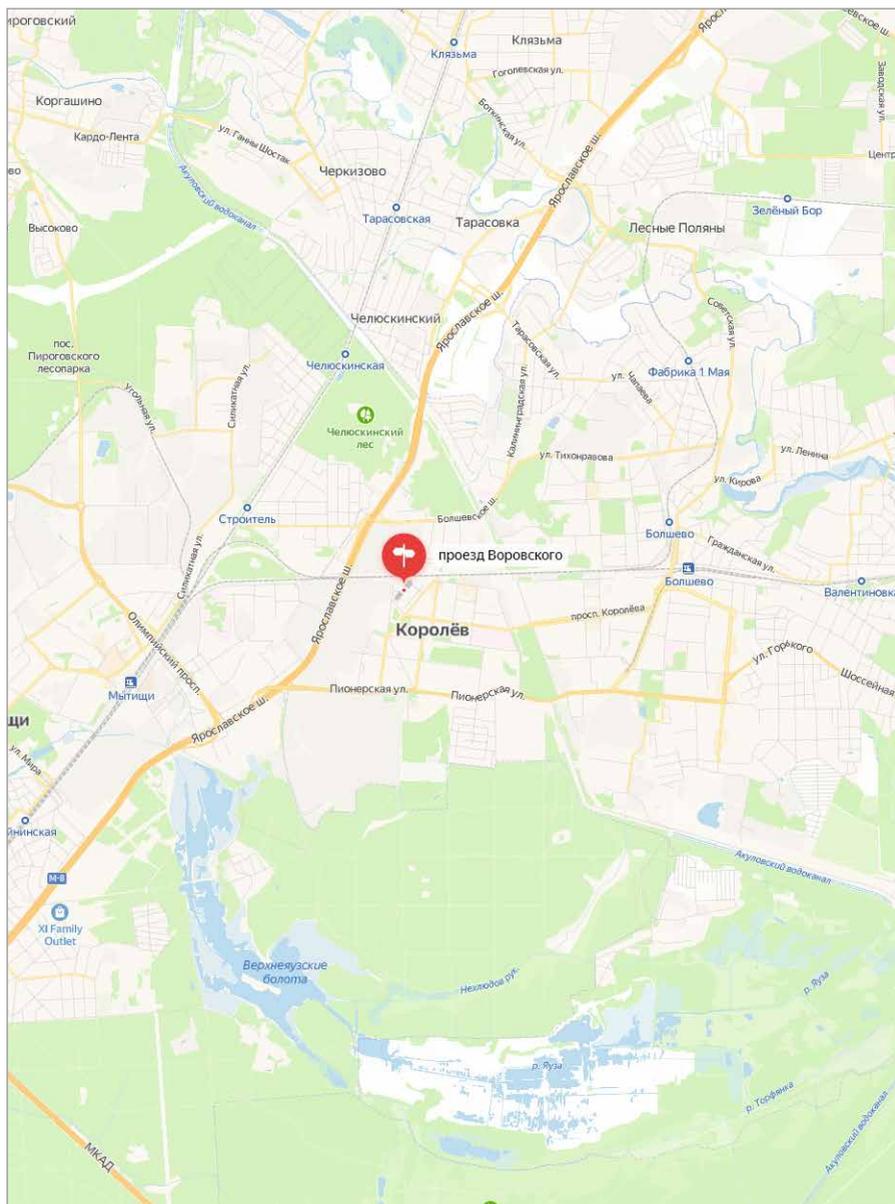
ст. Пинозеро, Кировского р-на,
Мурманской области.

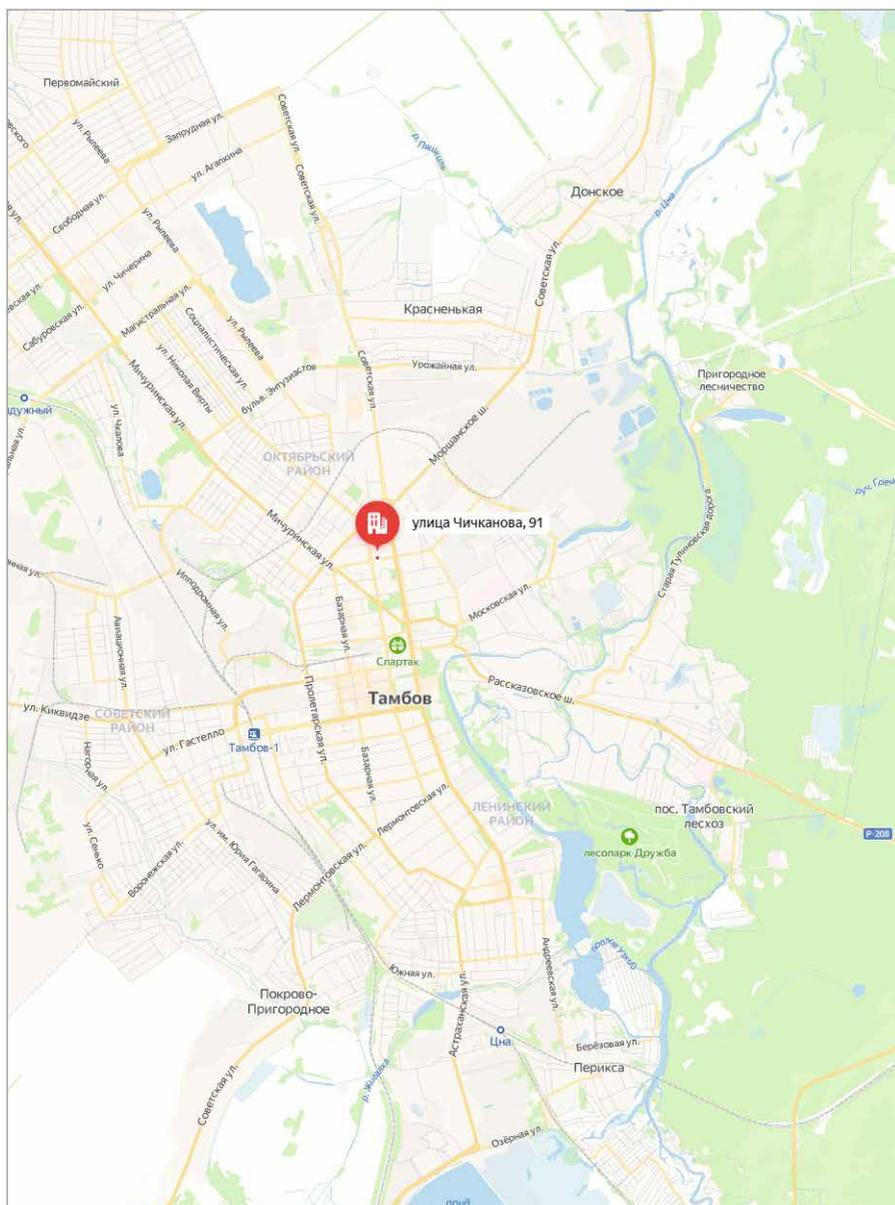
Высылка третья по всему СССР (Печера) в 1937-1947.
Станция Сивая Маска

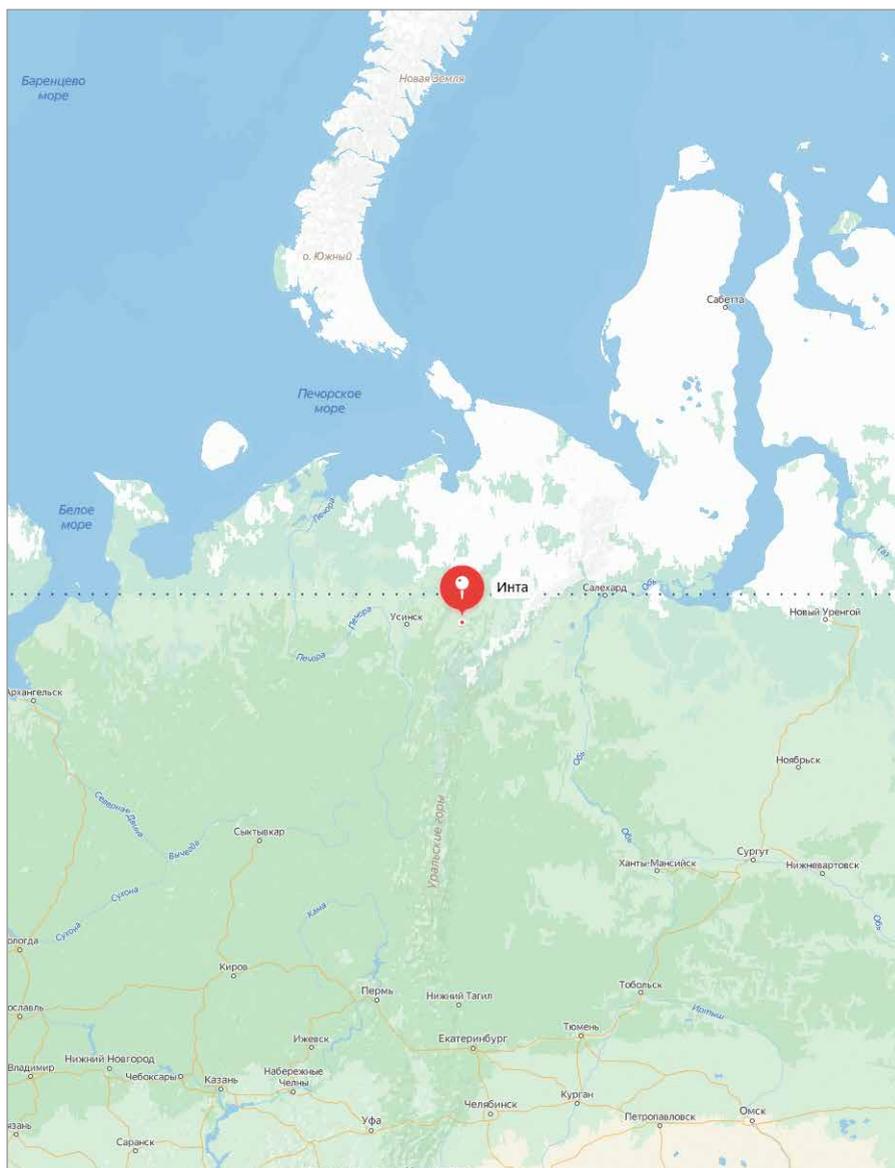
После возвращения из третей ссылки я указал город проживания Рассказово Тамбовской области, т.к. мать жила там у родственников.

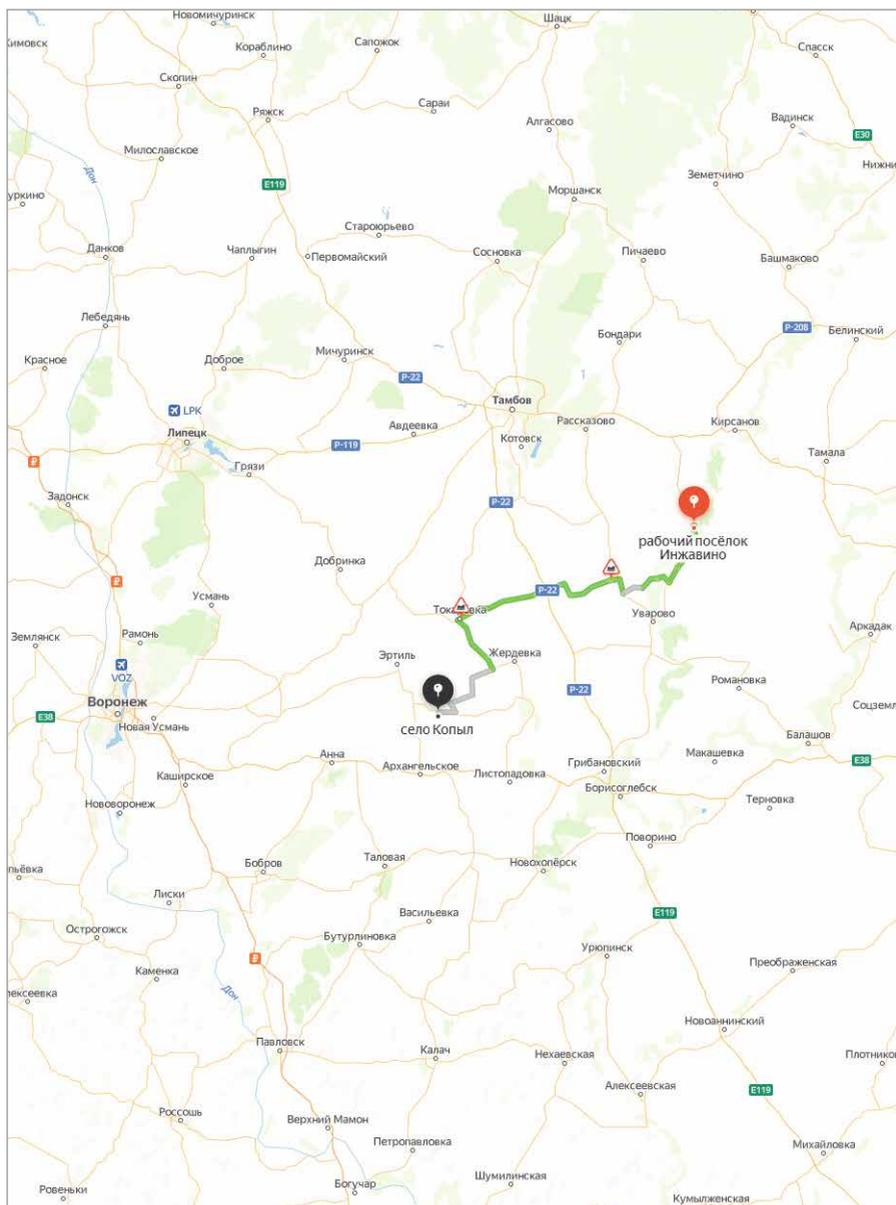
Числа 4-го я добрался до Москвы, где сын жил, ст. Подлипки,
Ярославская ж.д., проезд Воровского в9

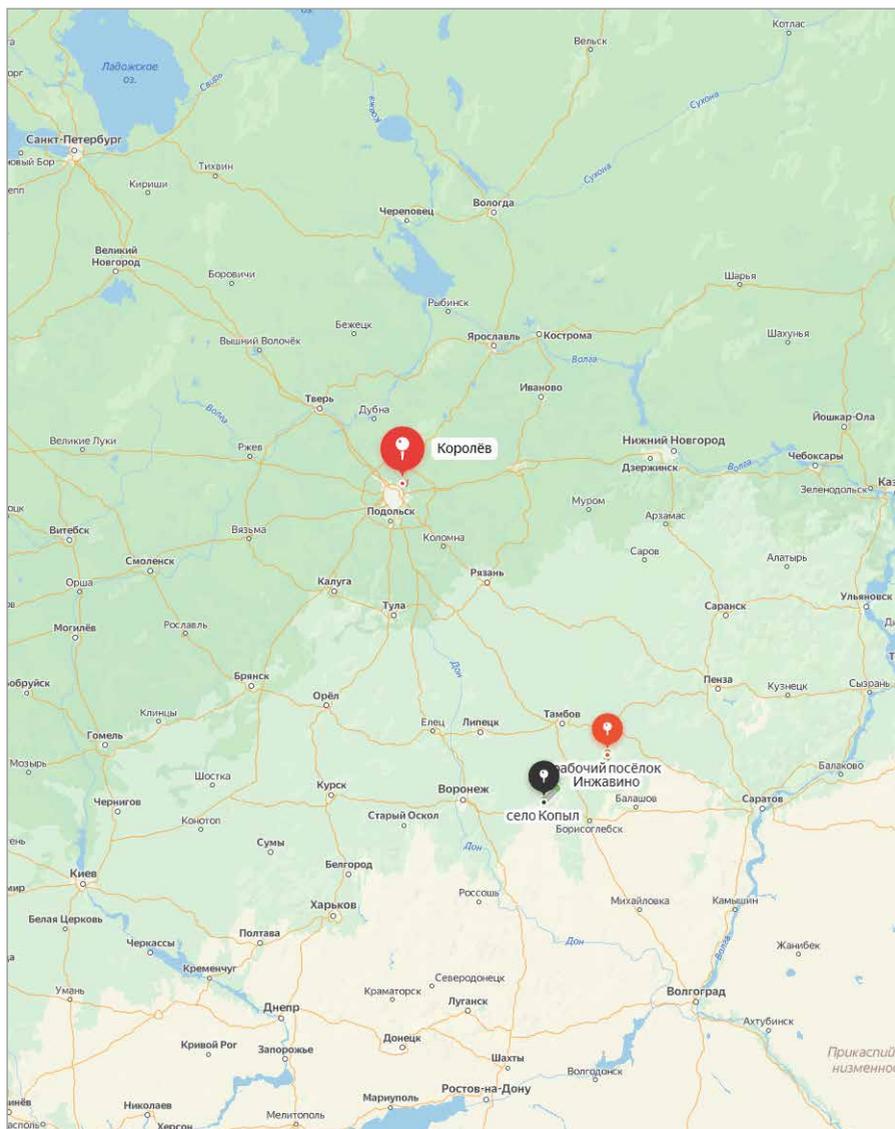
Тамбов. Мама с тетей купили домик
на ул. Чичканова 93

Работа после освобождения в Инте (Республика Коми).
7-го января 1951-го года мы с женой прибыли в Инту, нас поселили
Лесная 4, кв. 2, где прожили до 16 июня 1955го года

Место рождения бабушки Тамары и проживания моего папы
в Тамбовской области (Инжавино)

Место рождения проживания моего папы в Калининграде, переименован в Королев (Московская область) с указанием мест рождения бабушки Саломатиной Тамары Афанасьевны и деда Тенькова Серафима Васильевича

Послесловие

Пройдя все ужасы лагерной жизни мой отец не озлобился ни на Правительство, ни на людей. И до конца своих дней оставался жизнелюбивым человеком.

Светлая ему память, вечный покой!

Саломатин Владимир Серафимович (мой отец)

История семьи тесно связана с историей нашей страны. При любых жизненных испытаниях вспоминайте прочитанное Вами и никогда не отчаивайтесь!

Саломатин Алексей Владимирович

Подписано в печать 28.12.2022. Формат 60x84/16.
Гарнитура PT Serif. Печать цифровая. Бумага мелованная.
Усл. печ. л. 10,93. Тираж 20 экз. Заказ № 120727.

Отпечатано в типографии ООО «Роликс»
117105, г. Москва, Нагорный проезд, д. 7, стр. 5
Тел.: +7 (495) 661-46-22
www.roliksprint.ru